

**Власть истории –
История власти**

Том 9. Часть 4. (№46)

**The Power Of History
– The History Of Power**

Volume 9. Issue 4. (№46)

Свидетельство о регистрации средств массовой информации

ПИ № ФС77-61481

от 24 апреля 2015 г.

Эл № ФС77-61482

от 24 апреля 2015 г.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Власть истории – история власти» обязательна.

Рукописи рецензируются.

Журнал входит в Перечень ВАК (№ 694)

**Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым
и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад
в поддержку проекта.**

ISSN 2415-7015

8 номеров в год

E-mail: etnosocium@mail.ru

Сайт: <http://etnosocium.ru/vi>

Язык: русский, английский.

Зам. гл. ред. С.В. Рыбаков

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60х90/16. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 8,625

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «Этносоциум»

Отпечатано в типографии Международного издательского центра «Этносоциум»,
105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Москва 2023

Certificate of registration of mass media

ПИ № ФС77-61481

Founded in April 24, 2015

ЭЛ № ФС77-61482

Founded in April 24, 2015

The journal is ready to cooperate with authors from Russia and far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the scientific society.

“The Power Of History” aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free access to all publications, unless the contract with the author presupposes other conditions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

The journal is included in the list of **HAC** (№ 694)

**We express our gratitude
of the outstanding scientists and public figures, who made
a financial contribution to the project.**

ISSN 2415-7015

8 issues per year

E-mail: etnosocium@mail.ru

Website: <http://etnosocium.ru/english/The-Power-Of-History-vi-iv>

Languages: Russian, English

Deputy Chief Editor: Rybakov S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x90

Copies: 500

The original layout was prepared by the International Publishing Center «Ethnosocium»

Printed in the printing house of the International Publishing Center «Ethnosocium»

105066, Moscow, Spartakovskaya st., 19, building 3.

Moscow 2023

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Зам. Главного Редактора, руководитель проекта:

Рыбаков С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой национальных и федеративных отношений Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Долженко А.Н., доктор филологических наук. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков. Московская Академия Следственного комитета Российской Федерации.

Ненарокова М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ РУДН, ведущий научный сотрудник, отдел Классических литератур Запада и сравнительного литературоведения. Институт мировой литературы имени А.М. Горького (ИМЛИ) РАН. Переводчик.

Нагорнова Е.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Никашина Н.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Клименко Д.А., кандидат филологических наук, специалист по Италии.

Мурашко С.Ф., кандидат психологических наук, профессор кафедры русского и иностранных языков. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Ивакин Г.А., доктор исторических наук, профессор, эксперт. Заместитель директора ФГБНУ «Психологический институт РАО».

Наумова Г.Р., доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ).

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ковалева Н.А., доктор филологических наук, доцент. Профессор кафедры русского языка и литературы Института иностранных языков Нанкинского университета (КНР).

Летуновский П.В., кандидат исторических наук, доктор политических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Варсонофьев В.В., кандидат политических наук, военный эксперт.

Чапкин С.В., почетный академик, президент «Академии экологии и права».

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Игнатов И.С., кандидат политических наук, старший советник юстиции.

Вражнова М.Н., доктор педагогических наук, профессор, МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Курбонзода Хонали, доктор исторических наук, Ректор Республиканского института повышения квалификации и переподготовки работников сферы образования, Республика Таджикистан, г. Душанбе.

Платонова Н.М., доктор исторических наук. Доцент кафедры «Теория и история государства и права» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный государственный университет путей сообщения» (г. Хабаровск).

EDITORIAL BOARD

Deputy. Chief Editor and Project Manager:

Rybakov S.V., Doctor of historical sciences, professor of the history of Russian Ural Federal University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of National and Federal Relations of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Dolgenko A.N., Doctor of Philology. Head of the Department of Russian and Foreign Languages at the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Nenarokova M.R., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, RUDN University, Leading Researcher, Department of Classical Literature of the West and Comparative Literature. Institute of World Literature RAN. Interpreter/Translator.

Nagornova E.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages at the Institute of Foreign Languages of the Peoples' Friendship University of Russia.

Nikashina N.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Klimenko D.A., Candidate of Philology, specialist in Italy.

Murashko S.F., Candidate of Psychological Sciences, Professor of the Department of Russian and Foreign Languages. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Ivakin G.A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Expert. Deputy Director of the Federal State Budgetary Scientific

Institution “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”.

Naumova G.R., Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councillor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kovaleva N.A., Doctor of Philology, Associate Professor. Professor of the Department of Russian Language and Literature of the Institute of Foreign Languages of Nanjing University (PRC).

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the A.M. Vassilevsky Soviet Union.

Varsonofiev V.V., Candidate of Political Science, Military expert.

Chapkin S.V., Honorary Academician, President of the “Academy of Ecology and Law”.

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor.

Ignatov I.S., Candidate of Political Sciences, senior advisor of justice.

Vrajnova M.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Road Construction University (MADI).

Honali Kurbonzoda, Doctor of Historical Sciences, Rector of the «National Institute of professional development and training of educators».

Platonova N.M., Doctor of Historical Sciences. Associate Professor of the Department “Theory and History of State and Law” of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Far Eastern State University of Communications” (Khabarovsk).

Содержание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Богословская В.Р., Долгенко А.Н., Мурашко С.Ф., Рудакова С.В.</i> Диалектика развития русской лингвокультуры в начале XXI века.....	12
---	----

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

<i>Власов А.Е., Штепа А.В.</i> Проблема выплаты пенсий и предоставления медицинской помощи нижним чинам общей полиции и железнодорожной жандармерии Калужской губернии в начале XX века (на примере биографии старшего городского С.А. Гречишникова и унтер-офицера Е.П. Козлова).....	20
<i>Шляхов А.В.</i> Историческая память о первой мировой войне на страницах журнала «вопросы истории» (на примере 1951 года).....	28
<i>Ахметова А.Р., Галимзянова Л.Р.</i> Особенности национального образования в культурно-историческом поле российской провинции (конец XIX - первая четверть XX вв.).....	34
<i>Белоглазов Р.Н., Рац А.Г.</i> Неопубликованные мемуары В.И. Осокина как источник по истории деятельности подпольных организаций Севастополя в годы Великой Отечественной Войны.....	42
<i>Синицын О.В.</i> Характер и особенности среднешкольного и университетского преподавания истории в России.....	52

Кубанова А.К., Кравцов О.В.	
Эмоции в процессе их управления.....	62
Серенко М.Н. Первые шаги по восстановлению учреждений образования города Сталинграда в 1943 году.....	68
Шляхов А.В. Историческая память о первой мировой войне на страницах журнала «историк-марксист» в «юбилейные» годы (на примере 1928 и 1938 годов).....	74
Шупленков Н.О., Шупленков О.В. Историографический обзор исторических исследований на страницах журнала «Власть истории и История власти».....	90

ИСТОРИЯ ГЕОПОЛИТИКИ, МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Зияев А.А. Особенности военного обучения личного состава в узбекских национальных соединениях на территории Узбекской ССР в годы Великой Отечественной войны.....	103
Чжин Сил Азиатские иммигранты Дальнего Востока в материалах первой переписи населения Российской Империи 1897 г.....	118
Аннотации.....	125
Авторы.....	134

Content

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Bogoslovskaya V.R., Dolgenko A.N., Murashko S.F., Rudakova S.V.</i> Dialectics of the development of Russian linguoculture at the beginning of the XXI century.....	12
---	----

ACTUAL QUESTIONS OF HISTORICAL SCIENCES

<i>Vlasov A.E., Shtepa A.V.</i> The problem of paying pensions and providing medical care to the lower ranks of the general police and the railway gendarmerie of Kaluga province at the beginning of the twentieth century (on the example of the biography of the senior policeman S.A. Grechishnikov and the non-commissioned officer E.P. Kozlov)...	20
<i>Shlyakhov A.V.</i> Historical memory of the First World War on the pages of "Questions of History" journal (based on the example of 1951).....	28
<i>Akhmetova A.R., Galimzyanova L.R.</i> Features of national education in the cultural and historical field of the Russian province (late XIX - first quarter of XX centuries).....	34
<i>Beloglazov R.N., Rats A.G.</i> Unpublished memoirs of V.I. Osokin as a source on the history of activities of underground organizations in Sevastopol during the Great Patriotic War.....	42
<i>Sinitzyn O.V.</i> Character and features of secondary school and university teaching of history in Russia.....	52

<i>Kubanova A.K., Kravtsov O.V.</i>	
Emotions in the process of their management.....	62
<i>Serenko M.N.</i> The first steps to restore	
the educational institutions of the city of Stalingrad in 1943.....	68
<i>Shlyakhov A.V.</i> Historical memory	
of the first world war on the pages of “Marxist historian” journal	
in the “jubilee” years (based on the example of 1928 and 1938).....	74
<i>Shuplenkov O.V., Shuplenkov N.O.</i>	
Historiographical review of historical research on the pages	
of the journal «The Power of History and the History of Power».....	90

HISTORY OF GEOPOLITICS, INTERNATIONAL RELATIONS AND WORLD HISTORY

<i>Ziyaev A.A.</i> Features of military training	
of personnel in the Uzbek national formations on the territory	
of the Uzbek SSR during the Great Patriotic War.....	103
<i>Sil Jin</i> Asian immigrants	
of the Far East in the materials of the first census	
of population of the Russian Empire in 1897.....	118
 <i>Abstracts</i>	 130
<i>Authors</i>	136

Филологические науки

Philological sciences

Богословская В.Р.

Доцент кафедры общественных связей и медиаполитики, кандидат филологических наук, доцент. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Долгенко А.Н.

Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, доктор филологических наук, доцент. Московская академия Следственного комитета РФ.

Мурашко С.Ф.

Профессор кафедры русского и иностранных языков, кандидат психологических наук, доцент. Московская академия Следственного комитета РФ.

Рудакова С.В.

Доцент кафедры русского и иностранных языков, кандидат психологических наук, доцент. Московская академия Следственного комитета РФ.

**Диалектика развития русской лингвокультуры
в начале XXI века***

Динамика развития русской лингвокультуры в начале XXI в. представляет собой сложное взаимодействие и взаимовлияние противоположных тенденций, с одной стороны, отражающих стремление участников коммуникации к глобальному соучастию, но, с другой стороны, с сохранением национальной уникальности. Последняя тенденция в 2020-е годы существенно нарастает, во многом определяя характер лингвокультурной ситуации и диалектики развития русской лингвокультуры.

Лингвокультурная ситуация в ставшем классическим определении В.М. Шаклеина предстает как «динамичный и волнообразный процесс взаимодействия языков и культур в исторически сложившихся культурных

* © Богословская В.Р., Долгенко А.Н., Мурашко С.Ф., Рудакова С.В., 2023.

регионах и социальных средах» [5, с. 19]. Динамика развития любой национальной лингвокультуры предстает, в понимании В.М. Шаклеина, которое мы в полной мере разделяем, в виде «неразрывной цепи лингвокультурных ситуаций, имеющих четкие временные границы» [5, с. 20]. При этом каждая лингвокультурная ситуация, базируясь на неких доминантах, порождает и тиражирует стереотипы восприятия в контурах базовой коммуникативной оппозиции «свой – чужой»: гомостереотипы и гетеростереотипы соответственно. В данном отношении «начало XXI в. представляет собой особый период в развитии русской лингвокультуры, имеющий традиционные доминанты, но вырабатывающий и реализующий специфические стереотипы. Это, прежде всего, относится к стереотипам восприятия «чужого» – гетеростереотипам» [3, с. 75].

Динамику изменений в системе гетеростереотипов русской лингвокультуры, анализу которой был посвящен ряд статей [см.: 1, 3], можно проследить на материале сопоставления лингвокультурной ситуации начала XXI века ситуации конца XX века. Так, по мнению В.М. Шаклеина, специфику системы идеологии русского языка в конце прошлого столетия «определяли две культурно-идеологические доминанты: противостояния и необходимости выбора (из экономических и, как следствие, политических систем). Статус доминанты ученым определяется по отношению ко всей системе идеологии. Доминанта должна быть общей для этой системы, независимо от подсистем, ее составляющих, должна реализовывать структуро-образующую функцию, отражать в общем виде характер мировоззрения, обладать высокой степенью обобщения» [5, с. 14]. Идеологическая доминанта противостояния общим потокам общественно-политической информации, по мнению В.М. Шаклеина, внедрялась «как обязательная и мотивировалась рядом противоположных «экстралингвистических факторов: тоталитарная система, коммунизм – свободное общество, демократия; угроза порабощения Западом – помощь Запада» и т.п. С одной стороны, идеологема противостояния выражает двухмерность картины мира, с другой стороны, она обуславливает развитие ряда зависимых от нее идеологем, определяет оппозиционное построение всей системы идеологии. Она стала устойчивым характеризующим фактором лингвокультурной ситуации в конце XX века» [5, с. 19–20].

Мы склонны полагать, что идеологема внутреннего и внешнего противостояния не утратила актуальности и в начале XXI в. Сохраняя статус доминанты, она, тем не менее, опирается на несколько иные стереотипы (см. об этом: Долгенко, Косырева, Мурашко, 2016), что во многом связано с лингвокультурным разворотом второй из отмеченных доминант – необходимости выбора. «Реализацией культурно-идеологической доминанты необходимости выбора – важнейшей идеологемы русской лингвокультуры конца XX века – была безальтернативность выбора, создающая ощущение невозможности

компромисса» [5, с. 29]. Однако в начале XXI века «идеологема безальтернативности выбора в пользу «Запада» осталась актуальной лишь для незначительной части либерально настроенных представителей русской лингвокультуры. Значительная же доля тех, кто, будучи носителем русского языка, является частью русской лингвокультуры, уже не воспринимает англоязычный мир как идеальный. Между сочетаниями «жить хорошо» и «жить как на Западе» уже не стоит культурно-идеологический знак равенства» [3, с. 95].

Инерция социальной самоидентификации, а также существенная корректировка гомостереотипов русской лингвокультуры, связанная с культурно-идеологическим осмыслением изменений на карте и в Конституции Российской Федерации (новые регионы в составе Российской Федерации), эпохальное обострение военно-политического противостояния между Россией западным миром, безусловно, актуализирует доминанту безальтернативности выбора, но уже не в пользу «Запада»: «Диалог культур вновь, как это нередко бывало, вошел в фазу глобального культурно-исторического противостояния и, как следствие, гетеростереотипы русской лингвокультуры меняют коннотацию в зависимости от конкретной реализации дихотомии «свой – чужой». При этом градус политизации коммуникации остается таким же высоким, как в предыдущем периоде развития русской лингвокультуры – в конце XX века. Весьма показательной в данном отношении является визуализация противостояния гомо- и гетеростереотипов в культурном пространстве современного российского города, когда идеологема «Мы – победители!» (гомостереотип) соседствует с идеологемой «Не забывайте, кто вы!» (гетеростереотип)» [3, с. 95–96].

Принципиально важным изменением, повлиявшим на характер коммуникации в начале XXI в., что неотвратно сказывалось и на русской лингвокультуре, следует считать появление новых инструментов коммуникации. До середины XX в. коммуникация осуществлялась посредством двух форм: первая предполагала печатание на бумаге и распространение методом физической транспортировки или хранение в библиотеках (почта, газеты, журналы и книги), вторая представляла собой закодированные сообщения или речь, передаваемые средствами различных сигналов по воздуху или по кабельной связи (телеграф, телефон, радио и телевидение). К концу XX в. технологии, некогда существовавшие в разных областях применения, стирают эти различия, так что потребители информации получают в свое распоряжение множество альтернативных средств. Особенно быстро и результативно развиваются телекоммуникационные и компьютерные сети. Сегодня любой обладатель смартфона фактически включен в глобальную коммуникацию. Интернет привлекателен тем, что управление сетевыми ресурсами здесь децентрализовано – на своем сервере или сайте каждый волен представлять любую информацию в любом порядке при условии, что

она технически совместима с поддерживаемыми системой и браузерами. Она, разумеется, не должна противоречить действующему законодательству в сфере СМИ и информационных технологий. Однако контроль исполнения законодательства всегда носит реактивный характер, а это значит, что участники интернет-коммуникации в свободе волеизъявления в глобальном информационном пространстве в принципе связаны только техническими ограничениями.

Возможность иметь практически мгновенный доступ ко всем источникам информации одновременно и при этом делать индивидуальный выбор – возможно, главное достоинство интернет-технологий. Миллионы людей каждый день используют Интернет для различных целей. Особое значение в коммуникации имеет то, что Интернет предоставляет не только стремящееся к бесконечности количество информации, но и возможность общения в реальном времени с использованием коммуникаторов, месенджеров, социальных сетей. Это привело к качественным изменениям в коммуникации: уничтожение фактора расстояния и нивелирование фактора времени (возможность отсроченного ответа, манипуляций с программным и сетевым временем), создание сообществ, моделирование сетевой личности (создание легенды), возможность полной анонимности (как следствие, полной безответственности). Эта коммуникативная свобода (не бесконтрольная, конечно, но отнюдь не иллюзорная) является важным условием активизации обмена смыслами и словами, выражающими эти смыслы. Тенденция к яркости выражения, к украшению речи, к языковой игре превалирует над фундаментальной тенденцией к экономии языковых средств. Это оказывается весьма благоприятной почвой для экспансии глобального английского языка.

Глобальный английский реализуется, прежде всего, как язык Интернета и бизнеса, рекламы и политики, кино и образования, науки и спорта. Английский язык для бытового общения в иноязычной среде употребляют почти все, не знающие языка собеседника. О масштабности роли английского языка в современной российской культуре весьма точно пишет В.Н. Лескин: «В самых престижных вузах России чтение лекций и проведение семинаров на английском языке стало обыденным явлением. Десятки тысяч русских юношей и девушек получают высшее (или послевузовское образование) за рубежом, где все преподавание ведется на английском. После научных журнальных публикаций и в конце научных изданий принято давать аннотации на английском языке. Становятся англоязычными научные издания самых разных стран: считается, что это делает их доступными большему числу потенциальных читателей, а значит, и более тиражными. В начале XX в. число публикаций по естественным наукам и математике на немецком, английском и французском языках было примерно равным (доля

публикаций на русском в этот период не превышала первые проценты, но к семидесятым годам прошлого века составила более 20%), к концу же столетия доля научных публикаций на английском превысила 90%» [4, с. 22-23].

Поскольку при формировании политического, культурного и этнического самосознания язык играет центральную роль, усиление глобального давления через английский язык может сказаться на национальной идентичности, что уже проявляется в многочисленных терминоидах: “постнациональный”, “наднациональный”, “глобальная идентичность”. Создание глобальной идентичности, по мнению, например, А. Кирилиной, уже идет и выражается в «появлении метроэтничности – типажа жителя крупного города, ориентированного лишь на “индивидуальный жизненный проект” с гедонистическим уклоном и не отягощенного национальной идентичностью. Говорит он, разумеется, на английском» [2, с. 51].

В.Н. Лескин отмечает, что ситуация в современной лингвокультуре связана, в первую очередь, с продолжающейся вестернизацией экономической политики и государственного устройства: «Радио- и телепередачи, газеты, публикуемые отчеты компаний быстро ввели в повседневную речь ранее малоупотребительные слова бизнес и приватизация, ваучер и брокер, а затем – бонус, волатильность, дилер, деривативы, дивиденды, инсайдер, кросс-курс, лот, ликвидность, маркетинг, монетаризм (и монетарная политика), опцион, оффшор, своп, трансферт, фьючерсы, форвертсы, хеджирование и др. В описаниях политических событий появились слова и выражения деидеологизация, идеократия, имиджмейкер, консенсус, легитимность, мондиализм, олигархат, популизм, рейтинг, саммит, субсидиарность, толерантность, трайбализм, харизма, электорат, элита и др. Многие слова, утерав первоначальное позитивное начало, были переосмыслены в негативные; таковы, например, пиар и лоббирование. Не менее важно и то обстоятельство, что указанные перемены совпали с лавинообразным распространением языка пользователей интернета и жителей сети. Миллионы граждан России стали говорить, а, следовательно, думать на сетевом диалекте: смеси англоязычных терминов, их русифицированных вариантов, глагольных форм и т.п.» [4, с. 23–24]. Эти наблюдения в целом соответствуют общему пессимистическому тону, которым описывается современная языковая ситуация. Об этом, в частности, пишет А.В. Кирилина: «Значительное число ученых описывает ситуацию при помощи пессимистических метафор: английский – язык-убийца, язык-тиранозавр, язык-кукушонок в гнезде языков и даже лингвистический геноцид, лингвистический империализм, преступления против человечности в области образования и т.д.» [2, с. 51]. Однако «почти во всех европейских странах, – пишет А.В. Кирилина, – государственные лингвистические учреждения, “официальная” лингвистика, как правило, настаивают на “нормальности”, закономерности

и – за редким исключением – отрицают трагизм или негативный характер происходящих в языке изменений» [2, с. 51].

Сходная тенденция складывалась и в России: «В первые 2000-е гг. в Российской Федерации наблюдалось сокращение числа изучающих какой-либо неанглийский язык – как в школах, так и в вузах. А в 2007 г. (кстати, объявленном Годом русского языка) в Москве была повышена зарплата учителям английского» [2, с. 53]. Примечательно, что А.В. Кирилина увязывает эту тенденцию не только с целенаправленной государственной образовательной политикой, но и с проблемой утраты родных языков: «исследования показывают, что, по меньшей мере, половина имеющихся на сегодня языков – под угрозой исчезновения. Около 96% населения земли говорит на 45 языках мира, и наречия малых народов исчезают в результате неравноправного контакта с более “сильными” местными конкурентами. Однако ранее такая тенденция наблюдалась, как правило, у бесписьменных, не имеющих широкой сферы функционирования языков. Сегодня же схожие процессы коснулись значительно более мощных языков, стоящих на верхних ступенях мировой иерархии. Да и их социальная база (число говорящих) вследствие негативных демографических тенденций сокращается» [2, с. 53].

Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что своеобразный оверштаг русской лингвокультуры в начале XXI в. в сторону деглобализации и укрепления национальной самобытности и скептического восприятия прелестей глобальной коммуникации вполне обоснован и неизбежен как по лингвистическим, так и по экстралингвистическим причинам. Следует полагать, что именно борьба глобализационных и деглобализационных тенденций определяет диалектику развития русской лингвокультуры в ближайшем будущем.

Библиографический список:

- [1] Долгенко А.Н., Косырева М.С., Мурашко С.Ф. Русская лингвокультура. Некоторые особенности гетеростереотипов начала XXI века // Альманах «Казачество». 2016. № 14 (1). С. 74-79.
- [2] Кирилина А. Глобализация и судьбы языков. Останется ли русский – великим и могучим // Литературная газета. 8–14 февраля, 2012. № 5 (6356).
- [3] Косырева М.С., Долгенко А.Н., Мурашко С.Ф. Гетеростереотипы русской лингвокультуры начала XXI века // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 10 (88). С. 94-97.
- [4] Лескин В.Н. Языковая репрезентация русской цивилизации // Мир России. 2014. № 2. С. 6-35.
- [5] Шаклеин В.М. Лингвокультурная ситуация в современной России [Текст]: монография / В.М. Шаклеин. – М.: Флинта: Наука, 2010. 147 с.

Reference

- [1] Dolgenko A.N., Kosyreva M.S., Murashko S.F. Russian linguistic culture. Some features of heterostereotypes of the early XXI century // Almanac "Cossacks". 2016. № 14 (1). P. 74-79.
- [2] Kirilina A. Globalization and fate of languages. Will the Russian remain great and mighty // Literaturnaya Gazeta. February 8–14, 2012. № 5 (6356).
- [3] Kosyreva M.S., Dolgenko A.N., Murashko S.F. Heterostereotypes of Russian linguoculture at the beginning of the 21st century // Ethnosocium and interethnic culture. 2015. № 10 (88). P. 94-97.
- [4] Leskin V.N. Linguistic representation of Russian civilization // World of Russia. 2014. № 2. P. 6-35.
- [5] Shaklein V.M. Linguistic and cultural situation in modern Russia [Text]: monograph / V.M. Shaklein. – M.: Flinta: Nauka, 2010. 147 p.

Богословская В.Р.

Доцент кафедры общественных связей и медиаполитики, кандидат филологических наук, доцент. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Долгенко А.Н.

Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, доктор филологических наук, доцент. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Мурашко С.Ф.

Профессор кафедры русского и иностранных языков, кандидат психологических наук, доцент. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Рудакова С.В.

Доцент кафедры русского и иностранных языков, кандидат психологических наук, доцент. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Диалектика развития русской лингвокультуры в начале XXI века

Аннотация. Статья посвящена анализу процессов, влияющих на динамику и специфику развития русской лингвокультуры в начале XXI в. Выявляются особенности развития культурных стереотипов, определяющих особенности современной лингвокультурной ситуации в контексте противодействия глобализационных и деглобализационных тенденций.

Ключевые слова: современная русская лингвокультура, стереотипы лингвокультуры, глобализация и деглобализация.

Bogoslovskaya V.R.

*Associate Professor of the Department of Public Relations and Media Policy,
Candidate of Philology, Associate Professor. Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration.*

Dolgenko A.N.

*Head of the Department of Russian and Foreign Languages, Doctor of Philology,
Associate Professor. Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation.*

Murashko S.F.

*Professor of the Department of the Russian and Foreign Languages,
Candidate of Psychological Sciences. Moscow Academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation.*

Rudakova S.V.

*Associate Professor of the Department of the Russian and Foreign Languages,
Candidate of Psychological Sciences. Moscow Academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation.*

**Dialectics of the development of Russian linguoculture
at the beginning of the XXI century**

Abstract. The article is devoted to the analysis of the processes influencing the dynamics and specificity of the development of Russian linguoculture at the beginning of the 21st century. The authors reveal the peculiarities of the development of cultural stereotypes which determine the specifics of modern linguocultural situation in the context of counteraction of globalization and deglobalization tendencies.

Key words: modern Russian linguoculture, linguocultural stereotypes, globalization and deglobalization.

*Актуальные вопросы
исторических наук*

*Actual questions
of historical sciences*

Власов А.Е.

Аспирант 3 курса кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского.

Штепа А.В.

Кандидат исторических наук. Доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского.

**Проблема выплаты пенсий и предоставления
медицинской помощи нижним чинам
общей полиции и железнодорожной
жандармерии Калужской губернии
в начале XX века (на примере биографии
старшего городского С.А. Гречишникова
и унтер-офицера Е.П. Козлова)***

Одним из вопросов, которому уделялось мало внимания в научной литературе, имеющей отношение к работе правоохранительных органов на региональном уровне, была проблема материального и социального обеспечения нижних чинов жандармской и общей полиции. Среди современных работ, к которых обращено внимание на условия службы чинов общей полиции Московской губернии в начале XX в., их жалование и материальное обеспечение отметим статью А.Ю. Дунаевой, в которой автор приходит к выводу о том, что недостаточное финансирование материально-технической базы полиции значительно снижало эффективность её борьбы против революционного движения [3]. Такого же мнения придерживается и

* © Власов А.Е., Штепа А.В., 2023.

Е.И. Степанова, характеризуя финансирование и материально-техническое обеспечение уездной полиции Курской губернии в середине XIX – начале XX вв. [5]. О.В. Лазарева, проанализировав источники финансирования губернской полиции Российской полиции в XIX – начале XX вв. на примере Пензенской и Саратовской губерний пришла к убеждению, что государство сэкономило на полиции, перекладывая часть расходов на региональные органы власти [4].

Несмотря на то, что после реформы полиции 1862 г. было увеличенное казенное финансирование полицейских структур в 19,4 раза, и государство выделило на реформирование губернской полиции 54 717 руб., местный бюджет – 25 683 руб. [4, с. 135], этих средств явно не хватало для полноценного обеспечения полицейских, тем более тех, кто даже частично потерял трудоспособность.

Этот вывод находит своё подтверждение в деле о назначении пенсии утратившему трудоспособность городовому 3-й полицейской части города Калуги Сергею Алексеевичу Гречишникову.

24 ноября 1874 г., после 10-летней военной службы выйдя в отставку в чине унтер-офицера, С.А. Гречишников поступил младшим городовым в 3-ю полицейскую часть г. Калуги. 30 декабря 1883 г. ему была присвоена серебряная нагрудная медаль с надписью «За беспорочную службу» на Аннинской ленте, а в начале января 1893 г. – медали «За усердие». 24 июля 1896 г. Сергей Алексеевич был произведён в старшие городовые. Последнюю награду он получил, согласно архивным документам, 1 января 1898 г. [1, лл. 56об.–57]. Жалованье городового в то время составляло 180 руб. в год. Таким образом, месячное жалованье старшего городового равнялось 15 руб. По выслуге 7-летнего срока постовым полицейским выплачивалось добавочное годовое жалованье в размере 50 руб., т. е. примерно 4 руб. 16 коп. ежемесячно. Вторая выплата в том же размере полагалась городовым только через 5 лет после получения первой [1, л. 108].

Следует признать, что размеры оплаты, установленные еще 60-е гг. XIX в. явно не соответствовали жизненным требованиям. Это признавали и сами представители власти. Так, на отчете за 1912 г. напротив замечания В.Ф. Джунковского (в то время – московский губернатор – Авт.), что «все чины полиции... исполняли обязанности своей службы, ожидая лучшего времени... когда реформа улучшит материальные условия их жизни, граничащие ныне с крайней бедностью», Николай II написал: «Надеюсь, очень скоро» [3, с. 84].

Известно, что в начале 1900-х гг. у старшего городового Гречишникова возникли проблемы со здоровьем. Осмотр у городского врача оказался неутешительным для постового полицейского. Правый глаз практически ослеп, а левым он мог видеть только очертания фигур. Заключение врача

легло на стол калужского полицмейстера Е.И. Трояновского. В своём рапорте от 4 мая 1902 г. на имя калужского губернатора А.А. Офросимова с просьбой выплатить городовому единовременное пособие в размере 50 руб. из остаточных сумм от залогов городских для поездки в с. Авчурино Калужского уезда для консультации со специалистами, работавшими в Совете Попечительства о слепых, находящимся под патронажем вдовствовавшей императрицы Марии Фёдоровны [1, л. 50–50об.], калужский полицмейстер дал безукоризненную характеристику о службе Гречишника в полиции, указав на отсутствие средств у его семьи. У городского была большая жена и трое детей [1, лл. 54–54об., 55–55об.]. Следует отметить, что прошения о выплате пенсии сам городской не подавал, а инициатива непосредственно принадлежала калужскому полицмейстеру. Более чем через 6 месяцев – 19 ноября 1902 г. пришёл ответ из губернского правления, из которого следует, что городской вполне заслушивает пенсии в размере 96 руб. в год. Таким образом, ежемесячная пенсия отставного городского составила 8 руб. [1, л. 109].

Было бы заблуждением считать, что в исследуемый период проблемы со здоровьем испытывали только полицейские служащие в зрелом возрасте. Трагический случай произошёл с молодым жандармским унтер-офицером Емельяном Пименовичем Козловым (1881–1914), служившим в Сухиничском отделении Московско-Киевского жандармского полицейского управления железных дорог (далее – ЖПУЖД). Известно, что до перевода на службу в Отдельный Корпус жандармов (далее – ОКЖ) Е.П. Козлов проходил срочную службу в Туркестанской военно-телеграфной роте [2, л. 25]. Уволившись в запас 1 февраля 1907 г. был принят в ряды ОКЖ. По прошествии двух лет, 25 февраля 1909 г. унтер-офицер был удостоен единовременным пособием в размере 150 руб. [2, л. 25 об.]. 15 июня 1909 г. последовал указ о награждении унтер-офицера Емельяна Козлова серебряной медалью с надписью «За усердие» на Аннинской ленте [2, л. 26]. 13 июля 1910 г. унтер-офицер вступил в брак с крестьянкой Прасковьей Ефимовной Платоновой, уроженкой деревни Есипово Мосальского уезда Калужской губернии [2, лл. 4, 5]. Там же проживали и родители жены унтер-офицера [2, л. 54]. Вступлению в брак предшествовала подача соответствующего рапорта 14 мая 1910 г. на имя начальника отделения подполковника В.П. Васильева, а он в свою очередь подал рапорт на имя начальника Московско-Киевского ЖПУЖД. Ответ на рапорт подполковника В.П. Васильева последовал 19 мая. Разрешение на вступление жандармского унтер-офицера Козлова было получено. От Емельяна Козлова требовалось только предоставить метрическое свидетельство с подписью священника и родителей невесты там же [2, л. 5]. 26 февраля 1911 г. в семье унтер-офицера родился сын Евгений [2, л. 30]. Супружеская чета Коз-

ловых проживала на станции «Батагово» на частной квартире, примерно в 60 м. от станции [2, л. 29]. 19 января 1913 г. со станции «Бобынино», куда перевели на службу унтер-офицера Козлова, пришла телеграмма о его болезни. Поставленный в известность начальник Сухиничского отделения, распорядился одному из своих подчинённых унтер-офицеру Фёдору Петренко заместить коллегу и взять на себя все находившиеся в производстве Козлова дела [2, л. 53]. Болезнь унтер-офицера началась ещё 2 января 1913 г. Именно в этот день Емельян Козлов был направлен для прохождения лечения в военный госпиталь г. Москвы для лечения бронхита. Состояние больного унтер-офицера Емельяна Козлова стабилизировалось 14 января 1913 г., доказательством чему служит рапорт начальника Сухиничского отделения Московско-Киевского ЖПУЖД подполковника Васильева руководству управления в Москву [2, л. 64]. 19 января 1913 г. по настоянию подполковника В.П. Васильева Е.П. Козлов, состояние которого все еще вызывало опасение, был направлен для дальнейшего лечения в Хлюстинскую больницу г. Калуги [2, л. 65]. В конце января 1913 г. подполковник В.П. Васильев обратился с ходатайством к калужскому воинскому начальнику отправить своего подчинённого унтер-офицера Е. Козлова для лечения сухого левостороннего плеврита за казённый счёт кумысом с приложением формулярного списка Козлова и заключением старшего врача калужского лазарета [2, л. 67]. Ответ из Москвы от начальника ЖПУЖД пришёл лишь в конце марта и содержал отказ. Причём отказано в поездке на лечение было не начальником ЖПУЖД, а окружным военно-санитарным инспектором Московского военного округа. В ответном донесении начальника ЖПУЖД на имя подполковника Васильева говорилось, что законом не предусмотрено предоставление вакансий на лечение кумысом нижним чинам Московского военного округа [2, л. 72]. Единственное на что мог рассчитывать Емельян Козлов, это предоставление двухмесячного отпуска, который ему и был предоставлен 30 апреля 1913 г. 10 мая Козлов уехал [2, л. 74], а 14 мая 1914 г. в семье у унтер-офицера Е.П. Козлова умерла дочь [2, л. 78]. О выделении средств на погребение в личном деле унтер-офицера не сохранилось сведений. Попытку отправить Козлова на лечение предпринимал и преемник В.П. Васильева полковник Н.Э. Жадовский. Весной 1914 г. он предпринял ещё одну попытку отправить на лечение Козлова. Свидетельство врача 3-го участка общества Московско-Киево-Воронежской железной дороги оценивало состояние здоровья унтер-офицера Е.П. Козлова как «угрожающее». Ему настоятельно требовалось лечение в степных губерниях в течение 2 месяцев [2, л. 86]. Бюрократическая волокита продолжилась вплоть до середины июля. За это время Козлов проходил лечение в больнице «Красного Креста» в Калуге [2, л. 92]. Спустя месяц, 13

июня 1914 г. Козлов отбыл на лечение в родное село Мочалово Мочаловской волости Юхновского уезда Смоленской губернии [2, л. 95]. 16 июля 1914 г. оттуда в Сухиничское отделение пришла телеграмма с извещением о смерти Емельяна Козлова. Он скончался на 33 году жизни от хронической болезни лёгких. Каких-либо сведений о месте его погребения, о количестве выделенных его семье денежных средств в личном деле унтер-офицера не сохранилось [2, л. 96].

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы. В выплате пенсионных отчислений городовым участвовали частично благотворительные организации, частично они могли выделяться из местных средств. Министр финансов по согласованию с министром внутренних дел выделяет Калужской казённой палате кредит на содержание нижних чинов городской и уездной полиции. Сведения об этом поступают к калужскому губернатору, который, в свою очередь, информирует об этом калужского полицмейстера и уездных исправников [1, л. 8]. Полицмейстер составлял списки наиболее отличившихся городовых и представлял их губернатору. В 1902 г. на содержание городовых было отпущено 268 руб. 15 коп. [1, л. 38]. Калуга в ту пору делилась на 3 полицейские части. 7 апреля 1902 г. в 1-й полицейской части служило 7 старших и 16 младших городовых. Им было выплачено наградных денег на сумму 83 рубля [1, л. 39-39 об.]. Во 2-й части служило 5 старших и 21 младший городской. Выделенные на их содержание наградные составили 116 руб. [1, л. 40-40 об.]. В 3 полицейской части проходили службу 5 старших и 19 младших городовых. На них было отпущено 69 руб. 15 коп. В числе особо отличившихся был старший городской С.А. Гречишников. Ему выплатили наградных 10 руб. [1, 41-41 об.]. 10 % из выплачиваемых каждому городовому наградных денег уходило в инвалидный фонд, из которому вышедшему в отставку городовому выплачивалась пенсия в связи с частичной или полной утратой трудоспособности [1, л. 38]. Немалую помощь в деле выплаты пенсий играло местное полицейское начальство. Нами это показано на примере судьбы городского Гречишникова. Пенсия была ему выплачена только благодаря ходатайству калужского полицмейстера. Поездка полицейского на лечение глазной болезни была оплачена благотворительной организацией, находившейся под опекой высокопоставленных особ Российской империи. С другой стороны, ходатайство начальства не всегда гарантировало быстрое решение вопроса об оказании медицинской помощи своим подчинённым. Вакантные места для отправки в степные губернии нижних чинов железнодорожной жандармерии, страдавших лёгочными заболеваниями, не были предусмотрены законом. Единственное на что могли рассчитывать унтер-офицеры – это отправка в отпуск на определённое время на лечение в военные

госпитали, или местные лечебные учреждения. Но и они не могли гарантировать полное выздоровление больных. Унтер-офицер мог проходить лечение в нескольких больницах, но это никак не сказалось на улучшении состояния его здоровья, что мы могли наблюдать на примере судьбы Е. Козлова. Бюрократизация государственного и полицейского аппарата отнимала много времени и, к сожалению, лишала нижних чинов возможности оперативно получить медицинскую помощь и получать пенсию.

Библиографический список:

- [1] Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 783. Оп. 1. Д. 294.
- [2] ГАКО. Ф.938. Оп. 1. Д. 67.
- [3] Дунаева А.Ю. Полиция Московской губернии в начале XX в.: условия службы и материальное положение // Новый исторический вестник. 2009. №. 1 (19). С. 80-86.
- [4] Лазарева О.В. Источники финансирования губернской полиции Российской полиции в XIX – начале XX вв. (на примере Пензенской и Саратовской губерний) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 3 (22). С. 133-136.
- [5] Степанова Е.И. Финансирование и материально-техническое обеспечение уездной полиции Курской губернии в середине XIX – начале XX в. // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 1 (21). С. 104-112.

Reference

- [1] The State Archive of the Kaluga region (GAKO). F. 783. Op. 1. D. 294.
- [2] GAKO. F.938. Op. 1. D. 67.
- [3] Dunaeva A.Yu. The police of the Moscow province at the beginning of the twentieth century: conditions of service and financial situation // New Historical Bulletin. 2009. № 1 (19). P. 80-86.
- [4] Lazareva O.V. Sources of financing of the provincial police of the Russian police in the XIX – early XX centuries. (on the example of Penza and Saratov provinces) // Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University. 2008. № 3 (22). P. 133-136.
- [5] Stepanova E. I. Financing and material and technical support of the district police of Kursk province in the middle of the XIX – early XX century // Scientific notes: electronic scientific journal of Kursk State University. 2012. № 1 (21). P. 104-112.

Власов А.Е.

*Аспирант 3 курса кафедры истории
Института истории и права
Калужского государственного университета
имени К.Э. Циолковского.*

Штепа А.В.

*Кандидат исторических наук.
Доцент кафедры истории Института истории и права
Калужского государственного университета
имени К.Э. Циолковского.*

**Проблема выплаты пенсий
и предоставления медицинской помощи нижним чинам
общей полиции и железнодорожной жандармерии
Калужской губернии в начале XX века
(на примере биографии старшего городского
С.А. Гречишникова и унтер-офицера Е.П. Козлова)**

Аннотация. В статье уделяется внимание трудностям, с которыми сталкиваются рядовые служащие железнодорожной жандармерии в Калужской губернии и общей полиции города Калуги в начале XX века: а именно с выплатой пенсии в случае частичной или полной утраты трудоспособности, а также с предоставлением медицинских услуг. Сделан вывод о недостаточном финансовом обеспечении низшего звена полицейского аппарата Российской империи.

Ключевые слова: городской, медицинское обеспечение, пенсия, полицейский.

Vlasov A.E.

*3-st year postgraduate student of the Department of History
of the Institute of the History and Law,
Kaluga State University.*

Shtepa A.V.

*Candidate of Historical Sciences.
Associate Professor of the Department of History
of the Institute of History and Law,
Kaluga State University.*

**The problem of paying pensions
and providing medical care to the lower ranks
of the general police and the railway gendarmerie
of Kaluga province at the beginning of the twentieth century
(on the example of the biography
of the senior policeman S.A. Grechishnikov
and the non-commissioned officer E.P. Kozlov)**

Abstract. The article focuses on the difficulties faced by ordinary employees of the railway gendarmerie in the Kaluga province and the general police of the city of Kaluga at the beginning of the twentieth century: namely, with the payment of pensions in case of partial or complete disability, as well as with the provision of medical services. The conclusion is made about the insufficient financial support of the lower level of the police apparatus of the Russian Empire.

Key words: policeman, medical support, pension, policeman.

Шляхов А.В.

Соискатель. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева».

**Историческая память о первой мировой войне
на страницах журнала «вопросы истории»
(на примере 1951 года)***

В 2024 году исполнится 110 лет с начала Первой мировой войны, что предположительно обусловит дополнительное внимание к вопросам, связанным с историографией одного из самых широкомасштабных вооруженных конфликтов в мировой истории.

В настоящей статье рассматривается, каким образом на страницах журнала «Вопросы истории» была отражена историческая память о Первой мировой войне в 1951 году (год десятилетия с начала Великой Отечественной войны, принятия Верховным Советом СССР Закона о защите мира, Сан-Францисского договора, начала 5-ой пятилетки).

К числу источников, которые формировали и (или) формируют историческую память о Первой мировой войне в России, могут быть отнесены зафиксированные свидетельства очевидцев (письма, дневники), материалы делопроизводства, нормативные акты, мемуары, художественная проза, поэтические произведения, театральные постановки, научные работы (в том числе монографии, диссертационные исследования), материалы личных фондов историков, исторические и неисторические журналы, живопись, архитектура, кино, материалы периодической печати, видеоигры, телеграм-каналы и многие другие источники.

Журнал «Вопросы истории» является одним из важных источников формирования исторической памяти о Первой мировой войне в России.

При этом для целей статьи принимается определение исторического источника как объективированного результата творческой деятельности человека, как реализованного продукта человеческой психики, пригодного для изучения фактов с историческим значением [1, 2].

На основе «сплошного» анализа статей из номеров журнала «Вопросы истории» за 1951 год из многочисленных публикаций выбирались те, где затрагивалась проблематика, связанная с Первой мировой войной.

* © Шляхов А.В., 2023.

Анализ содержания журнала «Вопросы истории» за 1951 год свидетельствует, что на страницах 12 номеров журнала было размещено 218 публикаций (содержание номера и технические исправления при подсчете числа публикаций во внимание не принимались). При этом как минимум в 6 из 12 номеров журнала «Вопросы истории» содержались публикации, подпадающие под предмет нашего исследования (50 %), а из 218 публикаций тематика 11 публикаций была связана с Первой мировой войной (5 %). Соответственно, в среднем в каждом номере имелось около 1 публикации, которая подпадает под предмет нашего исследования (Таблица 1).

Таблица 1. Историческая память о Первой мировой войне на страницах журнала «Вопросы истории» в 1951 году.

Год	№	Общее количество публикаций (без учета содержания и технических исправлений)	Количество публикаций в журнале, подпадающих под предмет исследования	%
1951	1	16	3	19
	2	22	–	–
	3	16	1	6
	4	19	–	–
	5	20	3	15
	6	17	1	6
	7	20	–	–
	8	20	2	10
	9	20	1	5
	10	16	–	–
	11	16	–	–
	12	16	–	–
Среднее число публикаций в номере, подпадающих под предмет исследования				0,9

Результаты анализа публикаций [3–13] в 1951 году свидетельствуют о следующем.

В 1951 году в журнале «Вопросы истории» Первая мировая война характеризовалась как «война 1914 – 1918 годов», «мировая война», «мировая война 1914 – 1918 годов», «империалистическая война», «империалистическая война 1914 года», «империалистическая война 1914 – 1918 годов», «первая мировая империалистическая война 1914 – 1918 годов», «мировая

империалистическая война», «первая мировая империалистическая война» и «первая мировая война».

При этом Первая мировая война трактовалась как империалистическая и захватническая, а также как событие, в результате которого (и под влиянием октябрьской революции 1917 года) в европейских странах поднялось революционное движение.

В качестве причины Первой мировой войны называлась агрессивность германского империализма на фоне общего кризиса капиталистической системы; соответственно, в качестве виновника – Германия.

При этом приводилась точка зрения о том, что до начала Первой мировой войны в Германии имела место «вертикальная централизация» (монополизация тяжелой и военной индустрии группой рейнско-вестфальских магнатов капитала), а накануне войны – острая борьба германского и английского капитала за шведский рынок сбыта (в период войны скандинавские страны оказали Германии значительную поддержку).

Кроме того, высказывалось мнение о том, что в подготовке Первой мировой войны роль провокаторов играли США, которые стремились нейтрализовать революционное движение в России, а по окончании войны поддерживали стремление Германии к восстановлению своей военно-промышленной мощи и к расширению на Восток.

Память о Первой мировой войне связывалась с различными группами явлений, имен и историко-политических процессов.

Во-первых, память о Первой мировой войне связывалась с именами политических деятелей (например, В.Вильсон, Э.Хауз; Ж.Клемансо; Д.Л.Джордж, У.Черчилль).

Во-вторых, память о Первой мировой войне связывалась с различными историческими событиями, а также политическими явлениями, процессами и институтами (например, октябрьская революция 1917 года в России; Антанта и Четверной Союз; «14 пунктов» В.Вильсона; лозунг о превращении империалистической войны в войну гражданскую; лозунг поражения «своего» правительства; Лига наций; прекращение участия Болгарии в войне).

В-третьих, память о Первой мировой войне связывалась с международными договорами (документами) и конференциями 19 и 20 веков (например, австро-германский договор 1879 года, франко-русское соглашение 1891 года о консультации всех вопросов и политической договорённости обеих сторон, франко-русская военная конвенция 1892 года, в т.ч. мнение о том, что данные соглашения стали этапами в подготовке Первой мировой войны; англо-франко-русское соглашение 1915 года о присоединении Константинополя и черноморских проливов к России; англо-франко-итало-русское соглашение 1916 года о разграничении сфер интересов на Ближнем Востоке; Декрет о мире 1917 года; Мудросское перемирие 1918 года; Салоникское пе-

ремирие 1918 года; Компьенское перемирие 1918 года; Парижская мирная конференция 1919 – 1920 годов; Версальский мирный договор 1919 года).

При этом высказывалось мнение о том, что во франко-российском соглашении 1891 года и франко-российской военной конвенции 1892 года лежали истоки победы Франции в Первой мировой войне.

Кроме того, говорилось о комплексе противоречий между участниками Парижской мирной конференции (например, англо-французские противоречия по Сирии; итало-английские, итало-французские и итало-греческие противоречия по Малой Азии; англо-франко-итальянские противоречия по Константинополю).

Проводились различные группы параллелей, связанные с событиями Первой мировой войны.

Во-первых, проводилась параллель между Первой мировой войной и событиями, явлениями, процессами после Первой мировой войны и до текущего момента (например, параллель между подготовкой Первой мировой войны и Второй мировой войны: антироссийская политика Англии, проводимая на немецком направлении; американская помощь Германии; параллель между политической ситуацией на Ближнем Востоке после Первой мировой войны и текущим временем с точки зрения американских замыслов).

Во-вторых, проводилась параллель между событиями Первой мировой войны и возможными будущими событиями, явлениями, процессами (например, косвенная параллель между Первой, Второй и возможной Третьей мировыми войнами, в т.ч. с обозначением США и Англии в качестве поджигателей войны, ведущих «атомную дипломатию»).

Негативным образом оценивались фигура В.Вильсона и внешняя политика США (в т.ч. мнение о проведении США на завершающем этапе Первой мировой войны антироссийской политики; мнение о том, что по итогам Парижской мирной конференции США намеревались отторгнуть от России Прибалтику, Белоруссию, Кавказ, Сибирь, и Среднеазиатские области, а также имели планы по захвату Константинополя, проливов Босфор и Дарданеллы и разделу Турции).

Приводилась точка зрения о том, что США хотели продолжить Первую мировую войну, чтобы обеспечить себе наиболее выгодные позиции на Парижской мирной конференции, однако этому препятствовал Декрет о мире.

С методологической точки зрения, ставилась под сомнение достоверность мемуарной и публицистической литературы иностранных политических деятелей, историков и журналистов (например, Э.М. Хауз, Р.С. Бейкер, У. Черчилль, Д.Л. Джордж, Ж. Клемансо, А. Тардье, А. Марескотти, Г. Темперлей, А.Д. Тойнби и др.).

В целом необходимо отметить, что в номерах журнала «Вопросы истории» за 1951 год имеет место акцентирование внимания на негативной

роли США в Первой мировой войне.

Таким образом, сюжеты, связанные с Первой мировой войной, были представлены на страницах журнала «Вопросы истории» в 1951 году на постоянной основе.

Библиографический список:

- [1] Источниковедение : учеб. пособие / [И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольская, Р.Б. Казаков и др.]; отв. ред. М. Ф. Румянцев. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. С. 90.
- [2] Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории: в 2 т. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2010. С. 38.
- [3] Ананова Е. А.Е. Кунина. Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917 – 1920 гг. // Вопросы истории. 1951. № 6. С. 121-125.
- [4] Бирман М. Контрреволюционная роль США и Антанты в Болгарии в 1918 – 1919 годах. // Вопросы истории. 1951. № 5. С. 27-42.
- [5] Ерусалимский А. Из истории империалистической политики Англии на Дальнем Востоке в конце XIX века. // Вопросы истории. 1951. № 5. С. 43-54.
- [6] Зандберг Д. Ю.Кучинский. Очерки по истории германского империализма. Т. I. // Вопросы истории. 1951. № 5. С. 129-133.
- [7] Каверин И. А.Норден. Так делаются войны. Закулисная сторона и техника агрессии. // Вопросы истории. 1951. № 8. С. 143-146.
- [8] Кан А. М.Гергардт и В.Губач. Германия и Скандинавия в потоке столетий. // Вопросы истории. 1951. № 9. С. 167-169.
- [9] Миллер А. Американский план захвата Константинополя и проливов в 1919 году. // Вопросы истории. 1951. № 3. С. 61-79.
- [10] Защита докторских диссертаций в Институте истории Академии наук СССР. // Вопросы истории. 1951. № 1. С. 149-159.
- [11] Рубинштейн Н. К истории антисоветской политики американского империализма. // Вопросы истории. 1951. № 1. С. 36-55.
- [12] Очередные задачи Института истории Академии наук СССР. // Вопросы истории. 1951. № 1. С. 3-11.
- [13] Четвертое издание Сочинений В.И.Ленина. // Вопросы истории. 1951. № 8. С. 3-26.

Reference

- [1] Source study: textbook. allowance / [I.N. Danilevsky, D.A. Dobrovolskaya, R.B. Kazakov and others]; resp. ed. M. F. Rumyantseva. M.: Ed. House HSE, 2015. P. 90.
- [2] Lappo-Danilevsky A. P. Methodology of history: in 2 vols. Vol. 2. M.: ROSSPEN, 2010. P. 38.
- [3] Ananova E.A.E. Kunin. The failure of American plans for world domination in 1917-1920. // Questions of history. 1951. № 6. P. 121-125.
- [4] Birman M. The counter-revolutionary role of the USA and the Entente in Bulgaria in 1918-1919. // Questions of history. 1951. № 5. P. 27-42.
- [5] Yeruslimsky A. From the history of England's imperialist policy in the Far East at the end of the 19th century. // Questions of history. 1951. № 5. P. 43-54.
- [6] Zandberg D. Yu. Kuchinsky. Essays on the history of German imperialism. Vol. I. // Questions of history. 1951. № 5. P. 129-133.
- [7] Kaverin I. A. Norden. That's how wars are made. Behind the scenes and the technique of aggression. // Questions of history. 1951. № 8. P. 143-146.
- [8] Kan A. M. Gerhardt and V. Gubach. Germany and Scandinavia in the flow of centuries. // Questions of history. 1951. № 9. P. 167-169.
- [9] Miller, A. The American Plan to Capture Constantinople and the Straits in 1919. // Questions of history. 1951. № 3. P. 61-79.
- [10] Defense of doctoral dissertations at the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR. // Questions of history. 1951. № 1. P. 149-159.
- [11] Rubinshtein N. On the history of the anti-Soviet policy of American imperialism. // Questions of history. 1951. № 1. P. 36-55.
- [12] Immediate tasks of the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR. // Questions of history. 1951. № 1. P. 3-11.
- [13] The fourth edition of the Works of V.I. Lenin. // Questions of history. 1951. № 8. P. 3-26.

Шляхов А.В.

Соискатель. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева».

Историческая память о первой мировой войне на страницах журнала «вопросы истории» (на примере 1951 года)

Аннотация. В настоящей статье представлены отдельные результаты исследования, посвященного трансформации исторической памяти о Первой мировой войне в России. Объект исследования – Первая мировая война в России; предмет – публикации о Первой мировой войне на страницах 12 номеров журнала «Вопросы истории» за 1951 год; цель – рассмотрение взглядов на Первую мировую войну на страницах журнала в указанный период. Делается вывод о том, что в 1951 году сюжеты, связанные с Первой мировой войной, были представлены на страницах журнала «Вопросы истории» на постоянной основе. Рассматривается, как данные сюжеты были отражены с точки зрения используемой терминологии, содержания и политических аспектов.

Ключевые слова: историческая память, историография Первой мировой войны, трансформация исторической памяти.

Shlyakhov A.V.

Applicant. Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev.

Historical memory of the First World War on the pages of “Questions of History” journal (based on the example of 1951)

Abstract. This article presents some results of a study on the transformation of the historical memory of the First World War in Russia. The object of research is the First World War in Russia; subject - publications about the First World War on the pages of 12 issues of the journal «Questions of History» for 1951; the purpose is to consider the views on the First World War on the pages of the magazine during the specified period. It is concluded that in 1951, stories related to the First World War were presented on the pages of the journal «Questions of History» on an ongoing basis. It is considered how these stories were reflected in terms of the terminology used, content and political aspects.

Key words: historical memory, historiography of the First World War, transformation of the historical memory.

Ахметова А.Р.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирного культурного наследия Отделения Высшей школы международных отношений и мировой истории Института международных отношений, Казанский федеральный университет.

Галимзянова Л.Р.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирного культурного наследия Отделения Высшей школы международных отношений и мировой истории Института международных отношений, Казанский федеральный университет.

Особенности национального образования в культурно-историческом поле российской провинции (конец XIX - первая четверть XX вв.)*

Введение

Раскрытие вопросов, связанных с состоянием просвещения российской провинции, является одной из главных задач, стоящих перед исследователями. Проблемы образования приобретают особую актуальность в свете проводимой правительством Российской Федерации политики реформ, затрагивающей, в том числе, и сферу народного просвещения. Анализ общего состояния образования в стране невозможен без решения локальных задач и проблем провинции. Специального внимания на начальном этапе обновления современной системы образования заслуживает исторический опыт в этой области, к которому следует обратиться, чтобы сохранить преемственность культурного наследия поколений и выявить региональную специфику для всестороннего изучения проблемы.

Конец XIX – начало XX веков во всем мире характеризовался крупными изменениями в образовании и образовательных учреждениях. В начале века стало понятно, что как на западе, так и в России, просвещение не соответствует новым социально-экономическим условиям. В конце XIX века начались поиски новых путей развития образования и в новом столетии они привели к обновлению содержания и методов обучения, введению его новых организационных форм, изменению взаимоотношений учителя и

* © Ахметова А.Р., Галимзянова Л.Р., 2023.

ученика. Приоритетными идеями в воспитании и обучении стали активность детей, их самостоятельность, демократизация системы школьного образования и культуры [1].

Материалы и методы

Значимость проблемы, ее недостаточная разработанность на региональном уровне с использованием новых материалов и исследовательских методов обусловили выбор темы для представленной статьи. Современная историография отечественного образования характерна многообразием подходов к изучению образовательной политики и практики ее реализации, существенным различием в оценках и выводах. При анализе литературы определилось два основных направления. Первое из них посвящено трудам по истории просветительства и народного образования в целом по России, второе направление включает в себя исследования региональной историографии развития образования в Республике Татарстан с 1920-х годов по настоящее время. При всем обилии литературы, затрагивающей образовательную политику российской империи и советского государства, многие исследования охватывают, как правило, отдельные исторические сюжеты и отдельные вопросы истории школьного дела. Вопросы изучения социально-политической и культурной роли школьной реформы, взаимоотношения государства и общества до сих пор остаются открытыми и актуальными. Анализ историографического материала проводился на основе хронологического метода. Основным источниковым материалом для анализа явились, ввиду их малой изученности и ценной фактографичности, фонды Национального архива Республики Татарстан и фонды отдельных кантонов Татарской республики, рассекреченные документы, позволяющие представить, под каким пристальным вниманием находились учительские кадры, их политические взгляды и личная жизнь. При работе с источниками с учетом достижений современной методологии использовались историко-системный и проблемно-исторический подход.

Результаты

Национальное образование в Татарстане имеет давнюю историю, своими корнями оно восходит к IX–X векам, периоду Волжской Булгарии [2]. За долгий период развития, образование и образовательные учреждения народов современного Татарстана превратились в конфессиональные и светские центры национального просвещения. Своеобразие обстановки определили некоторые факторы. Прежде всего, это полиэтнический состав населения. Во-вторых, имелся весьма солидный фундамент, сложившийся в дореволюционный период. В конце XIX – начале XX вв. благодаря реформам обозначились положительные тенденции. В 1882г. в Казани было 59

учебных заведений, где обучалось 7843 человека. К 1904г. функционировало 102 учебных заведения с 14330 учащимися. Именно этим заведениям принадлежит важная роль в распространении идей реформ и обновления [3]. Первоначально речь шла о введении новых методов обучения детей грамоте, о переходе на звуковой метод. Это был лишь начальный этап. Следующие этапы определились целью поднять качество обучения до уровня передовых европейских стандартов. Учебные программы пополнялись светскими дисциплинами - историей, географией, математикой, иностранными языками, этикой, логикой, педагогикой, гигиеной, этнографией и др. Уровень преподавания в учебных заведениях был довольно высок. Показательно мнение инспектора Казанского учебного округа В.В. Радлова: «Умственное развитие учащихся довольно значительно...». Архивные документы подтверждают подобное заключение. Так в Казанской татарской учительской школе успеваемость за вторую четверть 1898/99 уч.года составила по четырем классам: «отлично» 20,7%; «хорошо» 46,7%; «удовлетворительно» 32,6%; неуспевающих – нет [4].

Обращение к опыту организационно-методических преобразований системы школьного образования в начальный период существования советской власти, накопленному на региональном уровне, является чрезвычайно актуальным, так как большинство проблем современной школы уходят корнями в 1920-е годы, когда были заложены основные принципы ее функционирования, которые действовали без существенных изменений длительный период [5]. Сохраняет актуальность и опыт функционирования национальной школы. Масштабная модернизация такой важной сферы общественной жизни как образование, являющаяся одной из наиболее актуальных национальных задач, немыслима без внятной оценки относительно всех преобразований, имевших место в первые годы советской власти. Реализация школьной реформы в регионах Советского Союза имела ряд существенных особенностей, связанных с развитием национальной школы, её государственной поддержкой. В то же время, сделалась актуальной проблема инкорпорации национальной школы в государственную образовательную структуру.

Как известно, отношение государственной власти к вопросам духовной культуры и просвещения определяет конкретное социально-экономическая и политическая ситуация в стране. С установлением советской власти вся система народного образования в стране подверглась коренной перестройке. Было введено бесплатное и совместное обучение детей обоего пола; отменены физические наказания в школах; религия была отделена от государства, а школа от церкви; запрещена деятельность частных и религиозных школ; все народы получили право обучения на родном языке. В этот период на государственном уровне была провозглашена борьба с

неграмотностью. Согласно Декрету от 6 декабря 1919 года всё население РСФСР в возрасте от 8 до 50 лет, не умевшее читать или писать, обязывалось обучаться грамоте (на родном или русском языке – по желанию) [6].

27 мая 1920 г. подписан документ Советского правительства об образовании Татарской Республики. В 19 июня 1920 года была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности, которой предоставлялось право административного и уголовного преследования за отказ от обучения в пунктах ликвидации неграмотности для взрослых. В начале 20-х годов прошлого века при Наркомате просвещения республики был создан академический центр, который осуществлял научное и методическое руководство народным образованием [7]. Благодаря его плодотворной деятельности к середине 20-х годов были разработаны первые учебные программы и пособия по изучению и методике преподавания родного языка и литературы, учебники по естественным и гуманитарным дисциплинам для обучавшихся на татарском языке. В результате была создана целостная государственная система общего и педагогического образования на татарском языке. В 1920-е годы в республике появились и первые двухступенчатые национальные школы – у татар, марийцев, мордвы, чувашей, удмуртов. С неграмотностью, в том числе взрослого населения, в Татарии боролись активно. К концу 1920-х годов в школах грамоты и пунктах ликвидации безграмотности ежегодно занимались до 350 тысяч человек [7, с. 34].

В 1920–1921 годах в ТАССР действовало около 350 таких пунктов, в них обучались свыше 200 тысяч человек. В годы голода (1921–1922) финансирование системы образования сократилось, значительно снизились темпы школьного строительства и уменьшилась сеть начальных школ. В связи с этим вплоть до 1929 года в сёлах разрешали учить детей в начальных религиозных школах (мектебах), содержавшихся на средства местного населения. В 1925 году в республике было более 600 таких школ, в них учились примерно 30 тысяч детей [8].

В 1926г. в Татарии функционировали 2118 начальных и средних школ, в том числе 1048 татарских, где обучалось соответственно 82 тыс. и 76 тыс. учеников. В 1928–1929 учебном году в ТАССР действовали уже 2504 школы, в которых обучались 181300 детей, в том числе татар – 91882, русских – 75862, чувашей, марийцев, удмуртов, мордвы – 13556 человек. В вузах Казани в то время насчитывалось 4777 студентов [9]. Но следует отметить, что катастрофически не хватало в то время учебников, школьных принадлежностей, классы и аудитории плохо отапливались в зимнее время [10]. В 1930-е годы положение улучшилось. Образование стало более доступным. Увеличивались финансирование из центра и местного республиканского бюджета. Власти учитывали и полиэтнический состав населения республики. В Казани в 1920–30-е гг. открылись техникумы: педагогические русский,

татарский, чувашский, крымскотатарский, три сельскохозяйственных, два медицинский, промышленно-экономический, художественный, театральный и восточно-музыкальный с национальными отделениями [11].

Еще более значимыми оказались результаты последующего периода. В 1930-е годы в ТАССР имелось 3698 начальных и средних школ из них 1893 – татарских. Примечательно, что тогда удалось ввести всеобщее обязательное начальное обучение, а в городах – всеобщее семилетнее образование. В школах республики «сидели за партами» более полумиллиона человек. Уровень грамотности населения достиг 91%, что превышало общесоюзные показатели [12].

Заключение

Многонациональное население Татарстана создавало свою специфику организации сети школьных учреждений. В республике, наряду с русскими и татарскими школами, функционировали школы следующих национальностей: чуваш, мордвы, удмуртов, мари и других. Поднятие качества обучения в этих школах на должный уровень требовало дополнительных усилий со стороны руководящих органов республики, так как, грамотность в районах их проживания находилась в зачаточном состоянии. Подготовка учительских кадров для школ национальных меньшинств осуществлялась в крайне ускоренном режиме. Постепенно, на протяжении 1920-х годов, менялся и социальный состав учительского корпуса в республике. Вследствие политики вытеснения кадров дореволюционных светских и религиозных школ и быстрой подготовки новых «пролетарских учителей», стал формироваться новый отряд учителей из коммунистов и комсомольцев, в основном выходцев из рабочих и крестьян, которые по своим идейно-политическим убеждениям были «истинными ленинцами», но не всегда имели при этом достаточного профессионального педагогического образования. Партийные и советские органы настаивали на постоянном увеличении количества выпускаемых педагогов, что обуславливало расширение сети педагогических учебных заведений. Увеличение сети подготовки и переподготовки педагогических кадров при недостатке материальных средств и квалифицированных преподавательских кадров неизбежно снижало качество работы и профессиональной подготовки учителей. Главным критерием оценки педагога становится его политическая ориентация и преданность Коммунистической партии. В процессе реформирования школьного образования в стране советской власти не удалось избежать ошибок, которые выразились в непродуманности некоторых мероприятий, недостаточном учете реальных возможностей государственного аппарата в области трансформации культурной традиции народов Поволжья

Таким образом, система народного образования, просвещения – важ-

нейшая составляющая жизнедеятельности человеческого общества. Интерес исследователей никогда не ослабевал, а на современном этапе заметно возрастает. Необходимость выявления новых фактов в истории развития национального образования и институтов народного просвещения (в том числе на региональном уровне) очевидна.

Библиографический список:

- [1] Коблов Я.Д. Конфессиональные школы казанских татар. – Казань, 1910. С. 10.
- [2] Горяева Л. Мусульманское просвещение в современной России // Отечественные записки. 2003. № 5. С. 58.
- [3] Коблов Я.Д. Конфессиональные школы казанских татар. – Казань, 1910. С. 12.
- [4] Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 142 - Казанская татарская учительская школа. Оп.1, Д.: 8, Л. 13.
- [5] Давлетшин Т. Советский Татарстан. Теория и практика ленинской национальной политики – Лондон, 1974. С. 219.
- [6] Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: Сборник документов. 1917-1973 гг. – М.: Педагогика, 1974. С. 56.
- [7] Аблязов К.А. Система народного просвещения в деревне Татарстана в 1920-е годы / Казань, 2004. С. 29.
- [8] Национальный архив Республики Татарстан Фонд Р-992 (Отдел народного образования исполнительного комитета Казанского городского Совета народных депутатов (ГОРОНО) - 1917-1928 гг.) Оп.1. Д.:18. Л 5.
- [9] Национальный архив Республики Татарстан Фонд Р-992 (Отдел народного образования исполнительного комитета Казанского городского Совета народных депутатов (ГОРОНО) - 1917-1928 гг.) Оп.1. Д.:20. Л 16.
- [10] Вестник просвещения. 1923. № 9-10. С. 3.
- [11] Народное образование в Татарии 1925-1926 гг. (К докладу Наркомпроса СССР на VII Всероссийском съезде советов). Казань, 1927. С. 54.
- [12] Шербак А.Н., Болячевец Л.С., Платонова Е.С. История советской национальной политики: колебания маятника? // Политическая наука. 2016. № 1. С. 105.

Reference

- [1] Koblov Ya.D. Confessional schools of the Kazan Tatars. - Kazan, 1910. P. 10.
- [2] Goryaeva L. Muslim education in modern Russia // Otechestvennye zapiski. 2003. № 5. P. 58.
- [3] Koblov Ya.D. Confessional schools of the Kazan Tatars. - Kazan, 1910. P. 12.
- [4] National archive of the Republic of Tatarstan. F. 142 - Kazan Tatar teacher's school. Op.1, D.: 8, L. 13.
- [5] Davletshin T. Soviet Tatarstan. The theory and practice of Lenin's national policy - London, 1974. P. 219.
- [6] Public education in the USSR. Secondary school: Collection of documents. 1917-1973 - M.: Pedagogy, 1974. P. 56.
- [7] Ablyazov K.A. The system of public education in the village of Tatarstan in the 1920s / Kazan, 2004. P. 29.
- [8] National Archives of the Republic of Tatarstan Fund R-992 (Department of Public Education of the Executive Committee of the Kazan City Council of People's Deputies (GORONO) - 1917-1928) Op.1. D.:18. L 5.
- [9] National Archives of the Republic of Tatarstan Fund R-992 (Department of Public Education of the Executive Committee of the Kazan City Council of People's Deputies (GORONO) - 1917-1928) Op.1. D.:20. L 16.
- [10] Bulletin of education. 1923. № 9-10. P. 3.
- [11] Public education in Tatarstan 1925-1926. (To the report of the People's Commissariat of Education of the USSR at the VII All-Russian Congress of Soviets). Kazan, 1927. P. 54.
- [12] Shcherbak A.N., Bolyachevets L.S., Platonova E.S. History of Soviet nationality policy: pendulum swings? // Political science. 2016. № 1. P. 105.

Ахметова А.Р.

*Кандидат исторических наук,
доцент кафедры всемирного культурного наследия
Отделения Высшей школы международных отношений
и мировой истории Института международных отношений,
Казанский федеральный университет.*

Галимзянова Л.Р.

*Кандидат исторических наук,
доцент кафедры всемирного культурного наследия
Отделения Высшей школы международных отношений
и мировой истории Института международных отношений,
Казанский федеральный университет.*

**Особенности национального образования
в культурно-историческом поле российской провинции
(конец XIX - первая четверть XX вв.)**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с реализацией государственной политики в области национального образования российской провинции в конце XIX - первой четверти XX вв. Выделены проблемы инкорпорации учительского корпуса в государственную образовательную систему, социальной адаптации учительства, культурной социализации учащихся в рамках классово-политизированной системы советского образования в Татарстане. Раскрываются идеологические и практические проблемы, связанные с переходным периодом от дореволюционной школы к советской. Привлечены новые архивные материалы из фондов республиканских, городских и кантональных отделов народного образования Республики Татарстан, которые позволяют показать действия татарстанского руководства в процессе формирования новых учительских кадров.

Ключевые слова: образование, политика, реформы, обновление, советская власть, реформирование, просвещение, религия, учитель, педагог, школа, учащиеся.

Akhmetova A.R.

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of World Cultural Heritage of the Department
of the Higher School of International Relations
and World History of the Institute of International Relations
of Kazan Federal University.*

Galimzyanova L.R.

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of World Cultural Heritage
of the Department of the Higher School of International Relations
and World History of the Institute of International Relations
of Kazan Federal University.*

**Features of national education
in the cultural and historical field of the Russian province
(late XIX - first quarter of XX centuries)**

Abstract. The article deals with issues related to the implementation of state policy in the field of national education of the Russian province at the end of the XIX - first quarter of the XX centuries. The problems of incorporation of the teaching staff into the state educational system, social adaptation of teaching, cultural socialization of students within the class-politicized system of Soviet education in Tatarstan are highlighted. Ideological and practical problems related to the transition period from the pre-revolutionary school to the Soviet one are revealed. New archival materials from the funds of the republican, city and cantonal departments of public education of the Republic of Tatarstan have been attracted, which allow us to show the actions of the Tatarstan leadership in the process of forming new teaching staff.

Key words: education, politics, reforms, renewal, Soviet power, reformation, enlightenment, religion, teacher, teacher, school, students.

Белоглазов Р.Н.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всеобщая история и мировая культура» Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет.

Рац А.Г.

Студентка 4 курса кафедры «Всеобщая история и мировая культура» Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет.

Неопубликованные мемуары В.И. Осокина как источник по истории деятельности подпольных организаций Севастополя в годы Великой Отечественной Войны*

Основными источниками по истории движения сопротивления в Крыму в годы Великой Отечественной войны (далее – ВОВ) являются документальные материалы различных государственных, партийных и военных структур, находящиеся на хранении в региональных и федеральных архивах, документы оккупационного режима и воспоминания участников событий. Среди последней группы наименее изученными и не введенными в научный оборот остаются неопубликованные мемуары партизан и подпольщиков из фондов ряда крымских музейных и архивных учреждений.

В настоящее время в источниковедческом плане данная проблема рассмотрена в публикации Н.С. Ткаченко [1], который выявил круг неизданных воспоминаний советских патриотов участников партизанского движения в Крыму, изучение которых позволяет пролить свет на вопрос об эффективности оказания помощи местным партизанам с «большой земли» благодаря организации регулярных полетов транспортной авиации советских ВВС с целью доставки людей, оружия, боеприпасов и других необходимых грузов.

Автор указанной публикации дал характеристику информационного потенциала данной группы источников личного происхождения, который имеет актуальность в отношении изучения не только указанной проблемы, а также всего движения сопротивления в период оккупации в Крыму. В равной мере это имеет значение и применительно к разработке регио-

* © Белоглазов Р.Н., Рац А.Г., 2023.

нальных сюжетов истории, связанных с деятельностью советского подполья в отдельных городах и населенных пунктах, что можно рассмотреть на примере воспоминаний участника одной из севастопольских подпольных организаций В.И. Осокина, которые находятся на хранении в ГКУ «Архив города Севастополя» [2, л. 3-53].

Главная специфика деятельности подполья на оккупированных территориях заключается в его строго конспиративной основе, что минимизирует отражение и фиксацию соответствующих действий и результатов в официальных документах, которые преимущественно относятся к системе делопроизводства специальных служб. Последнее обстоятельство также усложняет доступ к необходимым источникам для исследователей, так как по прошествию даже большого отрезка времени речь может идти о материалах, которые продолжают находиться на хранении в ведомственных архивах под различными грифами секретности. В связи с этим особое значение для изучения движения сопротивления приобретают сохранившиеся письменные свидетельства (воспоминания) его участников, которые по своему происхождению и содержанию имеют исключительный характер, так как доносят сведения о нелегальной работе в тылу противника при повышенном уровне рисков и опасностей, в результате которых до победы над врагом дожили далеко не все члены подполья.

Одними из таких редких источников по истории деятельности подпольных групп и севастопольской «Коммунистической подпольной организации в тылу у немцев» (далее – КПОВТН) под руководством В.Д. Ревякина являются мемуары Осокина Василия Ивановича.

Автор воспоминаний родился в 1917 г. в Казахстане в г. Кокшетау, воспитывался в детских домах Казахской ССР. До призыва в РККА (октябрь 1938 г.) работал в прокуратуре Красноармейского района Северо-Казахстанской области в должности секретаря. Службу в ВС СССР начал как курсант школы младших командиров 11-го Краснознаменного кавалерийского оперативного полка войск НКВД. Перед началом ВОВ служил в 26-м Одесском пограничном отряде войск НКВД, в составе которого принимал участие в обороне Одессы. После эвакуации в Крым был зачислен в штаб 184-й стрелковой дивизии войск НКВД на должность начальника пункта сбора донесений.

После прорыва немцами Перекопских укреплений вместе с сослуживцами ушел в партизаны и в дальнейшем присоединился к регулярной армии, пробившись в расположение Севастопольского оборонительного района. В конце ноября 1941 г. был определен в 456-й стрелковый пограничный полк НКВД на должность старшины транспортной роты. В июле 1942 г. попал в плен. В лагере военнопленных примкнул к подпольной организации во главе с Н.И. Терещенко (псевдоним Михайлов) и впоследствии после побега стал одним из членов КПОВТН. После окончания войны проживал

в Севастополе, работал директором управления рынками. Имел государственные награды: медаль «За оборону Одессы», медаль «За оборону Севастополя» (20.09.1945 г.), орден Отечественной войны 1 степени (31.03.1946 г.), орден Отечественной войны 2 степени (6.04.1985 г.). В 1972 г. числился в списке участников севастопольского подполья, продолжавших проживать в городе [2, л. 1-2; 3, с. 158; 4, л. 7].

Мемуары В.И. Осокина – это документ, набранный на печатной машинке объемом 53 страницы с редкими рукописными правками и реквизитами личной подписи автора, датированный 18 июня 1945 г. В архивном деле, где хранятся воспоминания, есть также его краткая двухстраничная автобиография [2, л. 1-2]. Повествование излагается ретроспективно в хронологической последовательности. Период оккупации и участия в работе подполья является только частью текста.

По структуре его содержание можно разделить на следующие условные разделы: начало службы в Красной армии и первые месяцы войны, отступление по территории Крыма в Севастопольский оборонительный район, участие в обороне Севастополя в районе Балаклавы и пленение на мысе Фиолент, пребывание в немецких концлагерях в черте Севастополя в 1942-1943 гг. и работа после побега в рядах подпольной организации В.Д. Ревякина в 1943-1944 гг. Дополнительная информация в архивном деле об обстоятельствах и мотивах подготовки мемуаров отсутствует.

Судя по датировке источника, можно предположить, что его текст был составлен по заказу одной из государственных комиссий по расследованию преступлений немецко-фашистских оккупантов, преступавших к работе в Крыму после окончания военных действий. Мемуары написаны с элементами пафосно-героического стиля с характерными для советской военной публицистики клише, что также свидетельствует об их содержательной направленности для официальных структур.

Отдельные фрагменты данного письменного свидетельства В.И. Осокина были опубликованы в сборнике архивных документов «Севастополь. 1941-1945», подготовленном к изданию в 2020 г. ГКУ «Архив города Севастополя» [5, с. 298-306].

Период оккупации В.И. Осокин начал освещать в своих мемуарах с момента попадания в плен, когда он оказался лагере для военнопленных, организованном немцами в пригороде Севастополя на территории бывшего Георгиевского монастыря на мысе Фиолент. При этом нацисты намеренно создали невыносимые условия для советских военнослужащих (голод, избиения, тяжелые физические нагрузки, антисанитария), что приводило к высокой смертности среди них.

Автор был скуп в характеристике личных страданий и психологических состояний, но фокусировался на довольно подробном описании происхо-

дивших событий: «Следующий день и ночь пребывания в георгиевском монастыре были еще тяжелей. [...] нас не кормили, только женщинам дали по кусочку хлеба, [...]. На вторую ночь нас всех загнали в сарай, возле дороги, которая идет из деревни Карань в Георгиевский монастырь. Сарай был маленький, а народа было много, все были больны, истощены, [...] [здесь] мы пробыли до утра, закрытые на замок. От духоты – испарений человеческих тел и испражнений – мы теряли сознание, это была настоящая пытка [...]. На утро нас открыли и начали выталкивать прикладами из сарая. Многие из наших товарищей умерли в этой душегубке» [5, с. 298].

Через несколько дней пленных перевели в лагерь на Рудольфовой горе в городской черте, а в сентябре 1942 г. на берег Южной бухты в районе железнодорожного вокзала. Именно здесь в тяжелых условиях фашистского плена В.И. Осокин познакомился со своими товарищами и единомышленниками по борьбе с врагом, стал одним из участников подпольного движения.

Лагерь, в котором находились военнопленные, ежедневно пополнялся несколькими сотнями человек. Большая часть умирала от голода и болезней, выживали только единицы. Однако были и те, кто пытался бежать. Обычно их ловила вооруженная охрана и возвращала в место заключения. После этого одежду беглецов помечали красной краской, а их самих содержали отдельно от остальных, не пуская на работу. Через некоторое время немцы подвергали провинившихся жестоким пыткам и расстрелам.

В январе 1943 г. узников перевели в подвалы Черноморского флотского экипажа (Лазаревские казармы). Здесь положение военнопленных улучшилось: были построены нары (до этого приходилось спать на полу), оборудованы столовая, дезинфекция и баня. Смертность сократилась, но оставалась довольно высокой по причине распространенных среди заключенных инфекций.

На этом этапе стали возникать более благоприятные условия для проведения подпольной работы. Среди пленных образовывались группы по несколько человек, которые занимались хищением различного имущества у немцев и продажей его специальным закупщикам, что позволило создать запас продуктов, одежды и денег. Этому также способствовало появление среди охраны лагеря коллаборационистов из числа советских граждан, более лояльно настроенных по отношению к узникам.

Организацией подполья среди пленных занимался Н.И. Терещенко, имевший постоянную связь с КПОВТН. В прошлом он был сотрудником городского комитета ВКП(б), участвовал в обороне Севастополя и попал в плен в последние дни боев на мысе Херсонес. В результате его действий в 1943 г. в лагере была создана подпольная группа в составе В.И. Осокина, А.С. Комарова, С.А. Рынкина, Г. Пустовалова, Г.М. Смагло, В.И. Волкова, А.А. Смирнова, Ф.А. Васильева. Все они подписали принесенную Н.И. Терещенко «Клятву партизана». Спустя некоторое время также появились напе-

чатанные на машинке устав и программа организации [2, л. 24-25; 5, с. 303].

Подпольщики сумели наладить в лагере распространение газет и листовок, растиражированных нелегально в городе, в которых содержалась информация о ходе событий на фронтах и победах Красной армии. Кроме этого, группа пыталась решать и другие задачи: сбор сведений о противнике, съёмка местности военных объектов, организация саботажа и срыв мероприятий немецкой оккупационной администрации, подготовка к диверсиям. В частности, для проведения террористических актов в лагерь были доставлены гранаты и запалы к ним.

В сентябре 1943 г. от Н.И. Терещенко поступило задание – организовать переход через линию фронта и доложить командованию о существовании в Севастополе подпольной организации с целью получения помощи из центра. Для его выполнения были выбраны бывшие краснофлотец зенитчик Г.М. Смагло и шофер Приморской армии Г. Пустовалов. Инструкции они должны были получить в городе от руководителя подпольной организации – В.Д. Ревякина.

В течение нескольких дней велась подготовка к реализации этого плана. Через старосту Корабельной стороны Севастополя М.В. Семенова, который помогал военнопленным, удалось получить необходимые документы: командировочные удостоверения для поездки на Украину по служебным делам. Через охрану из числа коллаборационистов под предлогом продажи вещевого имущества стало возможным устроить выход из лагеря Г.М. Смагло и Г. Пустовалова для встречи с В.Д. Ревякиным. После этого Н.И. Терещенко сумел организовать для них побег из лагеря и отправить поездом на Украину с целью выполнения поставленной задачи.

В октябре 1943 г. совершил побег из лагеря и В.И. Осокин, первоначально скрываясь в доме В.Д. Ревякина по адресу Лабораторное шоссе, 46, а затем вместе с другими бежавшими пленными в квартире А. Бордоевой. Находясь на нелегальном положении, он продолжал поддерживать связь с военнопленными в лагере, руководил своей подпольной группой, принимал активное участие в агитационной работе среди населения, распространяя достоверную информацию о положении на фронтах. В частности, написал ряд статей в подпольную севастопольскую газету «За Родину!» под названиями: «Не верьте лживой фашистской пропаганде», «Зверства немецких извергов над русским народом», «Об использовании немецкими властями наших детей на непосильных военных работах» и т.д. [2, л. 39]

Типографский набор данной газеты осуществляли в специальном подземном помещении под уровнем дома, где жил В.Д. Ревякин. После этого ящик с уже набранным шрифтом выносили наверх в комнату, где на столе печатали ручным способом. При помощи такой технологии за ночь могли растиражировать около 500 экземпляров. Материал для газет о событиях на фронтах войны принимали по радиоприемнику, дословно записывая

сводки Совинформбюро. Благодаря практической помощи бывшей наборщицы газеты «Красный черноморец» (главный печатный орган Черноморского флота) Е. Захаровой, качество выпуска газеты улучшилось, а время набора было сокращено в несколько раз.

Зимой 1944 г. на фоне отступления немцев руководство севастопольского подполья посчитало необходимым обеспечить связь с крымскими партизанскими отрядами с целью координации действий в условиях приближения операций Красной армии по освобождению Крыма. В конце января в доме у В.Д. Ревякина состоялось совещание, на котором был поставлен вопрос об отправке нескольких человек в районы, где могли действовать партизаны [2, л. 46].

Группе подпольщиков, в состав которой входил и В.И. Осокин, удалось в феврале реализовать указанный план, достигнув расположения партизанских отрядов в горнолесной местности. Уже в начале марта они вернулись в Севастополь для выполнения задачи, поставленной командиром 7-й партизанской бригады старшим лейтенантом Л.А. Винкманом и командиром разведгруппы штаба Черноморского флота «Сокол» капитан-лейтенантом А.А. Глуховым для сбора в городе необходимой развединформации. В обобщении соответствующих данных в течение нескольких суток принимал непосредственное участие и В.Д. Ревякин. В своих мемуарах В.И. Осокин отметил, что руководитель подполья к этому времени выглядел сильно уставшим, а его лицо стало бледным и болезненным от бессонных ночей и трудной работы. Вечером 10 марта, провожая группу в обратный путь, он, обращаясь к В.И. Осокину, сказал: «Прощай дорогой Вася, может быть и в последний раз я обнял тебя и провожаю вас в дорогу» [2, л. 49].

Вернуться в город В.И. Осокин смог только после его освобождения в мае 1944 г. вместе с разведгруппой «Сокол». К этому времени в феврале-марте гестапо арестовало несколько десятков членов подпольной организации, а ее руководители, в том числе В.Д. Ревякин и Н.И. Терещенко, были расстреляны 14 апреля. Переживания и чувства по этому поводу он красноречиво описал в мемуарах: «В мае 1944 г. я в составе своего отряда прибыл в Севастополь, где я узнал от оставшихся живых членов подпольной организации о судьбе, постигшей нашу подпольную организацию. Известие о гибели моих товарищей по совместной тяжелой борьбе в тяжелых условиях черной фашистской реакции вызвало в моей душе великую, жгучую ненависть к врагу, который мучил и терзал моих товарищей. Они, славные сыны и дочери русского народа, до последнего дыхания выполняли свой долг перед Родиной.

<...> Враги, подлые, жестокие убийцы, совершили новое тяжелое злодеяние. После невыносимых пыток и жестоких побоев, расстреляли наших славных русских патриотов, которые горячо любили жизнь и до последней минуты своей жизни вели борьбу с врагом; они славные герои нашего на-

рода, воспитанные большевистской партией, до последнего дыхания были переданы своему народу и любимой Родине.

Я видел все это своими глазами. Жестокая боль сжимала мое сердце, я набрался мужества, чтобы сдержать слезы, во мне кипела великая злоба и ненависть к врагу. Я готов был ринуться в гущу боя, чтобы мстить за погибших товарищей, за все причиненные нашему народу бедствия и страдания.

Ушли из жизни навсегда наши боевые друзья и товарищи, герои Севастопольского подполья. Честно и до конца выполняли свой долг перед Родиной:

1. Ревякин В.Д.
2. Его жена Лида Ревякина
3. Терещенко Н.И.
4. Пименов И.Д.
5. Иваненко Яков
6. Мякота Александр
7. Луферчик Василий
8. Прокопенко Г.В.
9. Захарова Женя
10. Мисюта Люба
11. Гузов Георгий Петрович и другие.

Память о них славных сынах и дочерях русского народа будет жить вечно в наших сердцах!» [2, л. 52].

Достоверность изложенных в мемуарах фактов требует проверки через сопоставление и сравнительный анализ с другими источниками. Так, уточняющие и отчасти аналогичные сведения об оккупационном порядке нацистов в Севастополе приведены в протоколе допроса В.И. Осокина, датированном 11 октября 1947 г., который был составлен в рамках сбора свидетельских показаний советскими правоохранительными органами о преступлениях фашистов в городе [3].

В публикации В.А. Иванова «Участие советских военнопленных в антинацистском сопротивлении на территории оккупированного Крыма в 1941-1944 годах» [6] приводятся обширные цитаты из воспоминаний одного из узников концлагеря в Лазаревских казармах, бывшего красноармейца-топографиста А.Я. Пулягина, который подтвердил существование подполья среди военнопленных и особую роль как организаторов и агитаторов в его работе Н.И. Терещенко и В.И. Осокина.

Деятельность подпольной группы в лагере позволяла сохранить высокую морально-психологическую стойкость заключенным перед лицом давления со стороны оккупантов и попыток проведения вербовочной работы для пополнения рядов коллаборационистов. Об этом свидетельствует следующий фрагмент из мемуаров А.Я. Пулягина: «Осокин поручал мне давать читать листовки, которые он мне приносил не сразу, а сперва я должен

был хорошо узнать настроение и думы товарищей. Листовки должны были уничтожаться. Иногда листовку я вывешивал в уборной, в моем подопечном заведении. О настроениях пленных в лагере можно было судить по такому факту: немцы решили провести в нашем лагере вербовку во власовскую армию. С этой целью из Симферополя приезжали власовские офицеры. Один из них долго доказывал нам перед строем необходимость бороться вместе с фашистами против коммунистов и советской власти. Однако во всем лагере не нашлось ни одной души, которая согласилась бы продаться за немецкий паек. Бредовая идея вербовки советских военнопленных в антисоветскую армию провалилась» [6, с. 411-412].

В статье Е.Б. Мельничука, который обобщил и проанализировал обширный архивный материал документов Крымского штаба партизанского движения и отдела штаба Черноморского флота по истории антифашистского сопротивления на полуострове в период оккупации, приводятся подтвержденные документально факты о сотрудничестве В.И. Осокина с разведотрядом Черноморского флота «Сокол» после установления КПОВТН связи с ним в феврале 1944 г. В частности, в указанной публикации цитируется одна из радиogramм разведчиков-черноморцев в центр, в которой были следующие данные: «Осокин — участник обороны Севастополя, прошедший плен. Под руководством Ревякина участвовал в создании подпольной группы моряков в Севастополе и там работал до последнего ухода к нам. Кроме этих двух еще в пятый отряд прибыло пять моряков из этой же организации...» [7].

Таким образом, изложенная В.И. Осокиным в мемуарах информация расширяет круг знаний о КПОВТН, которая стремилась вести активную работу среди советских военнопленных, создавала среди них группы сопротивления, организовывала возможности для проведения побегов и включения в борьбу против нацистов на нелегальном положении, оказывала морально-психологическую поддержку, распространяя через листовки и газеты правдивую информацию о ходе военных действий.

Данный источник аутентичен, что подтверждается личной подписью его автора, а также фактами его автобиографии, представленной в архивном деле, где хранятся соответствующие воспоминания. Для их текста характерна довольно высокая точность воспроизведения фактов, о чем позволяет говорить его сопоставление с другими информационными ресурсами. Короткий промежуток времени, отделявший события от их описания, позволил участнику подполья удержать в памяти и воспроизвести большой массив материала с актуализацией разнообразных аспектов и деталей излагаемых событий.

Как и любой источник личного происхождения мемуары В.И. Осокина требуют критического анализа в плане освобождения от искажений субъективного характера, выявления и уточнения достоверных данных. Одна-

ко они являются исключительно важным по содержанию свидетельством передающим дух трагической военной эпохи, несут отпечаток личности их автора, передают не сохранившиеся в официальных документах факты об особенностях повседневной жизни и быта в условиях оккупации, психологических состояниях, межличностных отношениях, особенностях организации и проведения различных разведывательных и других нелегальных мероприятий, позволяют уточнить персональный состав участников подполья.

Перед современными исследователями стоит актуальная задача по выявлению, изучению и публикации источников мемуарного характера, подготовленных подпольщиками и партизанами, что является одним из главных условий по воссозданию подлинно научной и полной картины истории движения сопротивления в годы войны как в Севастополе, так и в Крыму в целом.

Библиографический список:

- [1] Ткаченко С.Н. Неизданные воспоминания как источник по изучению взаимодействия советской авиации и крымских партизан (1942-1944 гг.) // 2012. № 2. // URL: <https://kukiit.ru/docs/ts/no2/18.pdf> (15.03.2023).
- [2] Государственное казенное учреждение Архив города Севастополя (далее – ГКУ АГС). Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 48.
- [3] Протокол допроса Осокина Василия Ивановича // Нацистские лагеря смерти. Очевидцы свидетельствуют. Крымский выпуск. Т. 2 / Арх. ГУ СБУ в Автон. Респ. Крым; Сост. А.В. Валякин. — Симферополь: Изд-во «Доля», 2010. С. 158-161.
- [4] Списки участников партизанского движения и подпольных организаций в период Великой Отечественной войны, проживающих в гор. Севастополе. Май 1972 г. // ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 65.
- [5] Севастополь. 1941-1945: Сборник архивных документов / Сост. Н.Ф. Задорожная, М.Г. Соловьева. – Симферополь: ООО фирма «Санта» ЛТД, 2020. 448 с.
- [6] Иванов В.А. Участие советских военнопленных в антинацистском сопротивлении на территории оккупированного Крыма в 1941-1944 годах // Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Новосибирск: Изд-во «Параллель». С. 407-415.
- [7] Мельничук Е.Б. Чужие среди своих... (Боевые действия разведчиков Черноморского флота на территории оккупированного Крыма в 1943—1944 гг.) // Москва-Крым: историко-публицистический альманах. Спецвыпуск: Крым в Великой Отечественной войне: дневники, воспоминания, исследования. Вып.5. – М.: Фонд «Москва-Крым» // URL: <http://www.moscow-crimea.ru/history/20vek/melnichuk3.html> (15.03.2023).

Reference

- [1] Tkachenko S.N. Unpublished memories as a source for studying the interaction between Soviet aviation and Crimean partisans (1942-1944) // 2012. № 2. // URL: <https://kukiit.ru/docs/ts/no2/18.pdf> (15.03.2023).
- [2] State public institution Archive of the city of Sevastopol (hereinafter - GKU AGS). F. R-434. Op. 2. D. 48.
- [3] Protocol of interrogation of Osokin Vasily Ivanovich // Nazi death camps. Eyewitnesses testify. Crimean issue. Vol. 2 / Arch. GU SBU in Avton. Rep. Crimea; Comp. A.V. Valyakin. - Simferopol: Publishing House "Share", 2010. P. 158-161.
- [4] Lists of participants in the partisan movement and underground organizations during the Great Patriotic War, living in the mountains. Sevastopol. May 1972 // GKU AGS. F. R-434. Op. 2. D. 65.
- [5] Sevastopol. 1941-1945: Collection of archival documents / Comp. N.F. Zadorozhnaya, M.G. Solovoyov. - Simferopol: LLC firm "Santa" LTD, 2020. 448 p.
- [6] Ivanov V.A. Participation of Soviet prisoners of war in anti-Nazi resistance on the territory of the occupied Crimea in 1941-1944 // The Great Patriotic War in the historical memory of the people: study, interpretation, lessons of the past. Collection of materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation. - Novosibirsk: Publishing house "Parallel". P. 407-415.
- [7] Melnichuk E.B. Strangers among our own... (Fighting operations of the Black Sea Fleet scouts on the territory of the occupied Crimea in 1943-1944) // Moscow-Crimea: historical and journalistic almanac. Special issue: Crimea in the Great Patriotic War: diaries, memoirs, research. Issue 5. - M.: Moscow-Crimea Foundation // URL: <http://www.moscow-crimea.ru/history/20vek/melnichuk3.html> (03.15.2023).

Белоглазов Р.Н.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всеобщая история и мировая культура» Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет.

Рац А.Г.

Студентка 4 курса кафедры «Всеобщая история и мировая культура» Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет.

**Неопубликованные мемуары В.И. Осокина как источник
по истории деятельности подпольных организаций
Севастополя в годы Великой Отечественной Войны**

Аннотация. В статье рассматривается текст неопубликованных воспоминаний В.И. Осокина о подполье Севастополя в годы Великой Отечественной войны. Установлено, что данный источник имеет большое информационное значение для изучения истории движения сопротивления в городе в период оккупации.

Ключевые слова: Севастополь, оккупационный режим, подпольные организации, движение сопротивления, В.Д. Ревякин.

Beloglazov R.N.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General History and World Culture, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University.

Rats A.G.

4th year student, Department of General History and World Culture, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University.

**Unpublished memoirs of V.I. Osokin as a source
on the history of activities of underground organizations
in Sevastopol during the Great Patriotic War**

Abstract. The article deals with the text of unpublished memoirs of the participant of the Sevastopol underground V.I. Osokin during the Great Patriotic War. It has been established that this source is of great informational value for studying the history of the resistance movement in the city during the occupation period.

Key words: Sevastopol, occupation regime, underground organizations, resistance movement, V.D. Revyakin.

Синицын О.В.

Доктор исторических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань).

Характер и особенности среднешкольного и университетского преподавания истории в России*

Постановка вопроса. Вопрос о характере и особенностях среднешкольного преподавания истории в России сравнительно с преподаванием этого предмета в высшей школе принадлежит к числу серьезных и крупных вопросов теории и практики исторического образования [2]. Решение его в том или другом смысле безусловно должно отразиться не только на построении отдельных курсов истории, но вообще на всем ходе преподавания ее.

При этом необходимо иметь в виду, что нельзя противопоставлять историю-науку истории-предмету. Такое противоположение недопустимо, поскольку научная историческая работа – это область исторической методологии, *учено-исследовательская сфера*, а история – учебный предмет – это *область преподавания*, имеющая целью передачу учащимся добытых наукой достигнутых результатов. Любая история–учебный предмет – все равно университетская или среднешкольная – стоит в самой тесной зависимости от истории-науки: в высшей школе, в так называемых, общих и специальных курсах преподносят студентам основные выводы исторической науки, добытые ею результаты, в средней школе сообщаются те же выводы истории-науки, но в более элементарном и популярном виде. Поэтому целесообразно говорить не о различии истории-науки и истории-учебного предмета, а об *отличии истории-предмета преподавания в высшей школе от истории-предмета преподавания в средних учебных заведениях*. Отсюда вытекает необходимость выяснить в основных чертах, чем отличается и в чем сближается среднешкольное и университетское преподавание истории.

Цель истории, изучаемой в высшей школе и истории-среднешкольного учебного предмета одна и та же – принципиальной разницы здесь нет. История, преподаваемая в средней школе, как и та, которая излагается с университетской кафедры или изображается в ученых исследованиях, должна

* © Синицын О.В., 2023.

раскрывать перед умственным взором обучающихся сущность исторического процесса и результаты развития человечества в пространственно-временном измерении. Только научное по своему характеру изображение истории может иметь в средней и высшей школе *педагогическое* значение. Данный подход лежит в основе Историко-культурного стандарта для средней школы [4] и Концепции преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации [5].

Различие между среднешкольным и университетским преподаванием истории лежит во внешних признаках: в объеме учебного материала, в приемах и методах его изложения и учете возрастных особенностей усвоения преподаваемой дисциплины.

Отличие среднешкольного и университетского преподавания истории. Различие между двумя уровнями исторического образования сводятся к двум основным пунктам, во-первых, в *методах построения курсов истории и сообщения материала учащимся*, во вторых, в *содержании и объеме* преподаваемого.

а) Различие со стороны построения курсов. Среднешкольные истории в большей своей части строятся и по условиям среднего образования должны строиться *догматическим методом*. В средней школе сообщается готовый, отработанный преподавателем и автором учебника материал, раскрытый с определенной точки зрения; здесь немного места уделяется ознакомлению учащихся с источниками вопроса, с научными концепциями по изучаемому вопросу. Часто по отдельным крупным вопросам истории существуют разногласия, спорные мнения в научной среде, но учитель истории может остановиться на немногих из них (например, может остановиться на сложных вопросах из Историко-культурного стандарта). В таких случаях, для сообщения учащимся, он выбирает одно, наиболее авторитетное мнение и излагает его как факт, без дополнительных доводов и аргументов.

Совершенно понятно, что почти все вопросы исследовательского характера при традиционной постановке среднешкольного преподавания истории оставляются в стороне: ни уровень развития учащихся, особенно в младших классах, ни количество времени, отводимое на уроки истории, не позволяют учителям истории пользоваться на своих уроках приемами научной методологии.

При таких условиях работы догматический метод построения среднешкольных курсов истории является господствующим. Но в смысле результатов этот метод методически не вполне удовлетворителен, применение его в чистом виде не всегда достигает своей цели. Поэтому при попытке рациональной постановке преподавания истории становится необходимым ослабление догматического метода и комбинация его с другими методи-

ческими приемами, становится обязательным чтение и разбор на уроках документального и историографического материала.

Метод построения курсов истории в высшей школе иной. Важную сторону его составляет непосредственный анализ источников, ознакомление студентов с наиболее серьёзными научными концепциями по различным вопросам исторической науки, уяснение их аргументов, отношение к последним и критика их. Сами исторические факты при данном методе преподавания усваиваются попутно при анализе источников или выдвинутых по поводу этих ученых теорий. Так в «Концепции преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования» подчеркивается: «Исходя из того, что студенты уже владеют полученными в школе знаниями и компетенциями, следует предложить им интегрированный курс истории, основанный на проблемном уровне осмысления исторического материала, что характерно для обучения в вузе. Основное содержание стандарта для студентов неисторических специальностей вузов должно представлять собой не просто набор фактов и событий истории, а отражать совокупность наиболее важных проблем, их причин и сущности, путей и способов разрешения, исторического значения. При этом преподавателю можно и нужно апеллировать к историографии темы, приводить разные точки зрения и аргументы, ссылки на исторические источники, что позволит студентам-неисторикам отчетливо представить научный характер исторического знания [5, с. 6-7]. Все это придает отличительную черту университетскому преподаванию истории и самый метод построения университетских курсов позволяет назвать *генетическим*.

Такой метод построения исторических курсов не только дает возможность обучающимся глубже и основательнее усвоить исторические факты, не только позволит им разобраться в истории разработки и установлении этих фактов но он также одновременно вводит учащихся высшей школы в сущность научной исследовательской работы по истории, заставляет их самостоятельно исследовать материал источников и специальных монографий.

Таким образом, здесь кроется отличительная черта университетского преподавания: сообщая учащимся сведения не только об исторических фактах, но и об исторических источниках, раскрывая перед ними процесс установления и понимания этих фактов, на основании материалов источников и существующей научной литературы, преподаватель высшей школы в то же время дает нам в руки методы научно-исследовательской работы.

б) Различие со стороны сообщения материала. Внешние способы передачи исторического материала учащимся также различны в средней и высшей школе. В высшей школе вполне удачно применяются два основных способа обучения: с одной стороны, здесь находит себе приложение

лекционный метод в его чистом виде, то есть метод при котором студенты являются в основном пассивными слушателями и воспринимателями сообщаемого им учебного материала; с другой стороны в высшей школе параллельно используется *практический* метод, при котором студенты активно участвуют в выполняемой ими учебной работе в семинарах. Пользование каждым из названных двух методов позволяет преподавателю высшей школы осуществлять особые задачи университетского преподавания. Лекционный метод является средством для сообщения учащимся сведений по общим курсам истории, практическое же преподавание вводит студентов в методы научно-исследовательской работы по узко специальным вопросам курса истории.

В средней школе ни лекционный, ни практический методы в их чистом виде не применяются. Сообщение учебного материала здесь должно вестись по методу комбинированного типа. Так, сюда прежде всего входит анализ и совместная с учащимися разработка в классе того материала, который представлен в учебнике – это необходимо для контроля над тем, как учащиеся понимают материал учебника, с другой стороны, для того, чтобы облегчить им усвоение материала учебника; важное значение также имеет рассказ учителя сопровождаемый беседами с учащимися, во время которых последние выражают свое отношение к воспринимаемому рассказу; наконец, в средней школе практикуются письменные и устные рефераты по темам учебной программы, задания типа ЕГЭ и т.п. Все это комбинируется с лекционным методом, который практикуется в старших классах в средней школе в ограниченных размерах. Таким образом, среднешкольный метод сообщения исторического материала учащимся является *смешанным* методом.

в) различие в содержании курсов. В средней школе курсы истории строятся и преподаются с таким расчетом, чтобы учащиеся в течение нескольких лет их изучения, даже при сравнительно ограниченном числе уроков, усвоили прежде всего возможно больший запас исторических сведений и фактов, хронологических дат, всякого рода исторических терминов и понятий – то есть детальное изучение фактического материала здесь стоит на первом месте. Отсюда и вытекают в высшей степени характерные факты преподавательской практики: учащимся стараются сообщить возможно больше исторических знаний и при том почти исключительно в виде конкретного материала фактов, событий, цифр, названий.

Это стремление преподавателей к обогащению учащихся историческими сведениями фактического характера покоится на известных педагогических основаниях. Действительно, средняя школа, в силу своего общеобразовательного назначения энциклопедического характера должна сообщить учащимся весь необходимый объем исторического образования, тем более что из всей массы учащихся большое количество выпускников средней

школы навсегда обрывает свои систематические занятия историей. В виду этого, основные фактические сведения, безусловно, должны быть усвоены учащимися средней школы. Но учителя истории, исходя из этого вполне правильного соображения, впадают в крайность, - они слишком перегружают учащихся конкретным историческим материалом, они дают им такое количество фактического материала, какое учащиеся по условиям работы в средней школе, безусловно, не могут прочно усвоить. В конечном итоге, преподавание не достигает своей цели, а между тем, прочные знания можно дать учащимся, сообщая им при изучении предмета История только основное, самое важное, постоянно углубляя их знания, а не чрезмерно расширяя. Многие преподаватели мало считают с этой истиной, они нагружают учащихся слишком много, поэтому от школьных знаний по истории остается так мало.

Такое положение дел не должны оставаться неизменным, в целях продуктивности среднешкольного исторического образования необходимо существенно изменить его объем, так как именно таким образом можно сделать его более отвечающим своему назначению. Необходимо установить для средней школы известный *minimum* обязательного исторического материала, с которым учителя истории должны оперировать на уроках, необходим вычеркнуть из учебников всякие мелочные, неважные сообщения – им место в научных исследованиях. Необходимо проникнуться мыслью о том, что и в средней школе целью изучения истории является вовсе не накопление единичных, конкретных фактов из истории разных народов и разных эпох – так как оно еще не создает исторически образованного человека. Содержание среднешкольных курсов истории должно обнимать два основных момента учебной работы; с одной стороны, *оно должно включать в себя основной, наиболее существенный фактический материал*, с другой стороны, *оно должно давать учащимся элементарный синтез этого конкретно-фактического материала*, могущий привести учащихся к пониманию основных моментов в развитии сложной исторической жизни. Для этого был разработан и введен Историко-культурный стандарт по истории [4], важной особенностью которого является «разумная минимализация материала с учетом возрастных и умственных особенностей тех, кому он предназначен» [1]. При такой именно постановке среднешкольное изучение истории не только достигнет поставленной ему задачи – дать учащимся необходимые *основные элементы исторической грамотности*, но содержание школьных курсов истории освободится от расплывчатости, неопределенности и безыдейности.

Элементарный характер среднешкольных курсов истории объясняется и субъективными условиями. Когда учитель строит свой курс и подбирает материал для уроков, он обязательно считается с одним важным условием

– с воспринимающей способностью учащихся. В содержание своих уроков он вкладывает, по возможности, только то, что не превышает их понимания, что им доступно, происходит приспособление учебного материала к возрасту и когнитивным способностям школьников, возможно, идущее в ущерб содержанию самого предмета, но совершенно понятное с общепедагогической точки зрения.

В высшей школе содержание исторических курсов иное. И здесь изучение фактического материала, как самостоятельный элемент работы, не имеет места, центром работы здесь является, с одной стороны, уяснение учащимися основных исторических процессов и их эволюции, с другой, методологии исторической работы. Этим именно и определяется содержание университетских курсов истории. Наполнение и объем исторического материала изучаемого в высшей школе значительно шире и больше, сравнительно с объемом среднешкольных курсов. Общеисторические дисциплины дополняются специальными историческими (источниковедение, историография, археология, этнология, краеведение и т.п.) и вспомогательными историческими дисциплинами (палеография, нумизматика, геральдика, историческая хронология, историческая география, сфрагматика, метрология и т.п.), а также спецкурсами и спецсеминарами профилирующих кафедр. К тому же используется блочно-модульная технология преподавания истории, которая позволяет использовать и сочетать множество самых различных форм подачи материала и самостоятельной работы студентов. Самостоятельная работа в целом занимает до 50% учебного процесса при обучении истории в высшей школе. Наконец, важнейшей задачей университетского преподавания истории является формирование умений вести научно-исследовательскую работу. НИРС максимально развивает творческое мышление, индивидуальные способности, исследовательские навыки студентов, позволяет осуществить подготовку инициативных специалистов, развивает научную интуицию, глубину мышления, творческий подход к восприятию знаний и практическое применение их для решения организационных и прикладных задач и научных проблем, а также воспитывает у студентов умение работать в коллективе [7, с. 3-4].

По отношению к преподаванию истории в высшей школе не приходится говорить о каких бы то ни было приспособлениях к обучающимся; здесь преподаватель совершенно не считает с тем, что, может быть, среди его слушателей есть лица, для которых, не вполне доступно содержание его курса – для них он не станет жертвовать интересами науки и не будет превращать свои курсы в популяризацию. Таким образом, при построении университетских курсов педагогические соображения существенной роли не играют: интересы исторической науки являются единственным критерием, который определяет собой содержание этих курсов.

Общее в среднешкольном и университетском преподавании истории

Можно констатировать, таким образом, что различий предостаточно, о чем речь шла выше, но существует, тем не менее, и единое, общее, в сущности, направленное на формирование исторического сознания и российской идентичности российских школьников и студентов. Общей линией также является многовековая отечественная истории, место истории России в мировой истории. В октябре 2020 г. на коллегии Министерства просвещения РФ была утверждена новая Концепция преподавания курса «История России» в средней школе [6]. В ней, как и прежде, главное внимание уделяется Историко-культурному стандарту, в текст которого внесен ряд содержательных и структурных дополнений: – теперь ИКС предваряет «Ядро содержания», еще более концентрированный и формализованный перечень основных предметных единиц учебного курса «История России»; – перечни обязательных исторических персоналий, терминов и дат просто перемещены в приложение, но сохранили роль ориентира в разработке контрольно-оценочных материалов ГИА и ВПР; – нарратив по отечественной истории продлен до современности (2020 г.); – исчезли «трудные вопросы истории», которые при критически творческом к ним отношении могли трансформироваться в дискуссионные и проложить на учебных занятиях и внеклассных мероприятиях дорогу к историко-культурному диалогу; – завершился заявленный в 2014 г. переход на линейную структуру обучения истории в 11-м классе (таким образом, советская модель обучения истории в линейно-хронологической последовательности была полностью восстановлена) [3, с. 13-14].

Концепция 2020 г. для средних школ, безусловно, отвечает современному государственному заказу в области образования и воспитания российских школьников, оформленному сначала в поправках к Конституции России и Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Она согласуется с положениями примерной программы воспитания, на основании которой образовательные организации РФ должны будут разработать собственную рабочую программу воспитания и план воспитательной работы для своей организации. Этот же подход содержится и в Концепции преподавания истории России в образовательных организациях высшего образования: «С методологической точки зрения Концепция исходит из понимания единства исторического процесса, поступательного прогрессивного развития человечества. Российская история является неотъемлемой составляющей этого процесса, что позволяет представить место России в мировой истории и на международной арене, воздействие общемировых тенденций на развитие страны, влияние России на события и процессы мировой истории... В связи с этим программа изучения истории России в рамках данной Концепции строится по линейно-хронологическо-

му принципу, в соответствии с периодизацией истории России, которая определяется основными этапами в развитии российской государственности» [5, с. 7].

Общая линия преподавания истории напрямую связывается со способностью трактовать собственную историю и магистральный путь ее развития. Историческое образование «должно приводить к результату, который выпускник средней школы мог бы сформулировать словами: права моя родина или нет, но это моя родина. Это моя история!» [2, с. 131].

Внутренняя специфика, преемственность и непрерывность – основные черты концепций современного исторического образования Российской Федерации в средней и высшей школе.

Библиографический список:

- [1] Акульшин П.В., Гребенкин И.Н. Историко-культурный стандарт: концепция, рекомендации, содержание // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2013. № 4 (41). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-kulturnyy-standart-kontseptsiya-rekomendatsii-soderzhanie> (Дата обращения: 02.04.2023).
- [2] Антипов Г.А. Как и зачем нужно изучать историю в школе и университете? // Высшее образование в России. 2013. № 8-9. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-i-zachem-nuzhno-izuchat-istoriyu-v-shkole-i-universitete> (Дата обращения: 04.04.2023).
- [3] Вяземский Е.Е. «Эпоха 2020-х» и модернизация общего исторического образования: поиск подходов // Историческое и обществоведческое образование: ресурсы, проблемы и перспективы. Улан-Удэ, 2021. С. 5-20.
- [4] Историко-культурный стандарт по истории. // URL: <https://school.historians.ru/wp-content/uploadshool.historians.ru/wp-content/uploads/2013/08/Историко-культурный-стандарт.pdf> (Дата обращения: 01.04.2023)
- [5] Концепция преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования. // URL: https://historyrussia.org/images/Doki/Conception_preparation_history_of_Russia.pdf (Дата обращения: 01.04.2023).
- [6] Концепция преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы // URL: https://instrao.ru/images/concept/Kontseptsiya_po_Istorii.pdf
- [7] Минина Т.Б. Организация научно-исследовательской работы студентов. Екатеринбург, 2018. 93 с.

Reference

- [1] Akulshin P.V., Grebenkin I.N. Historical and cultural standard: concept, recommendations, content // Bulletin of the Ryazan State University. S.A. Yesenin. 2013. № 4 (41). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-kulturnyy-standart-kontseptsiya-rekomendatsii-soderzhanie> (04.02.2023).
- [2] Antipov G.A. How and why is it necessary to study history at school and university? // Higher education in Russia. 2013. № 8-9. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-i-zachem-nuzhno-izuchat-istoriyu-v-shkole-i-universitete> (04.04.2023).
- [3] Vyazemsky E.E. "Era of the 2020s" and the modernization of general historical education: the search for approaches // Historical and social science education: resources, problems and prospects. Ulan-Ude, 2021. P. 5-20.
- [4] Historical and cultural standard in history. // URL: <https://school.historians.ru/wp-content/uploadshool.historians.ru/wp-content/uploads/2013/08/Historical-cultural-standard.pdf> (04.01.2023)
- [5] The concept of teaching the history of Russia for non-historical specialties and areas of training implemented in educational institutions of higher education. // URL: https://historyrussia.org/images/Doki/Conception_preparation_history_of_Russia.pdf (04.01.2023).
- [6] The concept of teaching the educational course "History of Russia" in educational institutions of the Russian Federation implementing the main general educational programs // URL: https://instrao.ru/images/concept/Kontseptsiya_po_Istorii.pdf
- [7] Minina T.B. Organization of research work of students. Yekaterinburg, 2018. 93 p.

Синицын О.В.

*Доктор исторических наук, профессор,
Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань).*

**Характер и особенности среднешкольного
и университетского преподавания истории в России**

Аннотация. В статье характеризуется тесная связь и отличие среднешкольного и университетского преподавания истории в России со стороны построения дисциплины, сообщения материала, содержания предмета, приспособления курсов истории к возрастным особенностям понимания учащихся. Различие между названными системами исторического образования существует и должно существовать, исходя из характера и особенностей целей и задач этих уровней образования и методическим приемам педагогического воздействия. Это также обусловлено требованиями федеральных государственных образовательных стандартов основного общего, среднего общего и высшего образования к результатам освоения основных образовательных программ и приобретения соответствующих ключевых компетенций школьниками и студентами в координатах обеспечения единства образовательного пространства Российской Федерации. При выявленных отличиях в построении и содержании среднешкольных и университетских курсов истории, между ними должно быть полное единство в освещении и трактовке всех основных вопросов истории на основе Историко-культурного стандарта и Концепции преподавания истории России в образовательных организациях высшего образования.

Ключевые слова: история, средняя школа, высшая школа, образование, методология, методика истории, содержание, объем, учебная программа.

Sinitzyn O.V.

Doctor of Historical Sciences,

Professor of the Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan).

**Character and features of secondary school
and university teaching of history in Russia**

Abstract. The article characterizes the close relationship and difference between the secondary school and university teaching of history in Russia in terms of the construction of the discipline, the presentation of the material, the content of the subject, the adaptation of history courses to the age-related characteristics of students' understanding. The difference between these systems of historical education exists and should exist, based on the nature and characteristics of the goals and objectives of these levels of education and methodological methods of pedagogical influence. This is also due to the requirements of federal state educational standards for basic general, secondary general and higher education to the results of mastering basic educational programs and acquiring relevant key competencies by schoolchildren and students in the coordinates of ensuring the unity of the educational space of the Russian Federation. With the revealed differences in the construction and content of secondary school and university history courses, there should be complete unity between them in covering and interpreting all the main issues of history on the basis of the Historical and Cultural Standard and the Concept of Teaching Russian History in Educational Institutions of Higher Education.

Key words: history, secondary school, higher school, education, methodology, history methodology, content, volume, curriculum.

Кубанова А.К.

Кандидат психологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин. Северо-Кавказская государственная академия.

Кравцов О.В.

Обучающийся 1 курса. Северо-Кавказская государственная академия.

Эмоции в процессе их управления*

Тема эмоций и управление ими является актуальной, так как эмоции играют важную роль в нашей жизни и имеют огромное влияние на наше поведение и психологическое самочувствие. Эмоции могут приводить к улучшению нашего настроения, а также к ухудшению, вызывая стресс и бессонницу. Кроме того, эмоции могут оказывать влияние на нашу способность к принятию решений и взаимодействие с другими людьми. В связи с этим, изучение эмоций является одной из ключевых тем в психологии и социологии и имеет большое значение в практическом применении, например, в управлении эмоциями и разрешении конфликтов. Эмоции - это состояния психологического дискомфорта или комфорта, которые возникают в ответ на определенные стимулы или события внешней или внутренней природы. Они могут проявляться в виде множества различных ощущений, таких как радость, гнев, страх, грусть, удивление и т.д. Эмоции отличаются от чувств, таких как температура, боль, звук и т.д., которые могут быть определены более точно и объективно [1, с. 301].

Эмоции также могут быть классифицированы по степени интенсивности (от слабой до сильной), продолжительности (от короткой до длительной) и типу (например, социальные, сексуальные, привязанности, амбивалентные и т.д.). Кроме того, эмоции могут перекрываться и взаимодействовать друг с другом, что делает классификацию и понимание их более сложным. Эмоции влияют на все аспекты жизни человека: на поведение, мышление, восприятие мира, принятие решений, межличностные отношения и т.д. Их наличие может помочь человеку адаптироваться к окружающей среде, предостеречь его от угроз и опасностей, улучшить коммуникацию и общение с другими, а также наладить взаимодействие внутри себя и в отношениях с другими людьми [2, с. 83].

* © Кубанова А.К., Кравцов О.В., 2023.

Эмоции могут привести к различным видам поведения, таким как контакт или избегание, общение и гиперактивность или наоборот, уход в толпу или изоляцию. Они также могут влиять на восприятие мира, поведение и мышление человека, в том числе на умственное функционирование, память и концентрацию [3, с. 294].

Существует несколько теорий, объясняющих, как возникают эмоции. Одна из них – это теория Джеймса – Лэнге. Согласно этой теории, эмоции возникают после того, как мы замечаем физические признаки в нашем теле, когда наше сердце начинает биться быстрее от того, что нас что-то сильно напугало и мы начинаем дрожать от страха. Такие физические ощущения приводят к появлению соответствующих эмоций – в данном случае, мы испытываем страх [4, с. 212]. Эмоции – интерпретация физиологических реакций нашего тела (теория Шехтера-Зингера), замечая, что наше сердце бьётся быстрее, наше дыхание учащается и мы начинаем потеть, в зависимости от ситуации, в которой мы находимся, мы можем оценить это как страх, радость или другую эмоцию.

Существует несколько теоретических моделей, которые пытаются объяснить механизмы возникновения и проявления эмоций, некоторые из которых становятся все более популярными. Одна из таких моделей предлагает, что эмоции проявляются в результате взаимодействия трех основных компонентов: физиологического возбуждения, когнитивного оценивания и культурных и социальных норм. Таким образом, когнитивное оценивание (которое основано на представлениях, убеждениях и ожиданиях человека) может изменять степень возбуждения, вызванного внешними стимулами, а социальные нормы и культурные ценности могут повлиять на то, какие эмоции будут выражены и как они будут регулироваться. Другая модель предлагает, что эмоции возникают в результате сложных сетей нейронных сигналов и взаимодействий между различными участками мозга, которые связаны с оцениванием стимулов, реакцией на них и выражением эмоций [5, с. 176].

Другие исследования показывают, что химические вещества, такие как допамин, серотонин и норадреналин, играют важную роль в регуляции эмоций и их проявлении.

Эмоции могут возникать и развиваться под воздействием таких факторов как:

- стресс – одного из главных факторов, способствующих появлению негативных эмоций. Стрессовые ситуации могут возникать по любой причине, и зависят они в большей степени от нашей реакции на внешние обстоятельства, чем от самих обстоятельств. Стресс может возникать как при кратковременном воздействии, так и при долгосрочном;

- тревога, влияющая на эмоции. Она может возникать в результате наличия какой-либо угрозы, беспокойства по поводу будущего, нерешительности и т.п.;

- совместное занятие деятельностью - также является важным фактором влияния на эмоции. Во время совместной деятельности отношения между людьми могут ослабевать или, наоборот, укрепляться, что может приводить к проявлениям разных эмоций [6, с. 154].

Как пример в вопросе важности эмоций для людей, рассмотрим проблему сдерживания эмоций мужчинами.

По результатами анонимного опроса, проводимого с 6 апреля по 9 апреля 2023 года, около 74% мужчин старше 18 лет сдерживают свои эмоции находясь в общественных местах. Опрос проводился в сети с помощью социальных сетей. Проводимый в тоже время опрос среди женской аудитории показал куда более скромные результаты: около 32% женщин сдерживают свои эмоции находясь в общественных местах. Статистика указывает на то, что данная проблема превалирует преимущественно среди мужчин. В опросе приняло участие 1476 человек возрастом от 18 до 65 лет.

В нашем обществе, мужчины часто получают социальные сообщения, которые говорят им, что проявление эмоций – это не мужественно. В результате этого, многие мужчины учитывают эту социальную норму и стараются сдерживать свои эмоции.

Положение дел в этой области значительно улучшилось в последние годы, но мужские стереотипы продолжают оставаться прочными во многих культурах. Исследования в области психологии и нейробиологии показывают, что сдерживание эмоций может иметь как положительные, так и отрицательные последствия для мужчин [7]. Одним из психологических подходов к объяснению сдерживания эмоций является теория «мужественности». Согласно этой теории, мужчины убеждены, что проявление эмоций является признаком слабости, и поэтому стараются сдерживать их. Также мужчины могут опасаться, что проявление сильных эмоций может быть воспринято окружающими как неспособность управлять своими эмоциями. В свою очередь, биологический подход к объяснению сдерживания эмоций подчеркивает важность регуляции эмоций с точки зрения нейробиологии и гормонального проворства организма. Исследования показали, что кору головного мозга, ответственную за регуляцию эмоций у мужчин, активируют те процессы, которые позволяют им контролировать эмоции. С другой стороны, имеются некоторые доказательства того, что сдерживание эмоций может привести к определенным проблемам. Контроль над эмоциями слишком часто считают стратегией, которую мужчины выбирают, когда они не хотят сталкиваться лицом к лицу с эмоционально трудны-

ми ситуациями, что приводит к стрессу и депрессии. В итоге, хотя сдерживание эмоций является распространенным и признанным общественным нормой поведения у мужчин, оно может иметь как положительные, так и отрицательные последствия на различных уровнях функционирования людей. Специальные эксперименты обнаружили в глубине мозга, в так называемой лимбической системе, существование центров положительных и отрицательных эмоций, получивших название центров «наслаждения» и «страдания» [8, с. 29].

Управление эмоциями является важной областью психологической практики и исследований. Эмоциональная регуляция может помочь улучшить настроение, принять лучшие решения, повысить концентрацию и укрепить межличностные отношения. Существует несколько способов управления эмоциями. Одни люди используют эмоциональную супрессию, пытаясь скрыть или подавить их проявления, другие становятся уязвимыми и чувствительными к окружающей среде [9, с. 76].

Однако наиболее успешным способом является развитие способности к эмоциональной регуляции, которое помогает лучше понимать и управлять эмоциями. К ним можно отнести например, медитацию, работы с сознанием, релаксацию и решение проблем в процессе рассуждения, а также психотерапия и другие методы.

Эмоции – это естественная часть нашей жизни и способствуют нашему физическому и эмоциональному здоровью. Они могут влиять на наше поведение и наши отношения, но мы должны научиться правильно обращаться с ними, чтобы избежать негативных последствий и максимизировать их позитивное воздействие на нашу жизнь. Их возникновение и проявление обуславливается сложными механизмами, которые исследуются в настоящее время. Управлять эмоциями можно и путем регуляции внешнего их проявления. Важный способ снятия психического напряжения это активация чувства юмора, способствующему падению тревожности. Управление эмоциями может помочь улучшить качество жизни и принести много положительных изменений в человеческую психологию и поведение. Изучение эмоций в науке психологии является важным направлением и может помочь в понимании их роли в нашей жизни и воздействии на неё.

Библиографический список:

- [1] Кэхилл С.Э., Эгглстон Р. Управление эмоциями на публике // Ежеквартальный журнал социальной психологии. 1994. № 57 (4). С. 300-312.
- [2] Кубанова А.К. Эмоциональные процессы и управление эмоциями // Власть истории - История власти. 2022. Том 8. Часть 5 (39). С. 80-85.
- [3] Магомедова Х.Л., Шуруха Т.А. Характеристика эмоций // Мировая наука. 2018. № 5 (14) С. 293-295.
- [4] Ланг, Питер Дж. Разнообразие эмоциональных переживаний: размышление о теории Джеймса–Ланге //

- Психологическое обозрение. 1994. № 101 (2). С. 211-221.
- [5] Мариано Сигман. Тайная жизнь мозга. Как наш мозг думает, чувствует и принимает решения. Издательство Эксмо. Серия: Просто о мозге. 2019. 304 с.
- [6] Сэм Акбар. Эмоции: понять, принять и управлять. Как сохранить устойчивость, когда сложно. Издательство Манн, Иванов и Фербер. Серия Психологический тренинг. 2023. 192 с.
- [7] Хофманн С.Г. и Доан С.Н. Социальные основы эмоций: аспекты развития, культуры и клинические аспекты. Американская психологическая ассоциация. Вашингтон. 2018.
- [8] Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. Изд-во: Прогресс. М.: 1979. 392 с.
- [9] Васютина Е.Н. Телесная карта эмоций как инструмент управления психическим состоянием // материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и социум». 2021. № XII. С. 76-78.

Reference

- [1] Cahill S.E., Eggleston R. Management of emotions in public // Quarterly Journal of Social Psychology. 1994. № 57 (4). P. 300-312.
- [2] Kubanova A.K. Emotional processes and management of emotions // The power of history - The history of power. 2022. Volume 8, Part 5 (39). P. 80-85.
- [3] Magomedova Kh.L., Shurukha T.A. Characteristics of emotions // World science. 2018. № 5 (14) P. 293-295.
- [4] Lang, Peter J. Diversity of Emotional Experiences: A Reflection on the James-Lange Theory // Psychological Review. 1994. № 101 (2). P. 211-221.
- [5] Mariano Sigman. The secret life of the brain. How our brain thinks, feels and makes decisions. Eksmo Publishing. Series: Just about the brain. 2019. 304 p.
- [6] Sam Akbar. Emotions: understand, accept and manage. How to stay resilient when the going gets tough. Publishing house Mann, Ivanov and Ferber. Series Psychological training. 2023. 192 p.
- [7] Hofmann S.G. and Doan S.N. Social foundations of emotions: developmental, cultural, and clinical aspects. American Psychological Association. Washington. 2018.
- [8] Reikovsky Ya. Experimental psychology of emotions. Publishing house: Progress. M.: 1979. 392 p.
- [9] Vasyutina E.N. Body map of emotions as a tool for managing the mental state // Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Science and Society". 2021. № XII. P. 76-78.

Кубанова А.К.

*Кандидат психологических наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин.
Северо-Кавказская государственная академия.*

Кравцов О.В.

*Обучающийся 1 курса.
Северо-Кавказская государственная академия.*

Эмоции в процессе их управления

Аннотация. Эмоциями называют процессы, которые отражают личную значимость и оценку внешних и внутренних ситуаций для жизнедеятельности человека в форме переживаний. Они могут влиять на наше поведение, мышление, межличностные отношения, профессиональную деятельность, наше общее состояние здоровья и восприятие мира в целом. Управление эмоциями понимается, как способность не только определять свои и чужие эмоции, но и справляться с ними, принимать ответственность за действия и ошибки.

Ключевые слова: эмоции, эмоциональная регуляция, управление эмоциями.

Kubanova A.K.

*Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor of the Department of Humanities,
North Caucasus State Academy.*

Kravtsov O.V.

1st year student. North Caucasus State Academy.

Emotions in the process of their management

Abstract. Emotions are processes that reflect the personal significance and assessment of external and internal situations for a person's life in the form of experiences. They can influence our behavior, thinking, interpersonal relationships, professional activities, our general health and perception of the world as a whole. Emotion management is understood as the ability not only to identify your own and others' emotions, but also to cope with them, take responsibility for actions and mistakes.

Key words: emotions, emotional regulation, emotion management.

Серенко М.Н.

Преподаватель. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Волгоградский филиал).

Первые шаги по восстановлению учреждений образования города Сталинграда в 1943 году*

Накануне Великой Отечественной войны город Сталинград был крупным областным центром с населением свыше 400.000 человек. Город имел развитую систему общего и дошкольного образования.

Школьная сеть Сталинграда удовлетворяла потребностям города и полностью охватывала детский контингент. К началу войны в Сталинграде функционировали 133 общеобразовательных школы. В этих учебных заведениях обучалось 68.965 юных сталинградцев [14, с. 233].

Школьная сеть равномерно покрывала всю территорию Сталинграда. От Тракторозаводского до Кировского районов наполняемость классов была примерно одинаковой, что говорит о правильной дислокации школ, учитывавшей численность населения того или иного района или поселка.

Большинство школ Сталинграда относились к разряду крупных, с большим контингентом обучающихся. Эти школы были построены в 30-е годы, в период бурного экономического роста города, который сопровождался значительным увеличением численности населения. Обычно это было четырехэтажное здание, с 22-мя классными комнатами [1. Л. 5].

Например, только в одном 1937 году в Сталинграде было построено 9 больших школ, в которых смогли получать качественное образование 6.000 учащихся. Годом позже, в 1938 году, было построено еще 5 больших школ, на 4.400 учеников [23, с. 150].

Активную помощь городу в возведении новых школ оказывали промышленные предприятия Сталинграда. Свои большие школы строили тракторный завод, металлургический гигант «Красный Октябрь» и многие другие.

Как правило, возводимые в 30-е годы школы Сталинграда, были настоящими произведениями архитектурного искусства. К примеру, построенная на стыке двух промышленных гигантов, тракторного и артиллерийского завода «Баррикады», школа №12 сооружалась под личным контролем народного комиссара тяжелой промышленности СССР Серго Орджоникидзе. Фронтон школы был украшен резными фресками, пол устлан уникаль-

* © Серенко М.Н., 2023.

ным итальянским паркетом, а перед входом бил фонтан. Строительство школы велось специально командированными архитекторами и мастерами из Москвы [17, с. 147-149].

С началом Великой Отечественной войны, часть школ Сталинграда была передана под нужды обороны и оборонной промышленности. Тем не менее, к началу Сталинградской битвы и уличных боев, функционировало 96 школ [4. Л. 1].

В ходе ожесточенных боев за Сталинград, из 133 существовавших школ разрушены были 82 школы. Сохранились преимущественно школы, находившиеся в Кировском районе Сталинграда, который подвергался артиллерийским обстрелам и авиационным бомбардировкам, но не пережил ужаса уличных боев [5. Л. 90].

После завершения боев в городе Сталинграде, практически отсутствовало население [9. Л. 341.]. Большая часть горожан была выселена немцами или эвакуирована советскими органами власти. В самом городе насчитывалась чуть более 30.000 жителей [20, с. 681]. Две трети населения проживали в самом южном, Кировском районе. В других районах численность населения была мизерной. В Краснооктябрьском районе, например, перепись не выявила ни одного жителя [25, с. 379-381].

Сразу после завершения Сталинградской битвы, началось восстановление города [22, с. 2]. Основные усилия органов власти были направлены на возрождение экономического потенциала города и объектов социальной и коммунальной инфраструктуры. Вопросу восстановления нормальной работы образовательных учреждений на начальном этапе уделялось не так много внимания.

Инициаторами начала функционирования учреждений образования выступили педагоги и родители учеников [15, с. 250]. Как правило, обучение детей велось в приспособленных помещениях, подвалах или зданиях, не имеющих части стен [8. Л. 1 об.]. Зачастую, сапёрам приходилось проделывать специальные проходы в минных полях, чтобы дети и педагоги могли пройти к школе [11, с. 158-159].

И все же, не смотря на трудности и недостаточное внимание властей, школы открывались [7. Л. 3]. Например, в сильно пострадавшем в ходе уличных боев Ворошиловском районе уже к маю 1943 года функционировали 7 школ [24, с. 3.]. В двух комнатухах сохранившегося подвала открыли школу для детей Баррикадского района [13, с. 98].

Население Сталинграда активно откликалось на просьбы помочь в восстановление школ и хотя бы небольшом ремонте пригодных для учебного процесса помещений. В работах на объектах образования принимали участие люди самых разных профессий. Например, главный бухгалтер Сталинградского порта в свободное время сооружал печи в готовых к открытию

школах [16, с. 3].

В апреле 1943 года за партами учились уже 4.000 детей. К этому времени взрослые сумели приспособить для регулярных занятий 24 школы [10, с. 169].

К официальному началу нового учебного года в Сталинграде работало уже 40 школ [3. Л. 92]. Сообщение о начале нового учебного года, первого после завершения уличных боев, было напечатано на передовице главной газеты области, «Сталинградской правде» [21, с. 1]

Весной 1943 года зародилось движение шефской помощи возрождаемому Сталинграду. Не остались в стороне и коллеги сталинградских педагогов из других регионов СССР [18, с. 192]. Со всей страны в Сталинград направлялись самые необходимые вещи. В том числе, учебники, парты, тетради, форма для школьников и многое другое. Свою лепту помощи Сталинграду внесли даже жители блокадного Ленинграда [19, с. 413].

Особенностями восстановления учреждений образования в 1943 году являлись следующие факторы. Во-первых, система образования возрождалась (особенно на первом этапе, с февраля по апрель 1943 года) исключительно благодаря инициативе учителей и родителей учеников. Усилия официальных органов власти были направлены на достижение иных целей, прежде всего, восстановления оборонных предприятий и начало выпуска продукции, в интересах фронта и тыла Красной армии и Военно – морского Флота.

Во-вторых, восстановление школ велось на основе использования местного бросового, строительного материала. Неполное и нерегулярное централизованное снабжение учреждений образования строительными материалами было налажено лишь летом 1943 года. Это случилось после того, как в апреле 1943 года началось системное, плановое восстановление объектов образования. Начало этому важному этапу с истории восстановления сталинградской системы образования положил важный документ – Постановление Государственного комитета обороны СССР от 4 апреля 1943 года «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства Сталинграда и Сталинградской области, разрушенного немецкой оккупацией» [6. Л. 14-21]. С этого момента восстановление Сталинграда велось под контролем и помощи союзного центра. Власти страны контролировали весь ход восстановительных работ. Однако в условиях продолжавшейся Великой Отечественной войны даже союзный центр располагал весьма ограниченными возможностями для помощи жителям возрождавшегося Сталинграда. Впрочем, кроме объективных трудностей, процесс восстановления объектов образования Сталинграда тормозился халатным отношением ряда руководителей городских предприятий к выполнению наметенных решений [2. Л. 30].

В-третьих, все восстановительные мероприятия проводились в условиях глубокого кадрового кризиса. Когда в системе образования не хватало

специалистов всех уровней, от воспитателей детских садов до учителей-предметников. Многие педагоги-мужчины были призваны в ряды Красной армии. Однако даже те учителя, которые проживали в Сталинграде, зачастую не работали в школах. Это было связано с проблемой продовольственного обеспечения и уровнем оплаты труда. Отмечается, что значительная часть педагогических работников трудилась в системе речного флота, в колхозах и на промышленных предприятиях, где уровень доходов был выше, и продовольственное снабжение осуществлялось на значительно более качественном уровне в сравнении с отраслью образования [12, с. 141].

Качественный рывок в решении стратегической задачи по скорейшему восстановлению учреждений образования, в условиях военного 1943 года, достичь было фактически невозможно. Целый комплекс причин, о которых мы сообщили в данной статье, существенно тормозил процесс восстановления учреждений образования в городе Сталинграде. Все-таки на первом месте, в качестве основной задачи, которую приходилось решать в тот период времени руководителям города, стояли вопросы, связанные с укреплением обороноспособности страны, насыщении Красной армии вооружением, и в конечном счете, разгроме немецко-фашистских оккупантов. Решению этих вопросов закономерно уделялось больше внимания и средств. Активное восстановление объектов образования в Сталинграде, началось уже после Великой Отечественной войны.

Библиографический список:

- [1] ГАВО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 638. Л. 5]. Об очередных задачах местных советов по восстановлению Сталинграда: Доклад председателя городского исполнительного комитета Пигалева Д.М. на 21 сессии горсовета от 29 июня 1943.
- [2] ГАВО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 638. Л. 30. Материалы к 21 сессии Городского Совета депутатов трудящихся от 29 июня 1943.
- [3] ГАВО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 664. Л.92. О начале учебного 1943-1944 года в школах города: Решение Исполкома Сталинградского городского Совета депутатов трудящихся от 6 сентября 1943.
- [4] ГАВО. Ф. 3423. Оп. 1. Д. 25. Л. 1. Докладная записка заведующему облоно Н.С. Агринскому.
- [5] ГАВО. Ф. 3423. Оп. 1. Д. 61. Л. 90. О количестве уничтоженных зданий учреждений народного образования по Сталинграду: Справка инструктора облоно.
- [6] ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 2. Д. 113. Л. 14-21. Об организации и работе Управления по восстановлению жилищно-коммунального хозяйства Сталинграда: Справка начальнику строительного отдела Сталинградского ГК ВКП(б) Крейнсу М.А.
- [7] ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 2. Д. 113. Л. 3. Об итогах учебного 1942-1943г. и задачах на 1943-1944гг.: Справка заведующей городским отделом народного образования Арлиевской Э.М.
- [8] ЦДНИВО, ф. 113, оп. 12, д. 113, л. 1 об
- [9] ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 1. Л. 341. Стенограмма выступления секретаря Сталинградского обкома ВКП(б) А.С. Чужанова 17 июня 1943 г. на XII пленуме Сталинградского обкома ВКП(б) 17-18 июня 1943.
- [10] Агринский Н.С. Волгоградская партийная организация в борьбе за развитие народного образования в послевоенный период (1945-1955гг.) // Из истории партийных организаций Поволжья. Волгоград, 1967.
- [11] Бузова П.Е. Первая школа в Сталинграде. Сталинградцы в бою и трудах: Документы. Очерки. Воспоминания. Фотографии // Сост. М.Т. Поляков, П.А. Дубицкая. - Волгоград: Издатель, 2005.
- [12] Вашкау Н.Э. Восстановление объектов культуры и образования в Сталинграде в 1943-1945 гг. // Окончание войны в Сталинграде и Кельне. 1943-1945гг. Волгоград, 1997.
- [13] Завод главного калибра. Юбилейное издание. // Под редакцией Алабушева В.Е. Волгоград. 2014.
- [14] Народное хозяйство Сталинградской области. Стат. сб. Саратов, 1957.

- [15] Носова О.А. Школы военного Сталинграда. // Стрелец. Выпуск 4. Волгоград. Издатель. 2004.
- [16] Овладеем профессиями строителей. // Сталинградская правда, 6 октября 1943. № 192.
- [17] Олейников П.П. Архитектурное наследие Сталинграда. Волгоград. 2012г.
- [18] Очерки деятельности КПСС в годы Великой Отечественной войны. М.: 1984.
- [19] СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945. Хроника. Москва. 1970. Военное издательство.
- [20] Сталинградский городской Комитет Обороны в годы Великой Отечественной войны: документы и материалы. Т. 1 / под ред. М.М. Загорюлко. Волгоград, 2003. Справка Сталинградского городского статистического управления (не ранее 25 января 1944)
- [21] Ульянов П. Первое сентябрьское утро. // Сталинградская правда, 3 сентября 1943.
- [22] Ульянов П. Трудовой подвиг. // Учительская газета, 10 мая 1947.
- [23] Царицын – Сталинград. Сталинград. Сталинградское книжное издательство. 1954.
- [24] Шishкин. Жизнь возрождается. // Сталинградская правда, 4 апреля 1943.
- [25] Щучкин В.В., Воробьев А.Ф. Медицинские работники Сталинграда и области в годы Великой отечественной войны. Волгоград, 1995.

Reference

- [1] GAVO. F. 71. Op. 1. D. 638. L. 5]. On the immediate tasks of local councils for the restoration of Stalingrad: Report of the chairman of the city executive committee Pigalev D.M. at the 21st session of the City Council of June 29, 1943.
- [2] GAVO. F. 71. Op. 1. D. 638. L. 30. Materials for the 21st session of the City Council of Working People's Deputies of June 29, 1943.
- [3] GAVO. F. 71. Op. 1. D. 664. L.92. On the beginning of the academic year 1943-1944 in the city's schools: Decision of the Executive Committee of the Stalingrad City Council of Workers' Deputies of September 6, 1943.
- [4] GAVO. F. 3423. Op. 1. D. 25. L. 1. Memorandum to the head of oblon N.S. Agrinsky.
- [5] GAVO. F. 3423. Op. 1. D. 61. L. 90. On the number of destroyed buildings of public education institutions in Stalingrad: Information from an oblon instructor.
- [6] TsDNIVO. F. 71. Op. 2. D. 113. L. 14-21. On the organization and work of the Directorate for the Restoration of the Housing and Communal Services of Stalingrad: Reference to the head of the construction department of the Stalingrad Civil Code of the All-Union Communist Party of Bolsheviks Kreines M.A.
- [7] TsDNIVO. F. 71. Op. 2. D. 113. L. 3. On the results of the educational 1942-1943. and tasks for 1943-1944: Information from the head of the city department of public education Arlievskaya E.M.
- [8] TsDNIVO, f. 113, op. 12, d. 113, l. 1.
- [9] TsDNIVO. F. 113. Op. 14. D. 1. L. 341. Transcript of the speech of the Secretary of the Stalingrad Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks A.S. Chuyanov on June 17, 1943 at the XII Plenum of the Stalingrad Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on June 17-18, 1943.
- [10] Agrinsky N.S. Volgograd party organization in the struggle for the development of public education in the post-war period (1945-1955) // From the history of party organizations in the Volga region. Volgograd, 1967.
- [11] Burova P.E. The first school in Stalingrad. Stalingraders in battle and labors: Documents. Essays. Memories. Photos // Comp. M.T. Polyakov, P.A. Dubitskaya. - Volgograd: Publisher, 2005.
- [12] Vashkau N.E. Restoration of cultural and educational facilities in Stalingrad in 1943-1945. // The end of the war in Stalingrad and Cologne. 1943-1945 Volgograd, 1997.
- [13] Plant of the main caliber. Anniversary Edition. // Edited by Alabushev V.E. Volgograd. 2014.
- [14] The national economy of the Stalingrad region. stat. Sat. Saratov, 1957.
- [15] Nosova O.A. Schools of military Stalingrad. // Rod. Issue 4. Volgograd. Publisher. 2004.
- [16] Let's master the professions of builders. // Stalingradskaya Pravda, October 6, 1943. № 192.
- [17] Oleinikov P.P. Architectural heritage of Stalingrad. Volgograd. 2012.
- [18] Essays on the activities of the CPSU during the Great Patriotic War. M.: 1984.
- [19] USSR in the Great Patriotic War 1941-1945. Chronicle. Moscow. 1970. Military publishing house.
- [20] Stalingrad City Defense Committee during the Great Patriotic War: documents and materials. Vol. 1 / ed. MM. Zagorulko. Volgograd, 2003. Certificate of the Stalingrad City Statistical Office (not earlier than January 25, 1944).
- [21] Ul'ev P. First September morning. // Stalingradskaya Pravda, September 3, 1943.
- [22] Ul'ev P. Labor feat. // Teacher's newspaper, May 10, 1947.
- [23] Tsaritsyn - Stalingrad. Stalingrad. Stalingrad book publishing house. 1954.
- [24] Shishkin. Life is reborn. // Stalingradskaya Pravda, April 4, 1943.
- [25] Shchuchkin V.V., Vorobyov A.F. Medical workers of Stalingrad and the region during the Great Patriotic War. Volgograd, 1995.

Серенко М.Н.

Преподаватель. Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова (Волгоградский филиал).

**Первые шаги по восстановлению учреждений
образования города Сталинграда в 1943 году**

Аннотация. Представленная работа посвящена изучению вопросов, связанных с восстановлением разрушенного в ходе Великой Отечественной войны, народного хозяйства, в частности, учреждений образования. Проблема раскрывается на примере города Сталинграда. Названный город был почти до основания разрушен в ходе ожесточенных боев и восстановлен заново.

Ключевые слова: Сталинград, восстановительный период, учреждения образования, материально-техническая база учреждений, кадры.

Serenko M.N.

Lecturer, Volgograd Branch of the Russian University of Economics.

**The first steps to restore the educational institutions
of the city of Stalingrad in 1943**

Abstract. The presented work is devoted to the study of issues related to the restoration of the national economy destroyed during the Great Patriotic War, in particular, educational institutions. The problem is revealed by the example of the city of Stalingrad. The named city was almost completely destroyed during fierce battles and rebuilt.

Key words: Stalingrad, the reconstruction period, educational institutions, material and technical base of institutions, personnel.

Шляхов А.В.

Соискатель. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева».

**Историческая память о первой мировой войне
на страницах журнала «историк-марксист»
в «юбилейные» годы
(на примере 1928 и 1938 годов)***

Память об исторических событиях традиционно находит свое отражение на страницах исторических журналов, а в «юбилейные» годы нередко отмечается «всплеск» публикационной активности. Журнал «Историк-марксист» (1926–1941 гг.) занимал важное место в профессиональной исторической периодике и являлся важным источником формирования исторической памяти о Первой мировой войне в России. В настоящей статье рассматривается, каким образом на страницах указанного журнала была отражена историческая память о Первой мировой войне в 1928-ом и 1938-ом годах, т.е. спустя 10 и 20 лет после окончания Первой мировой войны соответственно.

Анализ содержания журнала «Историк-марксист» за 1928 год свидетельствует, что на страницах 4 номеров журнала было размещено 78 публикаций (содержание номера и технические исправления при подсчете числа публикаций во внимание не принимались). При этом во всех 4 номерах журнала содержались публикации, подпадающие под предмет нашего исследования (100 %), а из 78 публикаций тематика 11 публикаций была связана с Первой мировой войной (14 %). Соответственно, в среднем в каждом номере имелось около 3 публикаций, которые подпадают под предмет нашего исследования. Аналогичный анализ по 1928 году показывает, что на страницах 6 номеров журнала было размещено 167 публикаций, тематика 50 из которых была связана с Первой мировой войной (30 %), а сама война была представлена в публикациях всех 6 номеров журнала (100 %), т.е. в среднем в каждом номере имелось около 8 публикаций, которые подпадают под предмет нашего исследования (Таблица 1).

* © Шляхов А.В., 2023.

Таблица 1. Историческая память о Первой мировой войне на страницах журнала «Историк-марксист» в 1928 и 1938 гг.

Год	№	Общее количество публикаций (без учета содержания и технических исправлений)	Количество публикаций в журнале, подпадающих под предмет исследования	%
1928	7	21	3	14
	8	18	3	17
	9	22	4	18
	10	17	1	6
Среднее число публикаций в номере, подпадающих под предмет исследования				2,8
1938	1 (065)	30	8	27
	2 (066)	16	6	38
	3 (067)	35	9	26
	4 (068)	42	10	24
	5 (069)	22	11	50
	6 (070)	22	6	27
Среднее число публикаций в номере, подпадающих под предмет исследования				8,3

Результаты анализа публикаций [1–11] в 1928 году свидетельствуют о следующем.

В 1928 году (10-летие окончания Первой мировой войны; Парижский пакт; циркулярное письмо И.В.Сталина «О весенней посевной кампании», курс на коллективизацию; начало первой пятилетки) в журнале «Историк-марксист» Первая мировая война характеризовалась как «империалистическая война», «империалистская война», «империалистическая война 1914 – 1918 годов», «война 1914 года», «война 1914 – 1918 годов», «мировая война 1914 – 1919 годов» и «мировая война». При этом Первая мировая война рассматривалась как событие, «превентивное» по отношению к революции и ускорившее ее ход; в качестве причины Первой мировой войны назывался международный империализм и его аппарат. Соответственно, происхождение войны связывалось не столько с Германией, сколько с «империалистическим» характером войны в целом, а отсутствие в рабочих массах достаточно развитого настроения «к отпору против устремлений империалистских хищников» трактовалось как обстоятельство, облегчавшее развязывание войны. В качестве

виновников Первой мировой войны назывались Антанта и Центральные державы. Вступление России в Первую мировую войну связывалось с такими мотивами, как стремление к овладению Дарданеллами, выход на малоазиатский и балканские рынки, а также «галицийские» территории (при этом упоминалось об интересах «русской военной партии»). Утверждалось, что российская политика носила «производный характер» от политики Антанты («объект воздействия империализма Антанты»), несмотря на то, что в целом иностранная политика царской России являлась частью международной дипломатической кухни накануне и во время войны, а точка зрения об экономической отсталости России накануне войны оспаривалась. Соответственно, высказывалось мнение о том, что Россия участвовала в войне в качестве «вассала» Антанты, а разгром России в 1915 году сделал ее «арьер-вассалом». Память о Первой мировой войне связывалась с русско-японской войной 1904 – 1905 годов, Антантой, Центральными державами, Альхесирасской конференцией, внешним займом России, полученным во Франции, международными документами и конвенциями (например, Петербургская военная конвенция 1892 года, англо-русская конвенция 1907 года, сербо-болгарский союзный договор 1912 года, Брестский мир, Версальский мирный договор), сараевским убийством, мобилизацией, лозунгами «Долой войну» и о «превращении империалистической войны в гражданскую» (в т.ч. приводилась точка зрения о том, что эти лозунги не являлись тождественными), а также именами политических деятелей (например, Николай II, П.А. Столыпин, С.Д. Сазонов, А.П. Извольский). Констатировался факт значительного обогащения Соединенных Штатов за время войны, что со временем позволило Америке выдвинуться на мировую арену; упоминалось о перспективах новой мировой войны. С методологической точки зрения, говорилось о необходимости разработки проблематики периода 1914 – 1918 годов (в т.ч. в части вопросов дипломатии и истории Брестского мира); утверждалось, что события Первой мировой войны стали предметом масштабных фальсификаций со стороны иностранных государств; высказывалось мнение о том, что подготовка «проекта» и отдельных деталей Первой мировой войны началась в начале 20 века, а само начало войны связывалось с созданием Антанты; подвергался критике взгляд на сараевское убийство как на отправную точку Первой мировой войны (параллельно с этим на страницах журнала отмечены споры относительно трактовки степени участия Сербии и России в «сараевском убийстве»), в т.ч. приводилась точка зрения о том, что отсчет войны от «роковой недели», предшествовавшей началу военных действий, приводит к определению Германии либо Антанты в качестве главного виновника войны, а также изображает войну как взрыв, разразившийся над людьми – пассивными фигурами (для аналогии приводился ряд

войн: Отечественная война 1812 года «висела в воздухе» с 1802 года; предпосылки Крымской войны 1853 – 1856 годов «были налицо» в 1838 году; подготовка русско-японской войны 1904 – 1905 годов «началась за 13 лет до ее начала»); подвергалась критике книга академика Е.В.Тарле «Европа в эпоху империализма 1871 – 1919 гг.».

Результаты анализа публикаций [12–61] в 1938 году свидетельствуют о следующем.

В 1938 году (20 лет окончания Первой мировой войны; аншлюс Австрии; Мюнхенское соглашение; начало третьей пятилетки) в журнале «Историк-марксист» Первая мировая война характеризовалась как «война 1914 года», «война 1914 – 1918 годов», «европейская война», «кровавая бойня», «империалистская бойня», «империалистская война», «империалистическая война», «империалистическая война 1914 года», «империалистическая война 1914 – 1918 годов», «мировая империалистическая война», «мировая империалистическая война 1914 – 1918 годов», «мировая война 1914 года», «мировая война 1914 – 1918 годов», «первая империалистическая война», «первая мировая империалистическая война», «первая мировая империалистическая война 1914 – 1918 годов», «мировая бойня» и «мировая война».

При этом Первая мировая война трактовалась как «всесильный режиссер» и «мощный ускоритель» революционного движения. Говорилось о том, что война произвела серьезные пертурбации в Средиземноморском бассейне. Приводилась точка зрения о том, что война обусловила текущий общий кризис капитализма.

В качестве причин Первой мировой войны назывались борьба империалистических государств за передел мира (колонии, сферы влияния финансового капитала) и обострение противоречий между ними, агрессивность немецкого империализма, капитализм, противоречия германского империализма с Англией, Францией и Россией.

Критиковалась идеологема об «ударе ножом в спину».

В качестве главного виновника Первой мировой войны называлась Германия.

Критиковалась точка зрения о «голубиной чистоте» Германии (в т.ч. идеологема «Германия – невинная жертва», вынужденная защищать возможность своего промышленного развития от нападения агрессивных соседей, идеологема «внешняя опасность требует упреждающих действий», идеологема «агрессор – не тот, кто начал войну, а тот, кто в качестве предохранительной меры объявил мобилизацию»), о «невинности миролюбивого Вильгельма II», а также о том, что русский царизм – единственный виновник войны (в т.ч. утверждение об австро-русском антагонизме на Балканах как причине войны).

Высказывалось мнение о том, что планы Германии при ее вступлении в

Первую мировую войну включали в себя создание Германской Центральной Африки, которая должна была бы простираться от Атлантического до Индийского океана.

Подчеркивалось, что Российская империя сделала все, чтобы избежать войны. Соответственно, критиковалось мнение о том, что Российская империя (Николай II, русский торговый капитал) была виновником Первой мировой войны.

В качестве мотива участия Российской империи в Первой мировой войне называлось стремление к расширению сферы влияния в Галиции и странах Ближнего Востока, к получению константинопольских проливов (в т.ч. как средства влияния на Болгарию и Румынию), а также территориальные интересы (Персия, Монголия, Азиатская Турция, Константинополь, Галиция).

Несмотря на то, что внедрялась идеологема «Россия – данница западноевропейского капитализма» (усиление экономической зависимости русского царизма от западноевропейского капитала накануне Первой мировой войны), тезис о том, что у России не было самостоятельных интересов, подвергалось критике.

В частности, высказывалось мнение о далеко идущих российских интересах, связанных с разделом Турции, захватом Константинополя и Армении и созданием угроз для существования Австро-Венгрии; утверждалось, что в предвоенные годы имело место своеобразное «возрождение славянофильских идей» на новой экономической почве – как идеологического прикрытия обоснования планов подчинения России славянских народов, живших на территории Балканского полуострова и Австро-Венгрии; критиковался тезис о решающем значении интересов русского торгового капитала.

Кроме того, приводилась точка зрения о том, что Российской империи принадлежала наиболее активная роль в борьбе за отрыв Болгарии от центральноевропейской коалиции (в т.ч. посредством возможного признания за Болгарией Македонии), а также о том, что вопрос о Салониках был не только средством давления на Австро-Венгрию, но и имел более широкое стратегическое значение – борьбу за Балканский полуостров как один из стратегических плацдармов войны.

Утверждалось, что накануне Первой мировой войны между Россией и Австро-Венгрией велась сложная идеологическая борьба за подчинение южного и западного славянства (украинский народ был одним из объектов спора); в частности, австрийское правительство противопоставляло религиозной российской пропаганде идею украинского национального движения, предоставив ему относительную свободу развития в Галиции (Львов и Восточная Галиция как «Украинский Пьемонт»); российское правительст-

во возлагало надежды на растущее движение среди южных славян Австрии (орудие «взрыва» обветшавшей монархии Габсбургов); Сербия была важна для России как опорная база в борьбе за Балканы и Константинополь, а также как центр притяжения австрийских славян и растущий антагонист Австро-Венгрии; соответственно, разгром Сербии означал для России крушение ее планов по использованию славянского национального движения для своих захватнических целей.

Вместе с тем подчеркивалось, что 1914 год не был для российского правительства оптимальным сроком для того, чтобы провоцировать войну с расчетом захватить проливы. Говорилось о том, что у царской России не было для вступления в войну достаточных материальных и нематериальных ресурсов (объемы вооружения, промышленность, технически образованные офицерские кадры, опытное и морально стойкое военное руководство), а также о том, что Россия отставала от других стран в экономическом, техническом и военном отношении. Обращалось внимание на то, что достижение соответствующих количественных показателей было предусмотрено к 1917, а не к 1914 году. Утверждалось, что внутри страны нарастала хозяйственная разруха. Кроме того, высказывалось мнение о том, что российская мобилизация была, с одной стороны, ответной реакцией отсталой Российской империи на недружественные и заранее определенные действия Германии, а с другой стороны – способом нейтрализации внутреннеполитических проблем.

Говорилось о том, что в последний период Первой мировой войны для вооруженных сил Российской империи было характерным несогласованность планов и действий морских и сухопутных начальников и их штабов. При этом поражения российских армий во время войны объяснялись такими факторами, как недостаток вооружений по сравнению с Германией, неподготовленность военных операций, а также предательство и шпионаж (например, приводилась точка зрения о том, что причинами поражения Российской империи в Восточно-Прусской операции 17 августа – 15 сентября 1914 года были неподготовленность наступления, а также предательство и шпионаж немцев).

Вместе с тем подвергалось критике отсутствие в литературе упоминания о действиях русской армии (Брусиловском прорыве), которые обусловили переброску немецких войск с западного на восточный фронт.

Приводилась идеологема о том, что большевики не были против войны вообще – большевики были против войны захватнической (не оборонительной).

Память о Первой мировой войне связывалась с различными группами явлений, имен и историко-политических процессов.

Во-первых, память о Первой мировой войне связывалась с имена-

ми политических, военных, дипломатических, общественных деятелей, ученых и иных лиц (например, Вильгельм II, Николай II, Георг V, Карл I; Э. фон Капелле, Э. Людендорф, П. фон Гинденбург, М.Гофман, Э. фон Фалькенхайн, О. фон Кнобельсдорф, М. Баденский, В. фон Ягов, Т. фон Бетман-Гольвег, К. Либкнехт; Х. Дельбрюк, М. фон Монжела, М. Вебер, А. Мендельсон Бартольди, П. Пенлеве; К. фон Штюргк, Ф. Адлер; Р. Пуанкаре, Ж. Клемансо, Ф. Фош, Ж. Жоффр, Р. Нивель, Ф. Петен, П. Думер, А. Рибо, Р. Вивиани, П. Камбон, Ж. Камбон, Ж.М. Палеолог, К. Баррер, А. Бриан, А.М. Мессими, Ж. Кайо, Ж.С. Галлиени, А. Ферри; Э. Грей, Д.Л. Джордж, Г.Г. Асквит, Г.Г. Китченер, А. Бальфур, Д.У. Бьюкенен, А. Никольсон, Э.А.Р. Гаскойн-Сесил; О. Чернин, А. фон Менсдорф-Пули-Дитрихштейн; С. Бурбон-Пармский; Л. Кадорна, А. Саландра; С.Ю. Витте, П.Н. Дурново, Н.Н. Романов, Г.М. Романов, М.В. Алексеев, Я.Г. Жилинский, А.А. Брусилов, Б.В. Штюрмер, А.Ф. Трепов, Н.И. Протопопов, В.Н. Коковцов, Г.Н. Трубецкой, П.К. Рененкамф, А.В. Самсонов, В.А. Сухомлинов, Н.Н. Янушкевич, С.Д. Сазонов, П.Н. Милюков, А.И. Гучков, А.П. Извольский, А.К. Бенкендорф, Г.П. Бахметев, С.Н. Мясоедов, Г.Е. Распутин; В.И. Ленин, И.В. Сталин; Л.Д. Троцкий, Н.И. Бухарин, Г.Л. Пятаков, К. Радек; О.Л. фон Сандерс; В. Вильсон, Э. Хауз, У.Х. Пейдж; А. Скиншински; Ю. Шикай; М. Ганди, Б.Г. Тилак; Я. Смэтс и др.).

Во-вторых, память о Первой мировой войне связывалась с различными историческими событиями, а также политическими явлениями и процессами (например, пангерманизм и подготовка Германии к войне; англо-германское соперничество и военно-морские программы Германии конца 19 – начала 20 века, в т.ч. постройка dreadnoughtов; строительство Багдадской железной дороги, влияние Германии в Османской империи; константинопольские проливы; II и III Интернационал; промышленный подъем в России в 1910 – 1913 годах и приток иностранного капитала, План Шлиффена, военно-промышленные комитеты, земские и городские союзы, образование Прогрессивного блока; германо-русские и англо-русские противоречия; Антанта и Четверной союз; сараевское убийство; подводная война, мобилизация промышленности в России, Германии, Англии и Франции; «министерская чехарда», особые совещания, хозяйственный кризис, дефицит вооружений в России во время войны, операции Черноморского флота в годы войны; вступление в войну США, Англии, Японии, Турции, Болгарии и других стран; война в колониях, экономические выгоды нейтралитета США, Союз Спартака, армянская резня; Салоникский фронт; антивоенные настроения, недовольство затяжкой войны; попытки сепаратных переговоров о мире в различные периоды войны, в т.ч. неудачная попытка заключения в 1917 году сепаратного договора о прекращении участия Австро-Венгрии в войне и роль Ватикана

в данных переговорах; деятельность большевиков, IV Государственной Думы, Временного правительства, Учредительное собрание; февральская и октябрьская революция 1917 года в России и создание СССР; ноябрьская революция 1918 года в Германии; деятельность американской разведки во время войны, иностранная военная интервенция на севере России; лозунги о продолжении войны до победного конца, о превращении империалистической войны в войну гражданскую, о поражении «своего» правительства в империалистической войне, о возможности победы социализма в отдельно взятой стране, о культурной отсталости царской России как результате господства помещиков и буржуазии).

Приводилась точка зрения о том, что командование немецкой армии имело своих агентов среди высшего начальствующего состава французской армии, французское командование организовало разведывательную работу на территории Швейцарии, а австро-венгерское главное командование имело многочисленный штат шпионов перед Первой мировой войной.

Высказывалось мнение о том, что из капиталистических государств США (и частично – Япония) больше всех выиграли в Первой мировой войне, поскольку из должника превратились в кредитора Европы. При этом в целях подготовки к вступлению в войну в США проводилась обработка общественного мнения. В свою очередь, Франция не перестала быть государством-рантье, несмотря на ускоренную концентрацию французской промышленности во время войны.

В-третьих, память о Первой мировой войне связывалась с войнами, военными сражениями и операциями, военно-дипломатическими кризисами и восстаниями (например, Танжерский кризис 1905 – 1906 годов, Боснийский кризис 1908 года, Агадирский кризис 1911 год, итало-турецкая война 1911 – 1912 годов, Балканские войны 1912 – 1913 годов, сараевское убийство и июльский кризис 1914 года, Галицийская битва 5 августа – 13 сентября 1914 года, Восточно-Прусская операция 17 августа – 15 сентября 1914 года, Битва при Шарлеруа 21 августа 1914 года, Битва при Танненберге 26 – 30 августа 1914 года, Марнское сражение 5 – 9 сентября 1914 года, осада порта Циндао 27 августа – 7 ноября 1914 года, Дарданелльская операция 19 февраля 1915 года – 9 января 1916 года, Вторая битва при Изонцо 23 июня – 3 августа 1915 года, потопление «Лузитании» 7 мая 1915 года, Великое отступление 27 июня – 14 сентября 1915 года, Битва при Вердене 21 февраля – 18 декабря 1916 года, Ютландское сражение 31 мая – 1 июня 1916 года, Битва на Сомме 1 июля – 18 ноября 1916 года, Брусиловский прорыв 1916 года, Наступление Нивеля 16 апреля – 9 мая 1917 года, Июньское наступление 18 июня – 6 июля 1917 года, Битва при Капоретто 24 октября – декабрь 1917 года, бои за холм Вокуа 1915 – 1918 годов, Амьенская операция 8 – 13 августа 1918 года; Среднеазиатское восстание 1916 года, Восстание в лагере

Ла-Куртин 26 июня – 20 сентября 1917 года).

Наконец, память о Первой мировой войне связывалась с международными договорами и соглашениями, программными и нормативными документами, конференциями 19 и 20 веков (например, военная конвенция 1892 года между Францией и Россией, Бьёркский договор 1905 года, Альхесирасская конференция 1906 года, Штутгартская резолюция II Интернационала 18 – 24 августа 1907 года против милитаризма и империализма, Базельский манифест II Интернационала 24 ноября 1912 года против войны, Манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия» 1914 года, Закон Великобритании о защите королевства 1914 года, Лондонский пакт 26 апреля 1915 года, Конгресс индонезийской общественно-политической организации Сарекат Ислам 1916 года, соглашение Сайкса – Пико 16 мая 1916 года, русско-японский договор 3 июля 1916 года, Лакхнаутский пакт декабря 1916 года, Соглашение Лансинга – Исии 1917 года, «21 требование», Компьенское перемирие 1918 года, Брестский мир 3 марта 1918 года, Бухарестский мирный договор 7 мая 1918 года, «14 пунктов» В.Вильсона, Версальский мирный договор; переговоры с Закавказьем: Трапезундские переговоры 14 марта – 13 апреля 1918 года, Батумская мирная конференция 11 – 26 мая 1918 года).

Проводились различные группы параллелей, связанные с событиями Первой мировой войны.

Во-первых, проводилась параллель между Первой мировой войной и прошлыми по отношению к Первой мировой войне событиями, явлениями, процессами (например, параллель между русско-японской и Первой мировой войной с точки зрения «империалистического» характера; параллель между действиями Германии на восточном фронте и наступлением Наполеона в 1812 году, в т.ч. мнение о том, что Верденская операция была задумана верховным командованием германской армии как средство разрешения внутригосударственных противоречий, а также о том, что попытка поиска данного решения на восточном фронте была нереализуема и могла привести к Германии к тем же последствиям, что и наступление Наполеона в 1812 году).

Во-вторых, проводилась параллель между Первой мировой войной и событиями, явлениями, процессами после Первой мировой войны и до текущего момента (например, параллель между Вильгельмом II и Гитлером с точки зрения стремления сформировать блок и идеологическую основу для агрессии против России; параллель между немецкими военными периода Первой мировой войны и фашистской Германии; параллель между идеологическим обоснованием кайзеровской Германией подготовки Первой мировой войны и аналогичной подготовкой фашистской Германии возможной новой мировой войны; параллель между английской полити-

кой на завершающем этапе Первой мировой войны и английской политической в текущий момент; параллель между деятельностью германской разведки в годы Первой мировой войны и в текущий период; параллель между идеологической и военной подготовкой Первой мировой войны в Германской империи и в фашистской Германии; параллель между аргументацией пангерманистов и фашистов о невинности Германии в возникновении Первой мировой войны и миролюбивом характере ее внешней политики в предвоенный период; параллель между действиями Германии и Японии в Первой мировой войне и в текущий момент).

Утверждалось, что, с политической точки зрения, опровержение мнения о неподготовленности Германии накануне Первой мировой войны, является актуальным вопросом в связи с напряженным международным положением.

При проведении параллелей отмечались и различия (например, мнение о том, что, с точки зрения деятельности германской разведки, фашистская Германия действует более активно, чем кайзеровская Германия; оговорка о специфических новых (по отношению к аргументации пангерманистов) приемах, возникших в фашистской литературе на примере идеологемы А.Гитлера о том, что агрессором является не тот, кто нападает, а тот, кто создает условия, вызывающие необходимость нападения).

Наконец, проводилась параллель между событиями Первой мировой войны и возможными будущими событиями, явлениями, процессами (например, параллель между единством цели в Первой мировой войне и новой мировой войне – передел мира и сфер влияния; прогноз о том, что в случае нападения фашистской Германии на СССР для немецкой армии могут настать новые «черные дни» по аналогии с 1918 годом).

Приводилась точка зрения о том, что недовольство условиями Версальского мирного договора и соответствующие реваншистские настроения были использованы германским фашизмом для своего прихода к власти, а в текущий исторический период являются средством подготовки новой мировой реваншистской войны.

Высказывалось мнение о том, что Германия и Япония стремятся развязать новую мировую войну, а идеологическая подготовка новой войны направлена, в первую очередь, против «наследников» царской России.

Давалась положительная оценка деятельности партии большевиков, В.И. Ленину и И.В.Сталину.

Негативную оценку получали фигуры Николая II, Л.Д. Троцкого, Н.И. Бухарина, Г.Л. Пятакова, К. Радека. Кроме того, отрицательно характеризовались действия Италии по отношению к Сербии в Первой мировой войне, германский империализм, а также деятельность Учредительного собрания.

В целом нейтральную оценку получал Брестский мир (приводилась точка зрения о том, что заключение «архитяжкого» Брестского мира было необходимо для передышки для подготовки к защите молодого советского государства).

Противопоставлялись фигуры Л.Д. Троцкого, Г.Л. Пятакова, Н.И. Бухарина, К. Радека и фигуры В.И. Ленина и И.В. Сталина.

С методологической точки зрения, говорилось о большой научно-исторической ценности публикации сборника документов «Международные отношения в эпоху империализма», однако отмечался недостаток комплексных работ, посвященных анализу международных отношений после Первой мировой войны.

Подвергались резкой критике взгляды М.Н. Покровского на происхождение Первой мировой войны, а также стремление обосновать при помощи геополитики фашистские идеологемы по Первой мировой войне.

Память о Первой мировой войне не ограничивалась периодом 1914 – 1918 годов. В частности, со ссылкой на И.В. Сталина, утверждалось, что исходным пунктом в генезисе Первой мировой войны является не 1907 год, а более ранний период, а именно – сложившаяся в Европе в 70-х годах 19 века ситуация после захвата Германией Эльзас-Лотарингии. Фактически «нижняя граница» рамок исторической памяти о Первой мировой войне определялась как 1871 год (в т.ч. на примере соответствующего сборника французских дипломатических документов). При этом утверждалось, что издание Германией официальной дипломатической переписки 1871 – 1914 годов, построенное по тематическому, а не хронологическому принципу, было обусловлено стремлением представить события в изолированном виде и, соответственно, обосновать идеологию о невинности Германии в развязывании Первой мировой войны).

Формулировался ряд значимых идеологем (Германия – главный инициатор борьбы за передел мира; национальный вопрос – значимый фактор в возникновении Первой мировой войны; критика самодержавия, нельзя ставить под сомнение главного виновника происхождения войны – Германию).

Говорилось о многотомных публикациях сборников документов по Первой мировой войне в Германии (40 томов) и во Франции (27 томов к 1938 году); были намечены основные направления работы на очередной год, в т.ч. в части расширения проблематики, связанной с Первой мировой войной; говорилось (редкое упоминание) о работах военного историка Андрея Медардовича Зайончковского; отмечалось, что намеченные редакцией темы статейного материала журнала будут в обязательном порядке включать в себя такие направления, как «история международных отношений в связи с надвигающейся мировой войной», «критика антимар-

ксистских концепций Покровского и его «школы», «отклики на юбилейные даты», «история колониальных и зависимых стран».

В целом по 1938 году необходимо отметить всплеск статей по Первой мировой войне, подробное описание мотивов России при вступлении в войну, а также регулярные публикации историков Е.В. Тарле, Е.М. Ярославского и Ф.И. Нотовича.

Кроме того, имела место тенденция по увеличению числа отсылок к воспоминаниям разведчиков (например, библиографические заметки о книгах Максимилиана Ронге, Люсьена Лаказа – в сокращении, Базиля Томсона, Томаса Джонсона и т.д.).

Таким образом, в 1928 и 1938 годах сюжеты, связанные с Первой мировой войной, были весьма востребованы на страницах журнала «Историк-марксист» и имели схожие характеристики с содержательной и методологической точек зрения. При этом следует отметить, что данные сюжеты использовались в контексте актуальной общественно-политической повестки, а в 1938 году отмечен рост числа публикаций и техники анализа соответствующего материала.

Библиографический список:

- [1] Баевский Д. М.Г. Флеер. Петербургский Комитет большевиков в годы войны 1914-1917. // Историк-марксист. 1928. № 7. С. 290-294.
- [2] Горин П. «Очерки по истории Октябрьской революции» т. I. Под ред. М.Н.Покровского. // Историк-марксист. 1928. № 8. С. 153-160.
- [3] Кин Д. М.Н. Покровский как историк Октябрьской революции. // Историк-марксист. 1928. № 9. С. 18-34.
- [4] Козок П. Советы в Руре во время германской революции 1918/19 гг. // Историк-марксист. 1928. № 10. С. 13-44.
- [5] Покровский М.Н. «Новые» течения в русской исторической литературе. // Историк-марксист. 1928. № 7. С. 3-17.
- [6] Попов А. Вступление Америки в войну. // Историк-марксист. 1928. № 7. С. 36-68.
- [7] Рубинштейн Н. М.Н.Покровский. Империалистическая война. Сборник статей 1915-1927. Издательство Коммунистической Академии. 1928. 296 с. Цена 2 р. 25 к. // Историк-марксист. 1928. № 8. С. 218-220.
- [8] Рубинштейн Н. М.Н.Покровский – историк внешней политики. // Историк-марксист. 1928. № 9. С. 58-78.
- [9] Рубинштейн Н. С.Д.Сазонов. Воспоминания. // Историк-марксист. 1928. № 8. С. 230-232.
- [10] Тарле Е.В. К вопросу о начале войны (ответ М.Н.Покровскому). // Историк-марксист. 1928. № 9. С. 101-108.
- [11] Ответ редакции «Историк-марксист». // Историк-марксист. 1928. № 9. С.108-110.
- [12] Ананьев К. Памятник героям Перекопа (панорама «Штурм Перекопа»). // Историк-марксист. 1938. № 4 (068). С. 85-93.
- [13] Белли В. Исаков И. Операция японцев против Циндао в 1914 году. // Историк-марксист. 1938. № 4 (068). С. 180-182.
- [14] Белли В. Новиков Н. Операции флота против берега на Черном море в 1914 – 1917 гг. // Историк-марксист. 1938. № 1 (065). С. 148-150.
- [15] Блюменталь С. Ленинский сборник XXX. // Историк-марксист. 1938. № 1 (065). С. 127-130.
- [16] Бордадын А. Послевоенные экономические кризисы в капиталистическом мире. // Историк-марксист. 1938. № 6 (070). С. 29-52.
- [17] Бронштейн В. Комитеты бедноты в РСФСР. // Историк-марксист. 1938. № 5 (069). С. 71-96.
- [18] Виктор И. Ошибки М.Н.Покровского в оценке октябрьской революции. // Историк-марксист. 1938. № 5 (069). С. 170-189.
- [19] Гасанов Г., Саркисов Н. Советская власть в Баку в 1918 году (Бакинская коммуна). // Историк-марксист. 1938. № 5 (069). С. 32-70.
- [20] Голиков. Рубинштейн Н. Большевики и Учредительное собрание. // Историк-марксист. 1938. № 4 (068).

- C. 160-162.
- [21] Демский Л. «Колониальная проблема». // Историк-марксист. 1938. № 5 (069). С. 219-222.
- [22] Зинич С. Адамик Луи. Динамит. Рассказ о классовом насилии в Америке. // Историк-марксист. 1938. № 3 (067). С. 126-129.
- [23] Зинич С. Лан В. Классы и партии в США. // Историк-марксист. 1938. № 4 (068). С. 185-190.
- [24] Зубок Л. William Z. Foster. From Brayon to Stalin. // Историк-марксист. 1938. № 1 (065). С. 169-173.
- [25] Иванов Л. Средиземноморская проблема. // Историк-марксист. 1938. № 4 (068). С. 36-52.
- [26] Казарин А. Макс Ронге. Разведка и контрразведка. // Историк-марксист. 1938. № 2 (066). С. 133-135.
- [27] Казарин А. Мемуары шпиона. Лаказ Л. Четыре года разведывательной работы (1914 – 1918). // Историк-марксист. 1938. № 1 (065). С. 167-169.
- [28] Казарин А. Петэн, маршал. Оборона Вердена. // Историк-марксист. 1938. № 5 (069). С. 214-217.
- [29] Лазарев Я. Историческая картография на службе у германского фашизма. // Историк-марксист. 1938. № 5 (069). С. 190-201.
- [30] Минасян О. Внешняя политика закавказской контрреволюции в первой половине 1918 года. // Историк-марксист. 1938. № 6 (070). С. 53-86.
- [31] Новиков Н. Кеппен П. Надводные корабли и их техника в войну 1914 – 1918 годов. // Историк-марксист. 1938. № 5 (069). С. 217-219.
- [32] Нотович Ф. «Documents diplomatiques français (1871 – 1914)», 3-е serie (1911 – 1914). Tome X (17 mars – 23 juillet 1914). // Историк-марксист. 1938. № 4 (068). С. 137-142.
- [33] Нотович Ф. «Внешняя политика Германии 1871 – 1914 гг.». // Историк-марксист. 1938. № 3 (067). С. 129-133.
- [34] Нотович Ф. «Народы и цивилизации». Всеобщая история под редакцией Луи Альфана и Филиппа Саянкая. // Историк-марксист. 1938. № 5 (069). С. 206-210.
- [35] Нотович Ф. Ribot, Alexandre. Journal d'Alexandre Ribot et correspondance inedite (1914 – 1922). // Историк-марксист. 1938. № 1 (065). С. 161-164.
- [36] Нотович Ф. Генерал Мессими. Мои воспоминания. // Историк-марксист. 1938. № 5 (069). С. 211-214.
- [37] Нотович Ф. К вопросу о зачинщиках мировой войны. // Историк-марксист. 1938. № 4 (068). С. 20-35.
- [38] Нотович Ф. Последние попытки империалистов закончить войну. // Историк-марксист. 1938. № 3 (067). С. 134-139.
- [39] Нотович Ф. Рибо А. Франко-русский союз. // Историк-марксист. 1938. № 3 (067). С. 133.
- [40] Нотович Ф. Рыбин Д. Черные дни германской армии. (Разгром в 1918 г.). // Историк-марксист. 1938. № 6 (070). С. 189-190.
- [41] Осипова П. «Международные отношения в эпоху империализма». // Историк-марксист. 1938. № 3 (067). С. 80-86.
- [42] Осипова П. Международные отношения в эпоху империализма. // Историк-марксист. 1938. № 6 (070). С. 166-174.
- [43] Подвойский Н. От Красной гвардии к Красной армии. // Историк-марксист. 1938. № 1 (065). С. 16-43.
- [44] Ростовский С. Джексон Д. Послевоенный мир. // Историк-марксист. 1938. № 4 (068). С. 182-184.
- [45] Руткевич Н. М.Н.Покровский о возникновении мировой войны. // Историк-марксист. 1938. № 3 (067). С. 3-35.
- [46] С.Р. Томсон Базиль. Шпионаж во время войны. // Историк-марксист. 1938. № 3 (067). С. 139-141.
- [47] Сафронов Б. Томас М.Джонсон. Американская разведка во время мировой войны. // Историк-марксист. 1938. № 6 (070). С. 187-189.
- [48] Сегалл Я. Шнеерсон А.И. Финансовый капитал во Франции. // Историк-марксист. 1938. № 4 (068). С. 178-180.
- [49] Сидоров А. Бадаев А. Большевики в Государственной Думе. // Историк-марксист. 1938. № 1 (065). С. 147-148.
- [50] Тарле Е. «Восточное пространство» и фашистская геополитика. // Историк-марксист. 1938. № 2 (066). С. 89-105.
- [51] Тарле Е. Новые показания о мировой империалистической войне. // Историк-марксист. 1938. № 2 (066). С. 120-125.
- [52] Ярославский Ем. Краткая энциклопедия большевизма. // Историк-марксист. 1938. № 5 (069). С. 3-31.
- [53] 21-ая годовщина Октябрьской революции. // Историк-марксист. 1938. № 6 (070). С. 3-15.
- [54] Библиографические заметки. // Историк-марксист. 1938. № 5 (069). С. 223-230.
- [55] Обзор иностранной литературы по истории. // Историк-марксист. 1938. № 2 (066). С. 135-142.
- [56] Обзор иностранной литературы по истории. // Историк-марксист. 1938. № 4 (068). С. 191-196.
- [57] План работ редакции «Историка-марксиста» на 1938 год. // Историк-марксист. 1938. № 3 (067). С. 148-151.
- [58] Проект схемы многотомника всемирной истории. // Историк-марксист. 1938. № 2 (066). С. 143-191.
- [59] Процесс антисоветского «право-троцкистского блока». // Историк-марксист. 1938. № 2 (066). С. 8-15.
- [60] Сессии отделения общественных наук и групп ООН Академии наук СССР. // Историк-марксист. 1938.

№ 3 (067). С. 152-156.

[61] Схема пятитомника по истории СССР. // Историк-марксист. 1938. № 1 (065). С. 174-204.

Reference

- [1] Baevsky D.M.G. Flyer. Petersburg Committee of the Bolsheviks during the war years 1914-1917. // Marxist historian. 1928. № 7. P. 290-294.
- [2] Gorin P. "Essays on the history of the October Revolution" vol. I. Ed. M.N. Pokrovsky. // Marxist historian. 1928. № 8. P. 153-160.
- [3] Kin D.M.N. Pokrovsky as a historian of the October Revolution. // Historian-Marxist. 1928. № 9. P. 18-34.
- [4] Kozok P. Soviets in the Ruhr during the German Revolution of 1918/19. // Historic-Marxist. 1928. № 10. P. 13-44.
- [5] Pokrovsky M.N. "New" trends in Russian historical literature. // Marxist historian. 1928. № 7. P. 3-17.
- [6] Popov A. America's entry into the war. // Marxist historian. 1928. № 7. pp. 36-68.
- [7] Rubinstein N. M. N. Pokrovsky, imperialist war. Collection of articles 1915-1927. Publishing House of the Communist Academy. 1928. 296 p. Price for 2 p. 25 k. // Historian-Marxist. 1928. № 8. P. 218-220.
- [8] Rubinshtein N. M. N. Pokrovsky - historian of foreign policy. // Historian-Marxist. 1928. № 9. P. 58-78.
- [9] Rubinstein N. P. D. Sazonov. Memories. // Marxist historian. 1928. No. 8. P. 230-232.
- [10] Tarle E.V. On the question of the beginning of the war (answer to M.N. Pokrovsky). // Historian-Marxist. 1928. № 9. P. 101-108.
- [11] Reply from the editors of "Historian-Marxist". // Marxist historian. 1928. № 9. P. 108-110.
- [12] Ananiev K. Monument to the heroes of Perekop (panorama "Storm of Perekop"). // Marxist historian. 1938. № 4 (068). P. 85-93.
- [13] Belly V. Isakov I. Japanese operation against Qingdao in 1914. // Historic-Marxist. 1938. № 4 (068). P. 180-182.
- [14] Belly V. Novikov N. Operations of the fleet against the coast in the Black World in 1914 - 1917 // Marxist historian. 1938. № 1 (065). P. 148-150.
- [15] Blumenthal P. Lenin collection XXX. // Marxist historian. 1938. № 1 (065). P. 127-130.
- [16] Bordadyn A. Post-war economic crises in the capitalist world. // Marxist historian. 1938. № 6 (070). P. 29-52.
- [17] Bronshtein V. Committees of the Poor in the RSFSR. // Marxist historian. 1938. № 5 (069). P. 71-96.
- [18] Viktorov I. Mistakes of M.N. Pokrovsky in assessing the October Revolution. // Marxist historian. 1938. № 5 (069). P. 170-189.
- [19] Gasanov G., Sarkisov N. Soviet power in Baku in 1918 (Baku commune). // Marxist historian. 1938. № 5 (069). P. 32-70.
- [20] Golikov. Rubinshtein N. The Bolsheviks and the Constituent Assembly. // Historic-Marxist. 1938. № 4 (068). P. 160-162.
- [21] Demsky L. "The Colonial Problem". // Marxist historian. 1938. № 5 (069). P. 219-222.
- [22] Zinich P. Adamik Louis. Dynamite. A story about class violence in America. // Marxist historian. 1938. № 3 (067). P. 126-129.
- [23] Zinich P. Lan V. Classes and parties in the USA. // Marxist historian. 1938. № 4 (068). P. 185-190.
- [24] Zubok L. William Z. Foster. From Brayan to Stalin. // Marxist historian. 1938. № 1 (065). P. 169-173.
- [25] Ivanov L. The Mediterranean problem. // Marxist historian. 1938. № 4 (068). P. 36-52.
- [26] Kazarin A. Max Ronge. Intelligence and counterintelligence. // Marxist historian. 1938. № 2 (066). P. 133-135.
- [27] Kazarin A. Memoirs of a spy. Lakaz L. Four years of intelligence work (1914 - 1918). // Marxist historian. 1938. № 1 (065). P. 167-169.
- [28] Kazarin A. Petain, Marshal. Defense of Verdun. // Marxist historian. 1938. № 5 (069). P. 214-217.
- [29] Lazarev Ya. Historical cartography in the service of German fascism. // Marxist historian. 1938. № 5 (069). P. 190-201.
- [30] Minasyan O. The foreign policy of the Transcaucasian counter-revolution in the first half of 1918. // Marxist historian. 1938. № 6 (070). P. 53-86.
- [31] Novikov N. Koeppen P. Surface ships and their equipment in the war of 1914 - 1918. // Marxist historian. 1938. № 5 (069). P. 217-219.
- [32] Notovich F. "Documents diplomatiques français (1871 - 1914)", 3rd serie. (1911 - 1914). Tome X (17 mars - 23 juillet 1914). // Marxist historian. 1938. № 4 (068). P. 137-142.
- [33] Notovich F. "Foreign Policy of Germany 1871 - 1914". // Marxist historian. 1938. № 3 (067). P. 129-133.
- [34] Notovich F. "Peoples and Civilizations". General History, edited by Louis Alphonse and Philippe Sagnac. // Marxist historian. 1938. № 5 (069). P. 206-210.
- [35] Notovitch F. Ribot, Alexandre. Journal d'Alexandre Ribot et correspondance inedite (1914-1922). // Marxist

- historian. 1938. № 1 (065). P. 161-164.
- [36] Notovich F. General Messimi. My memories. // Marxist historian. 1938. № 5 (069). P. 211-214.
- [37] Notovich F. To the question of the instigators of the world war. // Marxist historian. 1938. № 4 (068). P. 20-35.
- [38] Notovich F. The last attempts of the imperialists to end the war. // Historic-Marxist. 1938. № 3 (067). P. 134-139.
- [39] Notovich F. Ribot A. Franco-Russian Union. // Marxist historian. 1938. № 3 (067). P. 133.
- [40] Notovich F. Rybin D. Black days of the German army. (The defeat in 1918). // Marxist historian. 1938. № 6 (070). P. 189-190.
- [41] Osipova P. "International Relations in the Era of Imperialism". // Historic-Marxist. 1938. № 3 (067). P. 80-86.
- [42] Osipova P. International relations in the era of imperialism. // Historian-Marxist. 1938. № 6 (070). P. 166-174.
- [43] Podvoisky N. From the Red Guard to the Red Army. // Marxist historian. 1938. № 1 (065). P. 16-43.
- [44] Rostov P. Jackson D. Post-war world. // Marxist historian. 1938. № 4 (068). P. 182-184.
- [45] Rutkevich N.M.N. Pokrovsky on the origin of the World War. // Historian-Marxist. 1938. № 3 (067). P. 3-35.
- [46] S.R. Thomson Basil. Espionage during the war. // Marxist historian. 1938. № 3 (067). P. 139-141.
- [47] Safronov B. Thomas M. Johnson. American intelligence during the World War. // Marxist historian. 1938. № 6 (070). P. 187-189.
- [48] Segall J. Schneerson A.I. Financial capital in France. // Marxist historian. 1938. № 4 (068). P. 178-180.
- [49] Sidorov A. Badaev A. Bolsheviks in the State Duma. // Marxist historian. 1938. № 1 (065). P. 147-148.
- [50] Tarle E. "Eastern space" and fascist geopolitics. // Historian-Marxist. 1938. № 2 (066). P. 89-105.
- [51] Tarle E. New testimony about the world imperialist war. // Historic-Marxist. 1938. № 2 (066). P. 120-125.
- [52] Yaroslavsky Em. Brief Encyclopedia of Bolshevism. // Marxist historian. 1938. № 5 (069). P. 3-31.
- [53] 21st anniversary of the October Revolution. // Marxist historian. 1938. № 6 (070). P. 3-15.
- [54] Bibliographic notes. // Marxist historian. 1938. № 5 (069). P. 223-230.
- [55] Review of foreign literature on history. // Marxist historian. 1938. № 2 (066). P. 135-142.
- [56] Review of foreign literature on history. // Marxist historian. 1938. № 4 (068). P. 191-196.
- [57] The plan of work of the editors of the "Historian-Marxist" for 1938. // Marxist historian. 1938. № 3 (067). P. 148-151.
- [58] Draft scheme of a multi-volume world history book. // Marxist historian. 1938. № 2 (066). P. 143-191.
- [59] The Trial of the Anti-Soviet "Bloc of Rights and Trotskyism". // Marxist historian. 1938. № 2 (066). P. 8-15.
- [60] Sessions of the Department of Social Sciences and UN Groups of the Academy of Sciences of the USSR. // Marxist historian. 1938. № 3 (067). P. 152-156.
- [61] Scheme of a five-volume book on the history of the USSR. // Marxist historian. 1938. № 1 (065). P. 174-204.

Шляхов А.В.

Соискатель. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева».

**Историческая память о первой мировой войне
на страницах журнала «историк-марксист» в «юбилейные» годы
(на примере 1928 и 1938 годов)**

Аннотация. В настоящей статье представлены отдельные результаты исследования, посвященного трансформации исторической памяти о Первой мировой войне в России на страницах отечественных исторических журналов в период с 1926 по 1953 годы. Объект исследования – Первая мировая война в России; предмет – публикации о Первой мировой войне на страницах 10 номеров журнала «Историк-марксист» за 1928 и 1938 годы; цель – рассмотрение взглядов на Первую мировую войну на страницах журнала в «юбилейные» годы окончания Первой мировой войны. Делается вывод о том, что сюжеты, связанные с Первой мировой войной, были весьма востребованы и имели общие характеристики с точки зрения содержания и методологии.

Ключевые слова: историческая память, историография Первой мировой войны, методология, трансформация исторической памяти.

Shlyakhov A.V.

Applicant. Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev.

Historical memory of the first world war on the pages of “Marxist historian” journal in the “jubilee” years (based on the example of 1928 and 1938)

Abstract. This article presents some results of a study on the transformation of the historical memory of the First World War in Russia on the pages of domestic historical journals in the period from 1926 to 1953. The object of research is the First World War in Russia; subject - publications about the First World War on the pages of 10 issues of the journal «Istorik-Marxist» for 1928 and 1938; the goal is to consider views on the First World War on the pages of the magazine in the «anniversary» years of the end of the First World War. It is concluded that the stories related to the First World War were in high demand and had common characteristics in terms of content and methodology.

Key words: historical memory, historiography of the First World War, methodology, transformation of the historical memory.

Щупленков Н.О.

Доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин, Ставропольский государственный педагогический институт.

Щупленков О.В.

Доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин, Ставропольский государственный педагогический институт.

Историографический обзор исторических исследований на страницах журнала «Власть истории и История власти»*

Постижение смысла окружающего социального мира, сконструированного в ходе коммуникационных взаимодействий людей, происходит через конструкты обыденного знания. Мыслительные конструкты социального ученого выступают конструктами второго порядка и призваны, не только отражать социальную реальность, но и открывать перспективы моделирования систем рациональности, как возможных эффективных человеческих действий для конструирования новой социальной реальности. Моделирование в сфере социально-гуманитарных наук имеет свою специфику, определяемую высоким потенциалом трансцендентальных форм, создающих достаточное эпистемологическое основание для социальных теоретиков типизировать социальную реальность в соответствии с собственными идеалами и теоретическими конструкциями.

Познавая и понимая общество с точки зрения социальной реальности, оно может выступать одновременно и субъектом, и объектом познания: люди творят свою собственную историю, они же ее познают и изучают. Возникает как бы тождество объекта и субъекта. Субъект познания представляет разные интересы и цели. В результате и в сами исторические процессы, и в их познание привносится элемент субъективизма. Субъект социального познания – человек, который целенаправленно отображает в своем сознании объективно существующую реальность общественно-го бытия. Это значит, что в социальном познании познающему субъекту приходится постоянно сталкиваться со сложным миром субъективной реальности, с человеческой активностью, способной существенно влиять на первоначальные установки и ориентации познающего.

* © Щупленков Н.О., Щупленков О.В., 2023.

В современном постиндустриальном информационном пространстве метод научных исследований составляет эпистемическую основу конкретного сегмента системы образования. Каркас такого сегмента составляют принципы исследовательского образования, а сам он предназначен для творческого воспитания молодых людей, призванных к продуктивной работе со знанием. Речь идет об образовательном локусе научной одаренности, в котором метод научных исследований составляет стержень учебного процесса.

Изучение различных исторических событий и явлений будет более продуктивным, используя системно-деятельностный подход в научном исследовании. Становление и развитие умений и компетенций, необходимых для жизни не в поликультурном пространстве, возможно через работу с источниками по историографии. Поэтому простое воспроизводство историографических сведений без осмысливания процессов и выделения причинно-следственных связей уходит на второй план

В работе Н.Г. Трошкиной рассмотрены причины и последствия восстаний приписных монастырей Новоиерусалимской обители¹. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения крестьянских восстаний, как одной из составляющих предшествующих событий, повлиявших на проведение секуляризационной реформы в Российской империи. Целью данной работы является изучение роли восстаний крестьян в вотчинах Нового Иерусалима. Теоретическая значимость заключается в дополнении предыдущих исследований своим материалом и анализом данных событий. Основными методами являются синтез и анализ. Практическая значимость заключается в том, что выводы автора помогают глубже рассмотреть события по истории монастыря.

В другом своем исследовании Н.Г. Трошкин рассматривает роль благотворительности и паломничества Новоиерусалимского монастыря в указанный период². Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения данной обители и ее значению для православного народа. Целью исследования является изучение благотворительности и благотворителей, ролью паломничества в XVIII–XIX веках, о важности роли монастыря в образовании народной культуры. Теоретическая значимость заключается в дополнении предыдущих исследований своим материалом и анализ данных явлений. Основными методами являлись анализ и синтез. Практическая значимость заключается в том, что выводы, сделанные автором, помогут глубже познакомиться с благотворительной деятельностью и палом-

1 Трошкина Н.Г. Волнения монастырских крестьян, приписных к вотчинам Новоиерусалимского монастыря в середине XVIII века // Власть истории и История власти. Том. 8. № 5 (39). 2022.

2 Трошкина Н.Г. Благотворительность и паломничество Новоиерусалимского монастыря в XVIII–XIX столетиях // Власть истории и История власти. Том. 8. № 5 (39). 2022.

ничеством обители в изучаемый период.

В работе Э.Э. Рзаева показана подготовка партийных кадров в Нижегородском (Горьковском) регионе в конце 1920-х–1930-х годов³. Обозначены основные структуры, занимавшиеся партийным обучением и просвещением. Выявлены основные особенности и наиболее значимые недостатки, связанные с партийным обучением. Основной упор в данной работе, в целом, делается на совпартшколы как наиболее востребованный и массовой институт подготовки кадров партийных организаторов и пропагандистов. Исследователем сделан вывод, согласно которому сжатые сроки подготовки объективно не содействовали качественному и всестороннему обучению партийных работников. Практический опыт, представляющий собой, в данном случае, реальную партийную работу на местах, давал им возможности стать сильными управленцами. В то же самое время имели место и обратные примеры, когда человек, состоящий на партийной работе, не смог состояться ни как агитатор и пропагандист, ни как управленец. Исследователем сделаны выводы о том, что как сильные, так и слабые стороны подготовки партийных кадров являлись характерным проявлением развития советского государства в первые десятилетия его существования.

В работе М.В. Вазанкова рассматривается проблематика формирования комплекса историографических исследований по вопросам становления советской системы педагогического образования на территории Кубани и Адыгее в 20–30 гг. XX века⁴. Дается ее критический анализ, показывается трансформация вопросов интересовавших исследователей в разные исторические периоды, делается вывод.

В представленной работе Р.М. Гичибекова, на основе малоизвестных и вновь вводимых в научный оборот источников, предпринята попытка объективного и достоверного освещения проблемных аспектов формирования идеологической базы народно-освободительного движения северокавказских народов в XIX веке⁵. Официальная дореволюционная историография преподносила борьбу кавказских горских народов за независимость в XIX веке как результат фанатичной агитации отдельных представителей мусульманского духовенства. Считалось, что именно религиозная агитация ряда мулл-фанатиков и вызвала ту грандиозную ситуа-

3 Рзаев Э.Э. Проблемы подготовки партийных кадров в конце 1920-х - 1930-х годах на региональном уровне (на материалах Нижегородско - Горьковского региона) // Власть истории и История власти. Том. 8. № 4 (38). 2022.

4 Вазанков М.В. Формирование системы педагогического образования на территории Кубани и Адыгее в Советской России 20–30 гг. (Историографический анализ) // Власть истории и История власти. Том. 8. № 4 (38). 2022.

5 Гичибекова Р.М. Проблема формирования идеологической основы народно-освободительного движения северо-кавказских народов в XIX в. // Власть истории и История власти. Том. 8. № 4 (38). 2022.

цию, которая на многие годы потребовала здесь присутствия значительных сил царской армии, и не раз ставила под вопрос успешность предпринятого царизмом покорения Северо-Восточного Кавказа. Подобный тезис в самых разнообразных вариациях можно найти практически у всех авторов дореволюционной историографии, а нередко и в научных трудах исследователей советского периода. Усиление российского политического и военного присутствия в регионе в последней трети XVIII в. вызвало резкие настроения среди мусульманской знати против официальной политики российского самодержавия. В это время среди местного населения приобрела популярность идея войны за веру и освобождение северокавказских мусульман из-под власти царизма. Таким образом, выявление идеологических основ и причин народно-освободительного движения северокавказских народов в XIX веке, по мнению Р.М. Гичибековой, представляет особый интерес в современный период.

В работе Н.П. Гаврилюк и Е.М. Макаровой предпринята попытка выявить и проанализировать проблемные аспекты интеграционных процессов России и Белоруссии при выстраивании добрососедских отношений двух государственных образований, в рамках Союзного государства⁶. В условиях установления нового миропорядка немаловажным является определение приоритетных направлений сотрудничества и составление плана взаимодействия, в том числе четкое определение самого формата существования Союзного государства, основных сфер взаимодействия в ближайшие годы.

В работе Ф.М. Васильева и Т.Р. Суздалевой анализируются основные условия, в которых формировались и действовали партизанские отряды на территории СССР в годы Великой Отечественной войны⁷. Рассматривается состав как отрядов, так и противостоящих им сил, применяемое вооружение и взаимодействие с местным населением. Показаны формы и способы их борьбы с фашистскими захватчиками.

Исследование В.В. Куркова посвящено историческому обзору на основе материалов региональных архивов проблемы пребывания большого числа ссыльных и военнопленных мусульман в Калуге и Калужской губернии как актуальному направлению исследования взаимосвязей российской провинции со странами и народами Востока⁸. Исследователем представлены широкая историческая география данного явления: Кавказ, Крым, Средняя Азия, Казахстан, Поволжье, Приуралье, Османская империя, Иран, так

6 Гаврилюк Н.П., Макарова Е.М. Проблемные аспекты интеграционных процессов России и Белоруссии на пути становления стабильного союзного государства // *Власть истории и История власти*. Том. 8. № 4 (38). 2022.

7 Васильев Ф.М., Суздалева Т.Р. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны // *Власть истории и История власти*. Том. 8. № 3 (37). 2022.

8 Курков В.В. Восток и российская провинция: пересечение судеб в истории Калуги // *Власть истории и История власти*. Том. 8. № 3 (37). 2022.

и ряд видных представителей Востока, поневоле оказавшихся на калужской земле, включая последнего крымского хана, грузинскую царицу, хана Младшего жуза Казахстана, знаменитого имам Шамиля, чеченских шейхов тариката кадирийя и основателя компартии Турции.

М.И. Долаковой рассматривается региональное измерение финансово-го регулирования во второй половине XIX века, указываются особенности формирования системы негосударственных коммерческих банков, показана роль общественных банков в реализации задач городского хозяйства, определены узловые пункты взаимодействия центральных и региональных финансовых органов⁹.

В работе В.М. Горохова представлены результаты исследования, основной целью которого стало изучение проблемы корректности главного документа о массовых захоронениях у Второго Змеевского посёлка на северо-западной окраине Ростова-на-Дону (Змиевская балка) во время Второй оккупации 1942 – 1943 гг.¹⁰. Основная цель этих исследований – верификация сложившихся представлений о событиях периода Второй оккупации города Ростова-на-Дону, что необходимо для сохранения исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны. Значимость проведения подобных исследований, результаты которых позволяют придать новый характер ранее сформированным образам войны, крайне важна для исключения из доказательной базы отдельных исторических документов, обладающих признаками юридической некорректности. В целом задачей исследования следует считать поиск решения проблемы, связанной с отражением событий военной истории, затрагивающей способы формирования исторической памяти, значимой для осознания обществом процессов развития современности и оказывающих существенное влияние на политику многих государств.

В работе В.В. Егорова изучается советская антирелигиозная пропаганда в 1917–1930 гг. Особое внимание уделяется особенностям антирелигиозной пропаганды в образовании¹¹. Впервые в рамках заявленной темы изучаются статьи антирелигиозной направленности советских и зарубежных авторов, опубликованные в журнале «Коммунистического интернационала».

Р.Н. Белоглазовым на основе анализа архивных документальных ма-

9 Долакова М.И. Финансовая политика Российской империи второй половины XIX века в координатах регионального измерения // Власть истории и История власти. Том. 8. № 3 (37). 2022.

10 Горохов В.М. Отражение волн памяти в документальных свидетельствах геноцида русского народа в период Великой Отечественной войны (на примере Мемориала памяти жертв фашизма в Змиевской Балке Ростова-на-Дону) // Власть истории и История власти. Том. 8. № 3 (37). 2022.

11 Егоров В.В. Антирелигиозная пропаганда Советской власти в 1917–1930 годах // Власть истории и История власти. Том. 8. № 2 (36). 2022.

териалов раскрывается содержание мероприятий по организации и проведению в Крымской АССР в 1922 году кампании по изъятию церковных и монастырских ценностей¹². Установлено, что органы государственной власти республики, выполняя соответствующие инструкции и установки центрального руководства, действовали достаточно организованно и сумели решить все поставленные задачи. Последователи Русской православной церкви в Крыму, деморализованные экономической разрухой и голодом, силовым давлением со стороны государства оказали только незначительное пассивное противодействие конфискациям церковного имущества. Политическими последствиями кампании на региональном уровне стали судебные репрессии против духовенства и верующих, отказавшихся добровольно передать ценности, дискредитация религиозных конфессий агитационно-пропагандистскими методами, организация внутрицерковного раскола при помощи негласной поддержки лояльного советской власти так называемого обновленческого движения.

Г.А. Ивакиным на основе архивных документов, ранее не вводимых в научный оборот, рассматривается законодательная деятельность правомонархистов в 1907 году в период работы II Государственной думы и Государственного совета Российской империи¹³. Отсутствие политической активности правомонархистов в избирательных кампаниях привело к тому, что правые составляли представительное меньшинство в нижней палате. Слабая консолидация усилий правых в Думе и Госсовете и, как следствие, неэффективная законодательная работа, а также пренебрежение конструктивной работой с правительством П.А. Столыпина. Особо подчеркивается роль православного духовенства, для которого участие в политической жизни страны стало настоящим испытанием.

А.Н. Моисеевым проводится анализ штатного состояния, дисциплины, организации повседневной и служебной деятельности Военкоматов, красноармейских пехотных и артиллерийских частей и подразделений Приволжского Военного Округа, выявленных в ходе проведенной проверки Высшей Военной Инспекцией Революционного Военного Совета Республики осенью 1918 году¹⁴. Целью научного исследования является, деталь-

12 Белоглазов Р.Н., Осиповский С.Н. Кампания по изъятию церковных и монастырских ценностей в Крымской АССР в 1922 году // Власть истории и История власти. Том. 8. № 2 (36). 2022.

13 Ивакин Г.А. Законодательная деятельность правомонархистов в Государственной Думе и Государственном Совете в 1907 году // Власть истории и История власти. Том. 8. № 1 (35). 2022.

14 Моисеев А.Н. Анализ взаимодействия Высшей Военной Инспекции с органами местного военного управления и войсковыми частями в деле строительства Красной Армии (на материалах Приволжского военного округа 1918–1920 гг.) // Власть истории и История власти. Том. 8. № 1 (35). 2022.

ное освещение на основе архивных материалов, особенностей и проблемных вопросов, существовавших в органах местного военного управления (Военных комиссариатах) и частях Красной армии в период их создания и становления на начальном этапе Гражданской войны, летом – осенью 1918 года. Научная составляющая работы, подчеркивает значимость деятельности Высшей Военной Инспекции Революционного Военного Совета Республики в период создания и становления системы органов местного военного управления, подразделений, частей и соединений Красной армии, в годы Гражданской войны.

В истории отношений между СССР и КНР были периоды конфронтации и установления добрососедства и сотрудничества. После распада СССР важную роль в улучшении российско-китайских отношений сыграло стремление обеих стран к построению многополярного мира и региональной безопасности¹⁵. Ведущее место в региональной структуре заняла Шанхайская организация сотрудничества, в которой РФ и КНР стали основной движущей силой и продолжили играть ключевую роль в укреплении региональной безопасности, что наиболее полно освещено на страницах главной газеты КНР «Жэньминь жибао».

Исследование А.А. Титова посвящено процессу создания и принятия на вооружение, в период с 1959 года по 1965 год, крылатой ракеты 4К95 (С-5), а также управляемой твердотопливной баллистической ракеты 9М76 «Темп-С»¹⁶. Анализ причин развития этого вооружения в СССР и США позволяет автору связать процесс их создания с появлением новых американских доктрин и необходимостью Советского Союза отвечать на вызовы своих противников. Выявлены основные направления в области создания ракетной техники оперативно-тактического назначения, для развития которых советское правительство активизировало усилия научно-технической мысли. На основе архивных материалов и воспоминаний участников событий показана деятельность отечественных научных учреждений, а также научно-производственных и промышленных предприятий, создававших и принимавших участие в создании ракетной техники. При этом в научный оборот вводится значительное количество документов и материалов, наиболее полно отражающих процесс создания и развития ракетного вооружения оперативно-тактического назначения, ранее неизвестных научной общественности и специалистам.

15 Арчугова А.С., Пономаренко Л.В. Роль российско-китайских отношений в формировании Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС) на страницах газеты «Жэньминь Жибао» // Власть истории и История власти. Том. 8. № 1 (35). 2022.

16 Титов А.А. Новые подходы и технические решения, положенные в основу создания в 1960-х годах советских крылатых и управляемых баллистических твердотопливных ракет оперативно-тактического назначения // Власть истории и История власти. Том. 8. № 1 (35). 2022.

В исследовании Э.А. Цеглеева и С.А. Чиркина рассматривается оборона Полтавы, которая была одним из ключевых событий военной кампании 1709 года¹⁷. В безуспешных попытках овладеть этой крепостью Карл XII потерял силы, время, стратегическую инициативу, обманул ожидания союзников и лишился их реальной поддержки. Оборона Полтавы стала предтечей и последним шагом на пути к Полтавскому сражению, определившему победу России над Швецией в войне на суше.

Исследование Г.Б. Эшматовой посвящено деятельности Горно-Алтайской областной партийной организации в период 1985–1991 гг. Особое внимание уделено численности партийных рядов, социально-профессиональному составу коммунистов, взаимодействию с Советами, кадровой политике¹⁸. Раскрываются формы и методы её работы. Деятельность областного комитета партии показана на примере кампаний критики и самокритики, дискуссий вокруг решений центрального партийного руководства по вопросу отказа от монопольной роли партии в жизни общества. Приводятся причины выхода из партии в последние годы перестройки. КПСС рассматривается как государственная структура.

Исследователями И.С. Писаренко и И.Ф. Шелудяков анализируют ход и результаты эскадренного боя с позиций реализации стратегических и тактических замыслов русского и германо-турецкого военно-морского командования по достижению одноразового и конечного тотального превосходства на Черном море в единственном генеральном эскадренном сражении¹⁹.

Сегодня в нашем обществе значительная часть населения нуждается в благотворительной помощи со стороны государства и общественных организаций. К сожалению, пандемия значительно усилила необходимость оказания такой помощи. В этих условиях опыт организации и предоставления благотворительной помощи, существовавший в дореволюционной России, может быть изучен и успешно применен в различных сферах нашей современной жизни, в частности, в области образования и попечительства. Главную роль в образовательно – благотворительной деятельности в Российской Империи играло Ведомство Императрицы Марии Федоровны. В статье подробно рассмотрены зарождение Ведомства Императрицы Марии Федоровны, основные направления и формы его деятельности в области образования, изменения в его функционировании в связи с реформами в стране в 60–70 годы XIX века²⁰. Значительную роль Ведомство сыграло в

17 Цеглеев Э.А., Чиркин С.А. Оборона Полтавы весной – летом 1709 года // Власть истории и История власти. Том. 7. № 1 (27). 2021.

18 Эшматова Г.Б. Партийная организация Горного Алтая в условиях политических реформ (1985–1991 гг.) // Власть истории и История власти. Том. 7. № 1 (27). 2021.

19 Писаренко И.С., Шелудяков И.Ф. Бой черноморской эскадры с германо-турецкими кораблями у мыса Сарыч в ноябре 1914 г. // Власть истории и История власти. Том. 7. № 2 (28). 2021.

20 Лобанов Д.А., Никитин А.Ю., Никитина Н.Н. Благотворительная деятельность ве-

становлении женского образования в России. На примере учреждений данного Ведомства в Калужской губернии рассматривается система организации благотворительной деятельности в области образования в провинции.

Победоносная наступательная операция Русской Кавказской армии надежно обеспечило ее позиции на правом фланге русско-турецкого фронта. Огромную роль в достижении ошеломляющего успеха русских войск над превосходящими силами противника сыграл Черноморский флот, который блокировал турецкую эскадру в районе Босфора, отрезал от снабжения промышленности и армии от Зенгулданского угольного бассейна, а турецкие сухопутные войска от морских портов, подавил своим сокрушающим огнем береговые батареи турок и их огневые позиции в укрепрайонах в глубине стратегической обороны в местах дорожных коммуникаций, перерезав пути подвоза вооружения, боеприпасов и продовольствия²¹. Черноморский флот обеспечил беспрепятственную перевозку крупномасштабную переброску всех родов войск на усиление Кавказской армии, полностью снабдив ее боеприпасами, вооружением и продовольствием, что обеспечило ей стратегическое доминирование на в районе опорного пункта турок – Эрзерума.

Цель исследования М.Ю. Давыдовой рассмотреть влияние отмены крепостного права в России на отношение крестьянства к верховной власти²². Представлен стереотипный образ царя, сложившийся в народном сознании на основе ценностей традиционного общества. Научная новизна исследования обусловлена введением в научный оборот новых исторических источников, иллюстрирующих реакцию саратовского крестьянства на реализацию реформы 1861 года. Сделан вывод о том, что несоответствие идеального образа правителя как защитника крестьянства с проводимой им политикой стало причиной трансформации отношения крестьян к монарху. Доминирующая масса крестьян вплоть до начала XX в. разделяла традиционные основы миропорядка. Тем не менее, наличие оскорбительных высказываний в адрес главы государства и критика его деятельности со стороны крестьян в пореформенный период свидетельствуют о зреющем социальном конфликте.

В своей работе А.А. Сукиасян рассматривает особенности инвестиционной политики СССР в странах-участницах Совета Экономической взаимопомощи (СЭВ) в 1950–1980-е гг.²³. Предметом исследования является

домства Императрицы Марии Федоровны в области образования // *Власть истории и История власти*. Том. 7. № 2 (28). 2021.

21 Шелудяков И.Ф., Писаренко И.С. Действие Черноморского флота в Трапезундской операции Кавказской армии // *Власть истории и История власти*. Том. 7. № 2 (28). 2021.

22 Давыдова М.Ю., Даикова С.В. Образ царя в сознании пореформенного крестьянства (на материалах Саратовской губернии) // *Власть истории и История власти*. Том. 7. № 3 (29). 2021.

23 Сукиасян А.А. Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ) в 1950–1980-е гг.:

исторический опыт становления и деятельности международного экономического объединения в рамках плановой социалистической системы. Анализируются идеологические основы финансовой и промышленной политики СССР в отношении социалистических стран Восточной Европы, показаны специфика товарного обмена внутри СЭВ и реальное влияние торговли с социалистическими странами на экономику и повседневную жизнь в СССР. Исследование раскрывает негативное влияние процесса «застоя» в СССР в 1980-е гг. на эффективность работы СЭВ и его роспуск в 1991 году. Авторская гипотеза состоит в том, что инвестиционная политика СССР патерналистского типа в период 1950–1980-х гг. поддерживала СЭВ как крупную экономическую структуру, но в условиях перехода к свободному рынку СЭВ должен был либо прекратить своё существование, либо модернизировать свою деятельность в соответствии с концепцией либеральной экономики.

С точки зрения системного подхода история представляет собой не только непрерывный, но и многоаспектный процесс социального взаимодействия, в котором одни события сменяются другими, переплетаясь друг с другом и руководствуясь своей логикой – как внутренней, так и логикой взаимодействия. При этом реальное социальное взаимодействие, реальные события и реальное их переплетение друг с другом происходят не в истории, а только в настоящее время. В истории ничего не происходит, поскольку ее составляют только свершившиеся факты и события, которые, в свою очередь, становятся историческими только тогда, когда они в сознании наблюдателей отрываются от ткани настоящего и переходят в категорию прошлого. А это происходит не в процессе совершения события, а только тогда, когда оно 1) логически завершается, 2) перестает быть актуальным настоящим. А поскольку каждое событие человек воспринимает индивидуально, то для одного событие может стать прошлым, в то время для другого оно продолжает оставаться частью настоящего. Проведенный обзор научных публикаций подчеркивает многовариантный аспект исторического исследования, где личность исследователя важна в плане творческого начала.

Библиографический список:

1. Арчугова А.С., Пономаренко Л.В. Роль российско-китайских отношений в формировании Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС) на страницах газеты «Жэньминь Жибао» // *Власть истории и История власти*. 2022. Том. 8. № 1 (35). С. 80-92.
2. Белоглазов Р.Н., Осиповский С.Н. Кампания по изъятию церковных и монастырских ценностей в Крымской АССР в 1922 году // *Власть истории и История власти*. 2022. Том. 8. № 2 (36). С. 44-57.
3. Вазанков М.В. Формирование системы педагогического образования на территории Кубани и Адыгее

идеология и практика советской инвестиционной политики // *Власть истории и История власти*. Том. 7. № 3 (29). 2021; *Рогатко С.А.* Государственная научная и техническая политика по развитию сельскохозяйственного производства и пищевой переработки в России во второй половине XIX — начала XX вв. // *Власть истории и История власти*. Том. 7. № 3 (29). 2021.

- в Советской России 20–30 гг. (Историографический анализ) // Власть истории и История власти. 2022. Том. 8. № 4 (38). С. 19–29.
4. Васильев Ф.М., Суздальева Т.Р. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны // Власть истории и История власти. 2022. Том. 8. № 3 (37). С. 10–17.
5. Гаврилюк Н.П., Макарова Е.М. Проблемные аспекты интеграционных процессов России и Белоруссии на пути становления стабильного союзного государства // Власть истории и История власти. 2022. Том. 8. № 4 (38). С. 83–91.
6. Гичибекова Р.М. Проблема формирования идеологической основы народно-освободительного движения северо-кавказских народов в XIX в. // Власть истории и История власти. 2022. Том. 8. № 4 (38). С. 50–58.
7. Горохов В.М. Отражение волн памяти в документальных свидетельствах геноцида русского народа в период Великой Отечественной войны (на примере Мемориала памяти жертв фашизма в Змиевской Балке Ростова-на-Дону) // Власть истории и История власти. 2022. Том. 8. № 3 (37). С. 65–78.
8. Давыдова М.Ю., Дашкова С.В. Образ царя в сознании пореформенного крестьянства (на материалах Саратовской губернии) // Власть истории и История власти. 2021. Том. 7. № 3 (29). С. 271–286.
9. Долакова М.И. Финансовая политика Российской империи второй половины XIX века в координатах регионального измерения // Власть истории и История власти. 2022. Том. 8. № 3 (37). С. 26–31.
10. Егоров В.В. Антирелигиозная пропаганда Советской власти в 1917–1930 годах // Власть истории и История власти. 2022. Том. 8. № 2 (36). С. 37–43.
11. Ивакин Г.А. Законодательная деятельность правомонархистов в Государственной Думе и Государственном Совете в 1907 году // Власть истории и История власти. 2022. Том. 8. № 1 (35). С. 52–57.
12. Курков В.В. Восток и российская провинция: пересечение судеб в истории Калуги // Власть истории и История власти. 2022. Том. 8. № 3 (37). С. 18–25.
13. Лобанов Д.А., Никитин А.Ю., Никитина Н.Н. Благотворительная деятельность ведомства Императрицы Марии Федоровны в области образования // Власть истории и История власти. 2021. Том. 7. № 2 (28). С. 160–171.
14. Моисеев А.Н. Анализ взаимодействия Высшей Военной Инспекции с органами местного военного управления и войсковыми частями в деле строительства Красной Армии (на материалах Приволжского военного округа 1918–1920 гг.) // Власть истории и История власти. 2022. Том. 8. № 1 (35). С. 68–79.
15. Писаренко И.С., Шелудяков И.Ф. Бой черноморской эскадры с германо-турецкими кораблями у мыса Сарыч в ноябре 1914 г. // Власть истории и История власти. 2021. Том. 7. № 2 (28). С. 151–159.
16. Раев Э.Э. Проблемы подготовки партийных кадров в конце 1920-х - 1930-х годах на региональном уровне (на материалах Нижегородско - Горьковского региона) // Власть истории и История власти. 2022. Том. 8. № 4 (38). С. 10–18.
17. Рогатко С.А. Государственная научная и техническая политика по развитию сельскохозяйственного производства и пищевой переработки в России во второй половине XIX – начала XX вв. // Власть истории и История власти. 2021. Том. 7. № 3 (29). С. 287–297.
18. Сукиасян А.А. Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ) в 1950–1980-е гг.: идеология и практика советской инвестиционной политики // Власть истории и История власти. 2021. Том. 7. № 3 (29). С. 298–306.
19. Титов А.А. Новые подходы и технические решения, положенные в основу создания в 1960-х годах советских крылатых и управляемых баллистических твердотопливных ракет оперативно-тактического назначения // Власть истории и История власти. 2022. Том. 8. № 1 (35). С. 111–129.
20. Томсетт Е.Ю. Наследника Владимира Святого: отражение в древнеисландской саге об Эймунде спора за Ростовскую землю // Власть истории и История власти. 2021. Том. 7. № 3 (29). С. 259–270.
21. Трошкина Н.Г. Благотворительность и паломничество Новоиерусалимского монастыря в XVIII–XIX столетиях // Власть истории и История власти. 2022. Том. 8. № 5 (39). С. 56–62.
22. Трошкина Н.Г. Волнения монастырских крестьян, приписных к вотчинам Новоиерусалимского монастыря в середине XVIII века // Власть истории и История власти. 2022. Том. 8. № 5 (39). С. 10–14.
23. Цеглеев Э.А., Чиркин С.А. Оборона Полтавы весной – летом 1709 года // Власть истории и История власти. 2021. Том. 7. № 1 (27). С. 39–47.
24. Шелудяков И.Ф., Писаренко И.С. Действие Черноморского флота в Трапезундской операции Кавказской армии // Власть истории и История власти. 2021. Том. 7. № 2 (28). С. 172–184.
25. Шупленков Н.О., Шупленков О.В. Социально-антропологические основания взаимодействия церкви и государства в современной России // ВВ: Проблемы общества и политики. 2014. № 2. С. 41–74.
26. Шупленков Н.О., Шупленков О.В. Идеи солидаризма в концепции построения гражданского общества в России // ВВ: Проблемы общества и политики. 2013. № 8. С. 720.
27. Эшматова Г.Б. Партийная организация Горного Алтая в условиях политических реформ (1985–1991 гг.) // Власть истории и История власти. 2021. Том. 7. № 1 (27). С. 63–70.

Reference

1. Archugova A.S., Ponomarenko L.V. The role of Russian-Chinese relations in the formation of the Shanghai Co-

- operation Organization (SCO) on the pages of the Renmin Ribao newspaper // *Power of History and History of Power*. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 80-92.
2. Beloglazov R.N., Osipovsky S.N. Campaign to confiscate church and monastery valuables in the Crimean ASSR in 1922 // *Power of History and History of Power*. 2022. Vol. 8. № 2 (36). P. 44-57.
 3. Vazankov M.V. Formation of the system of teacher education in the Kuban and Adygea in Soviet Russia 20–30 years. (Historiographical analysis) // *The power of history and the history of power*. 2022. Vol. 8. № 4 (38). P. 19-29.
 4. Vasiliev F.M., Suzdaleva T.R. Partisan movement during the Great Patriotic War // *Power of History and History of Power*. 2022. Vol. 8. № 3 (37). P. 10-17.
 5. Gavriluk N.P., Makarova E.M. Problematic aspects of the integration processes of Russia and Belarus on the way to the formation of a stable union state // *Power of History and History of Power*. 2022. Vol. 8. № 4 (38). P. 83-91.
 6. Gichibekova R.M. The problem of the formation of the ideological basis of the people's liberation movement of the North Caucasian peoples in the nineteenth century. // *The power of history and the history of power*. 2022. Vol. 8. № 4 (38). P. 50-58.
 7. Gorokhov V.M. Reflection of waves of memory in documentary evidence of the genocide of the Russian people during the Great Patriotic War (on the example of the Memorial to the memory of the victims of fascism in Zmiyevskaya Balka of Rostov-on-Don) // *Power of History and History of Power*. 2022. Vol. 8. № 3 (37). P. 65-78.
 8. Davydova M.Yu., Dashkova S.V. The image of the tsar in the minds of the post-reform peasantry (on the materials of the Saratov province) // *Power of History and History of Power*. 2021. Vol. 7. № 3 (29). P. 271-286.
 9. Dolakova M.I. Financial policy of the Russian Empire in the second half of the 19th century in the coordinates of the regional dimension // *Power of History and History of Power*. 2022. Vol. 8. № 3 (37). P. 26-31.
 10. Egorov V.V. Anti-religious propaganda of Soviet power in 1917–1930 // *Power of History and History of Power*. 2022. Vol. 8. № 2 (36). P. 37-43.
 11. Ivakin G.A. Legislative activity of right-wing monarchists in the State Duma and the State Council in 1907 // *Power of History and History of Power*. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 52-57.
 12. Kurkov V.V. The East and the Russian provinces: the intersection of destinies in the history of Kaluga // *Power of History and History of Power*. 2022. Vol. 8. № 3 (37). P. 18-25.
 13. Lobanov D.A., Nikitin A.Yu., Nikitina N.N. Charitable activities of the department of Empress Maria Feodorovna in the field of education // *Power of History and History of Power*. 2021. Vol. 7. № 2 (28). P. 160-171.
 14. Moiseev A.N. Analysis of the interaction of the Higher Military Inspectorate with local military authorities and military units in the construction of the Red Army (on the materials of the Volga Military District 1918–1920) // *Power of History and History of Power*. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 68-79.
 15. Pisarenko I.S., Sheludyakov I.F. The Battle of the Black Sea Squadron with German-Turkish Ships at Cape Sarych in November 1914 // *Power of History and History of Power*. 2021. Vol. 7. № 2 (28). P. 151-159.
 16. Rzaev E.E. Problems of training party personnel in the late 1920s - 1930s at the regional level (based on the materials of the Nizhny Novgorod - Gorky region) // *Power of History and History of Power*. 2022. Vol. 8. № 4 (38). P. 10-18.
 17. Rogatko S.A. State scientific and technical policy for the development of agricultural production and food processing in Russia in the second half of the 19th - early 20th centuries. // *The power of history and the history of power*. 2021. Vol. 7. № 3 (29). P. 287-297.
 18. Sukiasyan A.A. Council for Mutual Economic Assistance (CMEA) in the 1950s–1980s: Ideology and Practice of the Soviet Investment Policy // *Power of History and History of Power*. 2021. Vol. 7. № 3 (29). P. 298-306.
 19. Titov A.A. New approaches and technical solutions underlying the creation in the 1960s of Soviet cruise and guided ballistic solid-propellant operational-tactical missiles // *Power of History and History of Power*. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 111-129.
 20. Tomsett E.Yu. The Heir of St. Vladimir: Reflection in the Old Norse Saga of Eymund of the Dispute for the Rostov Land // *Power of History and History of Power*. 2021. Vol. 7. № 3 (29). P. 259-270.
 21. Troshkina N.G. Charity and Pilgrimage of the New Jerusalem Monastery in the 18th–19th Centuries // *Power of History and History of Power*. 2022. Vol. 8. № 5 (39). P. 56-62.
 22. Troshkina N.G. Unrest of the monastery peasants assigned to the estates of the New Jerusalem Monastery in the middle of the 18th century // *Power of History and History of Power*. 2022. Vol. 8. № 5 (39). P. 10-14.
 23. Tsegileev E.A., Chirkin S.A. Defense of Poltava in the spring - summer of 1709 // *Power of History and History of Power*. 2021. Vol. 7. № 1 (27). P. 39-47.
 24. Sheludyakov I.F., Pisarenko I.S. Action of the Black Sea Fleet in the Trebizond Operation of the Caucasian Army // *Power of History and History of Power*. 2021. Vol. 7. № 2 (28). P. 172-184.
 25. Shchuplenkov N.O., Shchuplenkov O.V. Socio-anthropological foundations of the interaction between church and state in modern Russia // *NB: Problems of society and politics*. 2014. № 2. P. 41-74.
 26. Shchuplenkov N.O., Shchuplenkov O.V. Ideas of solidarism in the concept of building a civil society in Russia // *NB: Problems of Society and Politics*. 2013. № 8. P. 720.
 27. Eshmatova G.B. Party organization of Gorny Altai in the context of political reforms (1985–1991) // *Power of History and History of Power*. 2021. Vol. 7. № 1 (27). P. 63-70.

Щупленков Н.О.

*Доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин,
Ставропольский государственный педагогический институт.*

Щупленков О.В.

*Доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин,
Ставропольский государственный педагогический институт.*

**Историографический обзор исторических исследований
на страницах журнала «Власть истории и История власти»**

Аннотация. В статье дается комплексный обзор теоретических исторических исследований по отечественной истории в журнале «Власть истории и История власти». Предлагается рассмотреть проблему освещения исторических фактов в научном ракурсе, изначально не ставя своей задачей оспаривать существующие концепции истории, а лишь пытается структурировать их в системе научного знания. Если говорить более предметно, то используется системно-коммуникационный метод, который относится к числу формирующих и работает преимущественно в парадигме социально-исторических систем.

Ключевые слова: историография, научный анализ, религия, отечественная история, регионоведение проблема.

Shuplenkov O.V.

*Associate Professor of the Department of history,
law and social Sciences of the Stavropol state pedagogical Institute.*

Shuplenkov N.O.

*Associate Professor of the Department of history,
law and social Sciences of the Stavropol state pedagogical Institute.*

**Historiographical review of historical research on the pages
of the journal «The Power of History and the History of Power»**

Abstract. The article provides a comprehensive review of theoretical historical research on Russian history in the journal «The Power of History and the History of Power». It is proposed to consider the problem of highlighting historical facts from a scientific perspective, initially not setting out to challenge existing concepts of history, but only trying to structure them in the system of scientific knowledge. Speaking more specifically, the system-communication method is used, which is among the emerging ones and works mainly in the paradigm of socio-historical systems.

Key words: historiography, scientific analysis, religion, national history, regional studies problem.

История геополитики, международных отношений и всеобщая история

History of geopolitics, international relations and world history

Зияев А.А.

Адъюнкт, Научно-исследовательского института (военной истории),
Военная академия Генерального штаба Вооружённых Сил Российской
Федерации.

Особенности военного обучения личного состава в узбекских национальных соединениях на территории Узбекской ССР в годы Великой Отечественной войны*

Занимаясь массовым формированием и подготовкой воинских соединений и маршевых подразделений Военный совет ввел в практику своей деятельности проведение выездных заседаний в крупных воинских гарнизонах. Так, согласно плану работы на январь 1942 года Военный совет провел выездные заседания в Бухаре, Самарканде, то есть в гарнизонах, в которых располагались военные училища и формировавшиеся соединения. На этих заседаниях рассматривались вопросы о предварительных итогах формирования и укомплектования соединений, об организации в частях боевой и политической подготовки, о результатах проверки боевой и политической подготовки частей Самаркандского и Катта-Курганского гарнизонов (463 и 213-й стрелковые дивизии, 90-й и 97-й отдельные стрелковые бригады, 100-я кд, I-ой запасной кавалерийский полк) [1]. На заседания совета приглашались первые секретари обкомов партии, председатели исполкомов, военкомы республиканских и областных военных комиссариатов, командиры соединений и их заместители по политической части [2].

“Руководство запасными частями, – говорится в донесении Военного совета Управления Красной Армии, – было главным образом живое. Оно

* © Зияев А.А., 2023.

осуществлялось путём выезда в части Военного совета, заместителей командующего войсками, начальника штаба и начальников отделов с офицерами штаба. Каждая бригада в течение полутора лет была посещена 3-4 раза. Выезды в части сопровождались проведением показательных занятий, методических сборов и докладов. Основным было – оказание помощи в создании учебных полей, развертывании учебного процесса на основе “Организационно-методических указаний по боевой подготовке запасных частей”, а также внедрение группового метода обучения. Периодически в части посылались представители Военного совета, которые постоянно определенное время находились в частях. Они повседневно контролировали ход боевой подготовки” [3].

Такая практика работы Военного совета позволяла: во-первых, непосредственно на месте видеть положение дел в том или ином соединении и принимать конкретные меры по устранению выявленных недостатков; во-вторых, координировать действия военных ведомств с местными органами Советской власти и оперативно решать вопросы на местах, избегая лишней межведомственной переписки; в-третьих, в то напряженное время, когда формирование и обучение войск проходило в предельно сжатые сроки, не отрывало командование дивизий и бригад от руководства соединениями.

Совнаркомы и ЦК КП(б) Узбекистана создавали временные интендантские управления по хозяйственному обслуживанию и материальному обеспечению боевой и политической подготовки сформированных соединений. Также создавались республиканская и областные комиссии для проведения работ, связанных с формированием, обучением и сколачиванием частей и соединений [4].

Качественной подготовке боевых резервов для фронта уделялось тщательное внимание со стороны военных, партийных и советских органов. Например, 24-ю запасную стрелковую бригаду, готовившую маршевое пополнение для воск действующей армии, только в течение четырёх месяцев (ноябрь-декабрь 1943 г. и январь-февраль 1944 г.) проверяло 11 комиссий, из них три комиссии НКО СССР, две – Главного политического управления РККА, 6 окружных и республиканских комиссий [5].

В основу боевой подготовки войск в первые дни войны была положена трёхмесячная программа для пехоты, издания 1940 года. Согласно этой программы и указаний командующего войсками округа в стрелковых и кавалерийских соединениях занятия проводились в пехотных подразделениях по 10 часов в сутки, а в конных – по 8 часов. “Основными дисциплинами на данный период, – говорилось в организационных указаниях, – считать тактическую и огневую подготовку. Все другие дисциплины совершенствовать в комплексе с тактической подготовкой”. Всю систему обучения и воспитания войск подчинить основному требованию: “Учить войска только тому, что нужно на войне” [6, л. 286, 306].

В период с 28 июня по 6 июля 1941 года штаб округа проверил ход боевой подготовки 68-й горнострелковой дивизии. Проверкой было установлено, что перестройка на боевую подготовку в соответствии с требованиями войны осуществлялась медленно. В боевой подготовке войск проявился отрыв от высоких требований войны. В обучении личного состава частей допускались послабления. Занятия проводились упрощенные, без создания обстановки высокого напряжения. Штабы соединения и частей проявляли мало творческих инициатив в приближении полевых занятий и тактических учений к боевым условиям с их сложной и быстро меняющейся обстановкой. Управление войсками на учениях ослаблялось в результате плохой организации работы связи, особенно радиосвязи [6, л. 304, 306, 307].

После этой проверки во всех дивизиях и отдельных полках согласно приказа командующего войсками округа проводились инструкторско-методические занятия с командирами взводов, рот, эскадронов и батальонов с отработкой на местности наиболее сложных тем по тактической и огневой подготовке с целью овладения методическими навыками в проведении занятий по сокращенной программе.

В порядке обмена опытом по вопросам организации и методике проведения занятий и тактических учений по сокращенной программе штабы дивизий и полков представляли в отдел боевой подготовки округа лучшие методические разработки, проведенных учений в масштабе рот, эскадронов, батальонов и полков. Специально созданные комиссии при отделе боевой подготовки обобщали этот опыт, разрабатывали организационные указания и программу по боевой подготовке войск с месячным сроком обучения [6, л. 303].

Во второй половине июля 1941 года в УзССР приступили к формированию уже другие стрелковые и кавалерийские соединения, запасные стрелковые, кавалерийские, артиллерийские и танковые части. Наряду с этим, Нарком обороны СССР приказал максимально ускорить боевую подготовку этих соединений и частей. Обучать войска в поле днём и ночью в условиях максимально приближенных к боевой действительности [6, л. 325].

Командующий войсками округа потребовал от командиров соединений и частей “в основу боевой подготовки брать программу ускоренной подготовки войск с четырёхнедельным сроком обучения. Не дожидаясь полного укомплектования частей, немедленно приступать к сколачиванию подразделений. В подготовке штабов главное внимание обратить на согласованность действий в управлении подразделениями в сложных условиях боя. Подготовку штабов проводить путём тренировок командиров на тактических летучках. С командным составом всех звеньев проводить один раз в неделю командирские занятия. Тактические учения строить на одновременной отработке целого комплекса тем по тактике и другим дисциплинам” [6, л. 319, 320].

В соответствии с этими требованиями боевая подготовка в подразделениях проводилась в ходе формирования соединений. Ее начинали с ускоренной подготовки одиночного бойца и его действий в составе отделения, взвода и роты. Учебные поля и стрельбища использовались днём и ночью при любой погоде. Для оказания помощи соединениям в организации боевой подготовки и проведения инструкторско-методических занятий с командирами подразделений штаб округа направлял группу наиболее подготовленных командиров.

Занятия проводились по программе, разработанной отделом боевой подготовки округа. Она состояла из двух, по две недели каждый, периодов обучения. В первый период проводилось организационное сколачивание подразделений. При этом обращалось особое внимание на согласованность действий взводов, рот, батарей, на выработку у воинов выносливости на марше и в бою, отработку сноровки в передвижении на поле боя, в преодолении различных препятствий, на освоение материальной части оружия. Во второй период проводилось углубление и совершенствование программного материала первого периода.

Осуществляя принцип обучения: “Учить войска только тому, что нужно на войне, и только так, как делается на войне”, командиры и политработники уделяли особое внимание всесторонней боевой подготовке, начиная с обучения одиночного бойца и мелких подразделений. Они добивались непрерывного и четкого управления войсками в любых условиях боя и погоды, слаженного взаимодействия родов войск.

В первый период обучения командиры рот проводили с младшими командирами практические инструктажи по предстоящей теме занятий с отделением. Во второй период с ними проводились занятия в поле по 8 часов в неделю по тактике, огневой подготовке и топографии. Сержантов учили принимать инициативные решения, организовывать бой и управлять отделением в сложных условиях.

Подготовка командно-начальствующего состава проводилась в постоянно действующих группах (командира дивизии, полка, начальника штаба дивизии, полка, начальников служб) один раз в неделю по шесть часов, из них четыре часа в поле. Со штабами дивизий, полков и батальонов проводились в первый период три штабные тренировки по 2-3 часа, на которых отрабатывались основные оперативные документы по функциональным обязанностям и ведение рабочей карты. Совершались выходы штабов в поле с целью отработки техники развертывания командного пункта и перемещения его в ходе боя, организации управления и охраны штаба. Во второй период продолжалось совершенствование техники штабной службы по составлению оперативных документов и ведению рабочей карты в полевых условиях. Проводились выходы в поле штабов для отработки тем:

“Организация управления наступательным боем дивизии (полка)”, “Организация управления оборонительным боем дивизии (полка)”.

Обучение командных кадров и оперативная подготовка штабов подчинялись главной задаче – приобретению твёрдых навыков в управлении войсками с целью подготовить волевого командира с качествами, соответствующими современным боевым требованиям. Большое значение придавалось развитию у командиров творческой инициативы и умению самостоятельно принимать правильные решения в условиях сложной и быстро меняющейся обстановки. На учениях, командно-штабных выходах в поле, штабных тренировках отбатывались навыки вождения войск, организация их взаимодействия и обеспечение надёжного управления ими в бою.

Политические органы, партийные и комсомольские организации основное внимание сосредотачивали на деятельности в воинских коллективах. Они добивались, чтобы центром партийно-политической работы была рота, батарея, эскадрон. Основными формами идейного воспитания воинов являлись политические занятия и информации, проводящийся среди рядового и младшего командного состава, плановая учёба со средним и старшим командным составом.

Развёртывая идейно-политическую работу в войсках, Управление политической пропаганды округа в соответствии с директивой Главного управления политической пропаганды Красной армии от 15 июля 1941 года определило задачи партийно-политической работы в условиях военного времени. Оно потребовало от политорганов, партийно-политического аппарата, партийных и комсомольских организаций немедленно перестроить свою работу и добиться высокой боевой готовности воинских частей и маршевых подразделений. В директиве предлагалось привести в действие все формы и средства агитации и пропаганды – индивидуальные и групповые беседы, доклады и лекции, митинги и собрания личного состава. Путём широкого развертывания массово-политической работы разъяснить бойцам и командирам вероломный, разбойничий характер войны со стороны фашистской Германии и справедливый, освободительный характер войны советского народа [7].

Перестраивая работу, политорганы, партийно-политический аппарат и партийные организации постоянно разъясняли личному составу освободительный, справедливый характер войны советского народа, повседневно развивали и укрепляли у бойцов и командиров жгучую ненависть к фашизму. Они проводили повседневную агитационно-пропагандистскую работу по разъяснению личному составу международного и внутреннего положения Советского Союза, положений на фронтах задач, решаемых полками и подразделениями, широко популяризировали боевые подвиги бойцов, командиров и политработников на фронте и отличников боевой подготовки подразделений полка.

Придавая серьёзное значение массового-политической работе Военный совет рассмотрел вопрос о её состоянии в войсках, расположенных на территории республики. Им отмечено, что руководящий состав частей и соединений мало выступает перед бойцами полков, батальонов и дивизионов, что недостаточно развёрнута в частях массово-политическая работа. Было указано на необходимость более широко развернуть устную агитацию и пропаганду, живым словом добиваться того, чтобы каждый воин получал ответы на самые злободневные вопросы, значительно улучшить воспитание бойцов, слабо владеющих русским языком [8].

Это решение совета легло в основу дальнейшей деятельности партийных организаций. Они обеспечили участие в массово-политической работе руководящих областных и районных работников, командиров соединений и частей. В Фергане перед воинами 38-й стрелковой бригады и 16-й запасного кавалерийского полка – выступал секретарь Ферганского обкома КП(б) УзССР, в Самарканде перед воинами 463-й стрелковой дивизии и 90-й стрелковой бригады – секретарь Самаркандского обкома и горкома партии.

В своих выступлениях руководящие партийные работники прививали воинам священную ненависть к врагу, веру в победу правого дела советского народа, ведущего справедливую войну, рассказывали о героических делах тружеников тыла.

Так, массово-политическая агитация, которой занимались местные партийные органы, командиры и политработники независимо от звания и служебного положения, охватывала все категории военнослужащих. Она играла большую роль в политическом и воинском воспитании личного состава частей и подразделений. Однако, некоторые работники переоценили её значение и ослабили устную пропаганду и агитацию путём проведения индивидуальных бесед, а это наиболее простая и доходчивая форма воспитания. Они упустили из виду, что в подразделениях и частях личный состав разнородный по возрасту, военному и жизненному опыту, общеобразовательному и политическому уровню. Всё это требовало не только широкого размаха партийно-политической работы, но и выработки наиболее целесообразных организационных форм и методов её проведения, отвечающих условиям и требованиям военного времени.

Исходя из этого, политическое управление округа совместно с республиканским потребовало от политических органов, партийно-политического аппарата и партийных организаций “дифференцировать воспитательную работу среди бойцов с учётом возраста, национальности, культурного уровня и района комплектования воинских части” [9, л. 18].

Боевая подготовка и воспитательная работа в войсках имела свою специфику: кроме того, что боевая подготовка осуществлялась в сжатые сроки, в формируемые соединения и, особенно, в запасные воинские части шёл

большой приток бойцов старших возрастов местных национальностей.

Многие бойцы не русской национальности, особенно, старших возрастов, не владели или слабо владели русским языком. Что, бесспорно отражалось на изучении уставов, оружия и на действиях во время тактических занятий. Они с большим трудом привыкали к совершенно незнакомой для них обстановке, так как никогда с оружием не обращались, никакого представления о военном деле не имели.

Командиры и политработники, проживавшие до призыва в армию на территории республики и знавшие эти и другие особенности коренных народов, учитывали их в своей работе. Такие командиры и политработники проявляли к бойцам определённый такт, не ущемляя их национальных чувств. Они проводили с ними на их родном языке индивидуальные беседы, разъясняли им уставные положения, объясняли к чему может привести нарушение воинской дисциплины, заботились об удовлетворении их запросов, терпеливо обучали их военному делу. Но были и такие, которые, к сожалению, недопонимали этого и рассматривали отдельные действия бойцов нерусской национальности (например – чаепитие в неположенное время) как умышленное нарушение воинской дисциплины и прибегали к административным мерам воздействия. Они подходили ко всем с одной меркой, не считаясь с особенностями, забывая при этом требования политуправления округа и республики о дифференцированной работе с воинами.

Таким образом, сложившиеся специфические особенности в войсках, расположенных на территории республики, вызвали необходимость коренной перестройки форм и методов политико-воспитательной работы и обучения воинов боевому мастерству.

В соответствии с указанием ЦК ВКП(б) от 12 июня 1942 года Главное политическое управление Красной армии наметило мероприятия, направленные на улучшение политико-воспитательной работы с воинами нерусской национальности. Это нашло своё отражение в специальной директиве «О воспитательной работе с красноармейцами и младшими командирами нерусской национальности», изданной 17 сентября 1942 года. Директива требовала от политорганов и партийных организаций частей придать воспитательной работе с воинами нерусской национальности первостепенное значение, вести решительную борьбу с малейшими проявлениями недооценки этой работы. В директиве указывалось, что вся агитационно-пропагандистская работа должна способствовать укреплению воинской дисциплины, повышению боеспособности частей, сплочению воинов различных национальностей и воспитанию у них жгучей ненависти к врагу [9, л. 41, 42].

Реализуя требования этой директивы, политорганы округа провели организационные и партийно-политические мероприятия. Они создали в воинских частях заметную прослойку политработников местных национальностей.

Для более рационального использования её было проведено перемещение политсостава среднего звена как внутри полков, бригад и дивизий, так и в масштабе округа. При этом широко и смело использовался резерв политсостава, находившийся на окружных сборах. В 24-ю запасную стрелковую бригаду было привлечено 115 узбеков-политработников. В результате этого прослойка политсостава местных национальностей в частях и соединениях, в основном, составила 25-30 %, а в некоторых и более 50% [10, л. 141, 142].

Такое комплектование политработниками зависело от числа бойцов и младших командиров местных национальностей в том или ином соединении. Но так как контингент переменного состава в запасных полках сменялся через каждые 5-6 недель, то приходилось иметь в запасных бригадах резерв политработников, владеющих языками народов Советского Востока.

В республике была проведена огромная работа в рота, батареях и эскадронах по подбору и выдвижению коммунистов и комсомольцев из рядового и сержантского состава местных национальностей на должности помощников заместителей командиров подразделений по политической части. После проведения этой работы в частях были организованы постоянно действующие семинары по политической подготовке помощников заместителей командиров подразделений по политической части.

Наряду с этим партийные и комсомольские организации и партийный политический аппарат частей подбирали из бойцов и младших командиров местных национальностей, хорошо знавших родной и русский языки агитаторов, переводчиков, членов редколлегий стенгазет и боевых листков. Они комплектовали учебные группы для проведения политбесед и изучения русского языка, подбирали групповодов, учителей (преподававших до призыва в армию русский язык в национальных школах) для проведения занятий с воинами, слабо владеющими русским языком. Изучение русского языка проводилась в часы самостоятельной подготовки и полит-массовой работы.

В стрелковых и учебных полках были созданы нештатные лекторские группы из числа командиров и политработников, владеющих языками народов республики. В стрелковых полках 213-й стрелковой дивизии такая группа состояла из 10 человек, которые хорошо владели узбекским, казахским и киргизским языками [10, л. 143].

В полках и отдельных батальонах периодически проводились инструктивные совещания с командным и политическим составом по обмену опытом воспитательной работы с воинами нерусской национальности, инструктивные занятия с агитаторами, групповодами и переводчиками по разъяснению приказов Народного комиссара обороны СССР № 55 “О 24-й годовщине Красной армии”, № 130 “О международном дне 1 Мая”, “О боевой подготовке вновь формируемых частей и соединений Красной армии”; основных положений “Боевого устава пехоты Красной армии (БУП-42)”. Про-

водились и методические семинары с учителями русского языка [10, л. 142].

Политорганы и партийные организации развернули большую работу по созданию в воинских частях кружков художественной самодеятельности с вовлечением в них национальных кадров, по обеспечению воинов национальными инструментами и настольными играми, по комплектованию библиотек литературой, изданной на языках народов проживающих в республике. Политуправление округа и республики централизованном порядке направило в дивизионные, бригадные и полковые библиотеки 24091 экземпляр книг и брошюр на узбекском языке, 45475 экземпляров – на туркменском, 63020 экземпляров – на таджикском, 34210 экземпляров – на киргизском и 114313 экземпляра – на казахском языке, а также передало частям и соединениям 17 комплектов полковых оркестров, 35 комплектов разных национальных музыкальных инструментов. Кроме того, воинским частям выделялись деньги для приобретения культурно-просветительского имущества для национальных ансамблей [10, л. 142].

При управлении агитации и пропаганды Главного политического управления Красной армии была создана редакционно-издательская группа по изданию брошюр, журналов, листовок, лозунгов и плакатов на языках народов СССР, в том числе на казахском, киргизском, таджикском, туркменском и узбекском языках [11, л. 820]. Политическое управление округа, расположенное на территории города Ташкент, начиная с октября 1942 года, издавало окружные газеты на узбекском, казахском, киргизском, таджикском и туркменском языках два раза в неделю под названием “Фрунзечи” [11, л. 709].

В связи с тем, что в соединениях имелось большое количество воинов коренных национальностей (в 6-й запасной стрелковой бригаде г. Бухара около 70% узбеков) в них, начиная с 1942 года, издавались дивизионные и бригадные газеты на казахском, киргизском, таджикском, туркменском и узбекском языках [11, л. 709, 710]. Так, на узбекском языке выходили газеты в 94-й стрелковой бригаде под названием “За Сталина”, в 90-й стрелковой бригаде – “За победу”, в 99-й кавалерийской дивизии – “В атаку” и т.д. [11, л. 219].

Придавая большое значение печатной агитации, которая рассказывала о злободневных событиях и несла в массы слово большевистской правды, партия расширяла сеть военных газет на языках народов СССР. Уже в конце 1942 года и начале 1943 года на фронте издавалось на узбекском языке 11 фронтовых газет: “Кизил Армия” (“Красная Армия”) [12], “Фронт хакикати” (“Фронтальная правда”) [13], “Ватан шарафи” (“За честь Родины”) [14], “Кизил аскар хакикати” (“Красноармейская правда”) [15], “Сталин Байроги” (“Сталинское знамя”) [16], “Душманга карит олга” (“Вперёд на врага”) [17], “Душманни тор-мор этишга” (“На разгром врага”) [18], “Ватан учун” (“За Родину”) [19] и другие.

По просьбе политического управления округа фронтовые газеты направлялись в соединения и части. Это давало возможность бойцам, командирам и политработникам знакомиться с боевыми подвигами своих земляков на фронте, что ещё больше сплачивало и поднимало воинов на борьбу с врагом. Кроме того, во все воинские части поступали республиканские газеты на русском и национальных языках [20, л. 144].

В 37-м запасном стрелковом полку заместитель командира батальона по политической части Рахимов проводил для воинов-узбеков на их родном языке лекции: “Дружба народов СССР – залог нашей победы”, “Железная дисциплина и стойкость советских воинов – залог нашей победы”; командир стрелкового батальона капитан Сальченко, хорошо владевший казахским языком, прочёл для воинов-казахов доклад о текущей обстановке на фронте [20, л. 142, 143].

Агитаторы роты учили бойцов русскому языку, проводили беседы, читали статьи из газет и журналов, используя для этого перерывы на занятиях в поле, а в часы самостоятельной подготовки занимались с ними по изучению материальной части оружия, уставов и наставлений.

Политотделы воинских гарнизонов Бухары, Намангана и других городов организовали встречи с руководителями партии и правительства республики, с Героями Советского Союза, с ветеранами гражданской и участниками Великой Отечественной войн, а также со известными людьми этих городов. В полках 24-й и 6-й запасных стрелковых бригад, 100-й и 101-й стрелковых бригад в Самарканде и Бухаре были организованы встречи с Председателем Президиума Верховного Совета Узбекской ССР и ветераном гражданской войны Ю.Ахунбабаевым, побывавших на Западном фронте в составе делегации республики. На митингах и в беседах с воинами они рассказывали о героических делах воинов-узбеков в битве под Москвой и Сталинградом, о боевом товариществе бойцов различных национальностей, о зверствах фашистов над военнопленными и населением оккупированных районов [20, л. 143].

Герои Советского Союза Курбан Дурды и Кучкар Дурдиев на митингах и в беседах с воинами 403-й стрелковой дивизии и 156-й стрелковой бригады в Самарканде и в других гарнизонах рассказывали о стойкости и мужестве бойцов и командиров подразделений, в составе которых они воевали, говорили о значении воинской дисциплины на фронте [20, л. 143].

Задачам воспитания воинов в духе советского патриотизма и ненависти к врагу, выработке у них высоких моральных качеств была подчинена также и культурно-массовая работа. По указанию ЦК КП(б), Совнаркома республики и Военного совета для культурного обслуживания воинов частей направлялись театральные коллективы столицы и областных городов, а также военные ансамбли: узбекский ТЮЗ, театр имени Мукумий, Хамза, окружной ансамбль песни и пляски, ансамбль пограничных войск

и многие другие [21, л. 113]. В культурно-массовом обслуживании воинов республики принимали участие крупнейшие театральные и музыкальные коллективы Советского Союза: хор имени Пятницкого, театр Моссовета, Ленинского комсомола, государственный хор Союза ССР, государственный симфонический оркестр и другие [21, л. 113].

Богатым репертуаром актуальных антифашистских, оборонных произведений и исполнением их на высоком артистическом уровне работники театров, концертных бригад способствовали поднятию патриотического духа бойцов и командиров, укрепляли веру и стремление к окончательному и полному разгрому врага.

Республиканская кинобаза выделяла для воинских частей короткометражные, хроникальные и художественные кинокартины, отражающие жизнь и быт народов Средней Азии, а также киноленты на военно-патриотические темы. Республиканское издательство выпускало учебники русского языка, а также военные разговорники большим тиражом: русско-узбекский, русско-казахский, русско-таджикский, русско-туркменский и русско-киргизский. Эта литература сыграла весьма важную роль в овладении воинами местных национальностей необходимым запасом русских слов военной терминологии.

Уверенность народа в непобедимости правого дела, его безграничная вера и преданность родной Коммунистической партии передавались воинам Узбекистана по многочисленным каналам и нитям, связывавшим армию и народ. Они поднимали морально-боевой дух воинов, положительно сказывались на их отношении к изучению военного дела, а в конечном счёте на поведении их на поле боя.

Формы связи, установившей между трудящимися республики и воинами частей были самые разнообразные: это и обмен делегациями между полками и предприятиями, (колхозами), и шефство районов, заводов и колхозов над воинскими частями, и посылка воинам овощей, фруктов, художественной литературы, культпросветимущества, и взаимные выступления художественной самодеятельности полков и предприятий, колхозов и т.д.

Весьма важное воспитательное значение приобретали мероприятия ЦК КП(б) и СНК республики, проводившиеся в соединениях перед отправкой их на фронт. Так, в августе 1942 года перед отправкой на фронт в подразделения 94-й отдельной стрелковой бригады приехали колхозники и рабочие из Ферганской области. Они привезли своим воинам подарки. В беседе с односельчанами и на митингах колхозники и рабочие призвали воинов “показать себя в боях за Родину достойными потомками наших славных предков. Не щадить своей жизни, бороться с врагом до последней капли крови”. Бойцы и командиры в свою очередь заверили их, что “выполнят родительский наказ с честью и с достоинством. Будут смело и упорно сра-

жаться с ненавистным врагом”.

Несмотря на то, что в первые шесть месяцев войны было призвано в армию 90% командного состава запаса, их не хватало для покрытия мобилизационной потребности. Поэтому приходилось изыскивать как в округе, так и в республике источники пополнения командного состава для комплектования вновь формировавшихся частей и соединений. Таковыми источниками являлись: продвижение по службе командных кадров войск, военно-учебных заведений и учреждений, способных занять более высокие командные посты; командно-начальствующий состав запаса; рядовой и сержантский состав с высшим и средним образованием; выпускники военных училищ, школ и курсов; командные кадры, высвобождавшиеся из тыловых частей и учреждений; командиры и политработники, годные к службе после прохождения лечения в госпиталях; политсостав, прошедший переподготовку на командные должности.

Наряду с этим расширялась сеть средних военных учебных заведений с сокращённой программой, готовившая в основном командиров младшего звена. По решению ЦК КП(б), СНК республики и Военного совета при военных академиях создавались курсы для повышения военных знаний руководящих партийных, советских и хозяйственных работников.

Все эти меры позволили не только обеспечить формируемые части и соединения командными кадрами и выполнять централизованные наряды НКО СССР для других округов и действующей армии, но и создать отдельный полк резерва офицерского состава.

В Великой Отечественной войне центральное место в многогранной военно-организаторской деятельности партии и правительства занимала военно-мобилизационная работа. Она была направлена на развёртывание Вооружённых Сил, создание новых воинских формирований и непрерывное, планомерное пополнение войск действующей армии.

В республике имелся большой процент людского контингента, не прошедшего в довоенное время обучение в кадровых частях, к тому же малограмотного и не владеющего русским языком. Поэтому проблема пополнения войск действующей армии обученными резервами была чрезвычайно сложной и её решение началось в первые же дни войны.

Под руководством местных партийных и советских органов республики создавались добровольческие формирования: осоавиахимовские полки, комсомольско-молодёжные кавалерийские части, рабочие отряды, фабрично-заводские дружины и прочие, в которых бойцы обучались военному делу. Это была высокопатриотическая форма наращивания вооружённой мощи страны для борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, подлинно народная форма пополнения Вооружённых Сил. Почти весь контингент этих формирований в первые месяцы войны был использован для попол-

нения регулярных соединений действующей армии. Но такой метод подготовки боевых резервов для создания многомиллионных Вооружённых Сил и непрерывного, планомерного пополнения войск действующей армии в условиях затяжной войны не мог обеспечить выполнение этих задач.

Система Всеобуча полностью себя оправдала, проблема количественного и качественного накопления военнообученных людских ресурсов была решена успешно, что способствовало своевременному формированию на территории Узбекской ССР частей и соединений.

Библиографический список:

- [1] Центральный Архив МО РФ. (далее – ЦАМО РФ). Ф. 158. Оп. 12825. Д. 9. Л. 1.
- [2] Белоношко С. На самых южных рубежах. Ташкент. 1979. Л. 111.
- [3] ЦАМО РФ. Ф. 158. Оп. 12840. Д. 25. Л. 61.
- [4] ЦАМО РФ. Ф. 158. Оп. 12825. Д. 7. Л. 86.
- [5] ЦАМО РФ. Ф. 158. Оп. 12825. Д. 34. Л. 177.
- [6] ЦАМО РФ. Ф. 158. Оп. 12840. Д. 2. Л. 286, 303, 304, 306, 307, 319, 320, 325.
- [7] ЦАМО РФ. Ф. 158. Оп. 12819. Д. 3. Л. 149. 150.
- [8] ЦАМО РФ. Ф. 158. Оп. 12819. Д. 8. Л. 301.
- [9] ЦАМО РФ. Ф. 158. Оп. 12825. Д. 14. Л. 18, 41, 42.
- [10] ЦАМО РФ. Ф. 158. Оп. 12819. Д. 129. Л. 141, 142, 143.
- [11] ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 795436. Д. 5. Л. 219, 709, 710, 820.
- [12] ЦАМО РФ. Ф. 1-го Белорусского фронта. Оп. 2354. Д. 16.
- [13] ЦАМО РФ. Ф. 2-го Белорусского фронта. Оп. 2409. Д. 6.
- [14] ЦАМО РФ. Ф. 1-го Украинского фронта. Оп. 2754. Д. 22.
- [15] ЦАМО РФ. Ф. 3-го Белорусского фронта. Оп. 2652. Д. 2.
- [16] ЦАМО РФ. Ф. 4-го Украинского фронта. Оп. 2988. Д. 17.
- [17] ЦАМО РФ. Ф. 1-го Прибалтийского фронта. Оп. 2138. Д. 4.
- [18] ЦАМО РФ. Ф. 2-го Прибалтийского фронта. Оп. 2175. Д. 2.
- [19] ЦАМО РФ. Ф. 237. Оп. 2474. Д. 5. Л. 26.
- [20] ЦАМО РФ. Ф. 158. Оп. 12819. Д. 129. Л. 142, 143, 144.
- [21] ЦАМО РФ. Ф. 158. Оп. 12841. Д. 18. Л. 113.

Reference

- [1] Central Archive of the Ministry of Defense of the RF. F. 158. Op. 12825. D. 9. L. 1.
- [2] Belonozhko S. At the most southern borders. Tashkent. 1979. L. 111.
- [3] CAMD RF. F. 158. Op. 12840. D. 25. L. 61.
- [4] CAMD RF. F. 158. Op. 12825. D. 7. L. 86.
- [5] CAMD RF. F. 158. Op. 12825. D. 34. L. 177.
- [6] CAMD RF. F. 158. Op. 12840. D. 2. L. 286, 303, 304, 306, 307, 319, 320, 325.
- [7] CAMD RF. F. 158. Op. 12819. D. 3. L. 149. 150.
- [8] CAMD RF. F. 158. Op. 12819. D. 8. L. 301.
- [9] CAMD RF. F. 158. Op. 12825. D. 14. L. 18, 41, 42.
- [10] CAMD RF. F. 158. Op. 12819. D. 129. L. 141, 142, 143.
- [11] CAMD RF. F. 32. Op. 795436. D. 5. L. 219, 709, 710, 820.
- [12] CAMD RF. F. 1st Belorussian Front. Op. 2354. D. 16.
- [13] CAMD RF. F. 2nd Belorussian Front. Op. 2409. D. 6.
- [14] CAMD RF. F. 1st Ukrainian Front. Op. 2754. D. 22.
- [15] CAMD RF. F. 3rd Belorussian Front. Op. 2652. D. 2.
- [16] CAMD RF. F. 4th Ukrainian Front. Op. 2988. D. 17.
- [17] CAMD RF. F. 1st Baltic Front. Op. 2138. D. 4.
- [18] CAMD RF. F. 2nd Baltic Front. Op. 2175. D. 2.
- [19] CAMD RF. F. 237. Op. 2474. D. 5. L. 26.
- [20] CAMD RF. F. 158. Op. 12819. D. 129. L. 142, 143, 144.
- [21] CAMD RF. F. 158. Op. 12841. D. 18. L. 113.

Зияев А.А.

Адъюнкт,

*Научно-исследовательского института (военной истории),
Военная академия Генерального штаба
Вооружённых Сил Российской Федерации.*

**Особенности военного обучения
личного состава в узбекских национальных
соединениях на территории Узбекской ССР
в годы Великой Отечественной войны**

Аннотация. В данной статье рассмотрены вопросы подготовки личного состава формирования, обучения и сколачивания частей и соединений на территории Узбекской ССР в период Великой Отечественной войны, а также мероприятия проведенные Совнаркомом, ЦК КП(б) Узбекистана и всех органов власти в его обучении, подготовке и отправке на фронт.

Боевая и политическая подготовка в войсках Среднеазиатского военного округа и в Узбекской ССР организовалась и проводилась в соответствии с политикой Коммунистической партии и Советского правительства и опыта Великой Отечественной войны. Она была направлена на обеспечение постоянной боевой готовности частей и соединений к отправке на фронт.

С первых дней вооруженной борьбы Военный совет страны принял энергичные меры по перестройке боевой и политической подготовке войск в соответствии с требованиями войны. Руководство республики уделяло самое серьёзное внимание совершенствованию стиля своей деятельности и органов управления войсками. При этом большое значение придавалось изысканию наиболее эффективных форм и методов обучения личного состава в предельно сжатые сроки, подготовке частей и соединений по сокращённой программе, укреплению партийных организаций и воспитанию у воинов высоких морально-боевых качеств.

Ключевые слова: Военный совет, формирование, обучение, подготовка, занятие, Коммунистическая партия, комсомольская организация, соединение, подразделение.

Ziyaev A.A.

*Researcher of Research Institute (military history)
of the Military Academy of the General Staff.*

**Features of military training of personnel
in the Uzbek national formations on the territory
of the Uzbek SSR during the Great Patriotic War**

Abstract. This article discusses the issues of training the personnel of the formation, training and cohesion of units and formations on the territory of the Uzbek SSR during the Great Patriotic War, as well as the activities carried out by the Council of People's Commissars, the Central Committee of the Communist Party (b) of Uzbekistan and all authorities in its training, preparation and sending to front.

Combat and political training in the troops of the Central Asian Military District and in the Uzbek SSR was organized and carried out in accordance with the policy of the Communist Party and the Soviet government and the experience of the Great Patriotic War. It was aimed at ensuring the constant combat readiness of units and formations to be sent to the front.

From the first days of the armed struggle, the Military Council of the country took energetic measures to restructure the combat and political training of the troops in accordance with the requirements of the war. The leadership of the republic paid the most serious attention to improving the style of its activities and command and control bodies. At the same time, great importance was attached to finding the most effective forms and methods of training personnel in the shortest possible time, training units and formations according to a reduced program, strengthening party organizations and instilling high moral and combat qualities in soldiers.

Key words: Military council, formation, training, training, occupation, Communist Party, Komsomol organization, unit, division.

Чжин Сил

Аспирантка Центра «Историческая наука России», Институт российской истории Российской академии наук.

Азиатские иммигранты Дальнего Востока в материалах первой переписи населения Российской Империи 1897 г.*

В России и за рубежом проводились различные исследования численности этнических меньшинств на Дальнем Востоке. Следует отметить, что в российской и зарубежной историографии этот вопрос не остался без внимания. На основе различных данных проводились исследования населения Дальнего Востока, в том числе и количественные. В частности, анализ населения Дальнего Востока был выполнен Л.Л. Рыбаковским [10].

Трудно точно определить численность этнических меньшинств, мигрировавших и проживавших на Дальнем Востоке. Это связано с тем, что они избегали регистрации по месту жительства, требуемой российскими властями, также было много сезонных мигрантов, которые пересекали границу по мере необходимости, и бездомных мигрантов, место жительства которых не было установлено.

Есть несколько важных причин обратить внимание на изменение численности населения Дальнего Востока в дореволюционный период. Демография является важной основой для долгосрочных социальных изменений. В данной работе был проведен демографический анализ азиатских мигрантов, перебравшихся на Дальний Восток и их место среди этносов, населяющих данный регион. В этой статье рассмотрен состав населения Дальневосточного региона на основе статистической переписи населения 1897 г., представлены изменения в миграционной политике Российской империи и положение азиатских мигрантов на российском Дальнем Востоке.

Россия подписала Айгунский договор с династией Цин (Китай) в 1858 г., на основании этого договора была установлена граница по реке Амур. По Пекинскому трактату 1860 г. Приморье вошло в состав России и граничило с Кореей по р. Туманган. С тех пор миграция корейцев на Дальний Восток изменилась в соответствии с российской политикой развития Даль-

* © Чжин Сил, 2023.

него Востока.

В конце XIX века территория Дальневосточного региона была мало заселена и российское правительство пыталось переселить туда русское население для развития и управления регионом. В марте 1861 г. с этой целью Александр II принял закон «О правилах для поселения русских и иностранцев в областях Амурской и Приморской Восточной Сибири» [1, с. 681]. Этот закон действовал с апреля 1861 до 1884 гг. не только для русских, но и для иностранных граждан.

До установления дипломатических отношений между Россией и Кореей, с 1864 по 1884 гг. российские власти были очень дружелюбны к корейским мигрантам. Согласно закону о поощрении иммиграции 1861 г. корейские иммигранты в России имели право на получение земли и освобождение от уплаты подушного и земельного налогов на 20 лет.

В 1880-х гг. Россия приняла лозунг «Россия для русских» и активно стимулировала переселение русских из европейской части страны на Дальний Восток. Россия проявляла озабоченность по поводу агрессивной политики Китая по колонизации Маньчжурии и увеличения ее военной мощи. В 1882 г. правительство России впервые приняло указ, запрещающий иностранцам владеть землей в Сибири [4, с. 69].

В 1884 г. был подписан первый российско-корейский договор «Торговый договор между Россией и Кореей». В нем был оговорен юридический контроль пересечения государственных границ России и Кореи. [11, с. 133]. 20 августа 1888 г. между Россией и Кореей был подписан второй договор «Правила для сухопутной торговли с Кореей» [11, с. 154]. Он касался торговли в прибрежной зоне реки Туманган и вопроса о свободном пересечении границы. Правительства двух стран согласно этому договору, приняли решение, что Россия предоставит российское гражданство корейцам, переселившимся до 1884 года. Корейцев, переселившихся после подписания договора, Россия не должна была принимать. Однако тяжелое экономическое состояние корейских крестьян стихийные бедствия, вынуждали их искать пристанище в России. Если численность корейского населения в России составляла в 1884 году – 11 055, то 1892 году их было уже 16 457 человек [11, с. 185].

Выявленный в ходе переписи разнообразный состав населения Дальневосточного региона можно рассматривать как результат активной миграционной политики России в Дальневосточном регионе. Дружественное отношение со стороны российских властей к корейцам-переселенцам позволило им заселять пустынные земли Уссурийского края и развивать сельское хозяйство на российском Дальнем Востоке.

Миграция китайцев в Россию носила иной характер, чем переселение корейцев. С 1760-х по 1860-е годы в приграничных районах Российской

и Цинской империй происходили традиционные полукочевые миграции различных тунгусских народов. До начала XIX века масштаб этой миграции был небольшим и ее центр находится в южном районе реки Амур. Миграция китайцев происходила по различным экономическим и демографическим причинам, но, как правило, не имела отношения к политике.

В случае с Китаем можно было мигрировать по суше, и до присоединения к России китайцы жили в основном вдоль побережья Амура. Приморский край был в то время местом ссылки китайских преступников, а также там жили бедняки, бежавшие от тяжелых налогов. С тех пор как Россия присоединила Дальний Восток, количество китайцев, проживающих в регионе, уже достигало нескольких тысяч [2].

Китайская иммиграция на Дальний Восток отличалась от корейской тем, что она не имела постоянного характера заселения территории. Китайцы приезжали в Россию в основном в качестве сезонных работников и затем возвращались на родину. Миграцию китайцев на Дальний Восток объясняли крайней нищетой на родине, недостатком земли и запретом со стороны властей на освоение свободных земель [10].

Японцы появились на Дальнем Востоке значительно позже, чем китайцы и корейцы. Они заселяли, в первую очередь, Камчатку и Сахалин. Численность японцев была меньше, чем мигрантов из других азиатских стран. Большинство из них было сезонными рабочими в рыбной промышленности [10]. Большинство японцев селились в основном в городах, большей частью во Владивостоке, который с 1875 г. был связан с Японией регулярным пароходным сообщением [3, с.15].

В 1890-х гг. местное правительство высоко ценило азиатских иммигрантов как рабочую силу и проводило либеральную миграционную политику. В результате увеличилось число китайцев и корейцев, мигрирующих на Дальний Восток. В частности, с началом строительства Уссурийской железной дороги в 1893 г. увеличилось число азиатских рабочих, также в это время стали появляться новый тип японские рабочие [10].

Для японцев Дальний Восток России был местом, где они могли получать более высокую заработную плату, чем на их родине, в Японии. Они занимались ремёслами, торговлей, предпринимательством, открывали парикмахерские и прачечные и работали прачками, нянями [3, с.15].

В 1897 г., в Российской империи была проведена первая современная перепись населения. Российское правительство поставило цель переписать все население империи: сделать общее исследование численности, состава и регионального распределения жителей империи. Всеобщей переписи подлежали все жители России обоего пола, возраста, вне зависимости от нахождения в браке, вероисповедания и племени, как русские подданные, так и иностранцы. Поскольку в рамках этой переписи также опрашивались

жители Дальнего Востока России, стало возможным изучить состав населения этнических меньшинств конца XIX века. В этой переписи китайцы, корейцы и японцы классифицируются как Языки культурных народов Крайнего Востока [5].

Согласно «Положению о первой всеобщей переписи населения Российской империи» от 5 июня 1895 г., она состояла из 14 вопросов: имя, семейное положение, отношение к главе хозяйства, пол, возраст, место рождения, место приписки, родной язык, и т.д. Переписные листы были переведены на более чем 20 языков и наречий, но с обязательным текстом на русском языке.

Заполнение анкеты на родном языке позволялось только в тех случаях, когда опрашиваемый не говорил по-русски, поэтому информация о численности умеющих читать на родном языке и численности национальных меньшинств недостаточно точна [6].

В то время численность опрошенного русского населения составляла 125.6 млн человек, из которых 9.344 млн или три четверти всего населения, проживало в европейской части России (без Северного Кавказа), 9.4 млн в Польше, 9.28 млн на Кавказе, 7.74 млн в Средней Азии и 5.75 млн человек в Сибири [7].

В четырех областях Дальнего Востока (Забайкальская область, Амурская область, Приморская область, Якутская область) население составляло 1,13 млн человек, среди них: русские (великороссы) – 640 тыс. человек; якуты – 220 тыс.; буряты – 170 тыс.; украинцы (малороссы) – 62 тыс. человек. Этнические группы составляли: тунгусы – 61 тыс., чукчи и коряки, а также китайцы (41 тыс.) и корейцы (25 тыс. человек) [8].

В Забайкальском крае общая численность населения составляла 672 037 человек. Среди национальных меньшинств 2342 китайцев проживали в этой области, а 63 корейца и 4 японца были. 540 китайцев проживало в городах (111 человек в Чите, 17 человек в Баргузине, 81 человек в Верхнедвинске, 247 человек в Нерчинске и т. д.) [9].

В Амурской области общая численность населения составляла 120 306 человек. Основную часть населения составляли русские и украинцы: 82 372 чел. – русские, 21 096 чел. – украинцы, ранее переселившиеся в «пионерскую Сибирь». Среди национальных меньшинств зарегистрированы китайцы (7816 чел.), маньчжуры (3344 чел.), 1552 корейца и 245 японца. Из 7816 китайцев в Благовещенске проживало 2928, 68 корейцев и 242 японца, а остальное население проживало за городом [9].

В Приморской области (223 336 чел.), около половины населения составляли иммигранты из Европейской части России, среди них: русские (80 173 чел.), украинцы (33 326), поляки (3198 чел.) и евреи (1571 человек). Малочисленные народы Севера были представлены тунгусами (19 967 чел.),

чукчами (10 237 чел.), коряками (6058 чел.) и другими коренными народами, которые составляли около 20% населения. Иммигранты из Северо-Восточной Азии составляли около 25%: китайцы (30 704 чел.), корейцы 10,9% (24 306 чел.) и японцы (2094 человек) [9].

Таким образом, иммигранты из Северо-Восточной Азии составляли около четверти населения (57 104 человек). Китайцы проживали в основном в городах, включая Владивосток, и в сельских районах, в значительной степени, в восточной части реки Уссури. Корейцы, которые начали мигрировать в Россию с 1864 года, селились, как правило, в сельской местности в уезде Южный Уссури (21 054 чел.), за исключением Владивостока (1326 человек) и составляли 22% населения. Японцы были сосредоточены во Владивостоке [9].

Ещё на острове Сахалин население составляло всего 28 113 человек. Среди них: китайцы – 146 чел, японцы – 227 чел. 33 китайца и 38 японца жили в сельской местности, 113 китайцев и 189 японцев проживало в другом районе. Не было корейцев.

Согласно всероссийской переписи населения 1989 г., азиатские иммигранты распределялись следующим образом: более 75% китайцев (30 704 человека) проживало в Приморском крае, 7816 человек в Амурской области, в Забайкальском крае – 2342 чел, на острове Сахалин – 146 чел. Более 90% корейцев (24 306 чел) проживало в Приморском крае, 1552 чел – в Амурской области, в Забайкальском крае – 64 чел, в Якутской области – 1 кореец. Японцы составляли более 80% населения Приморской области, 245 чел. – в Амурской области, на острове Сахалин – 227 человек и в Забайкальской области – 4 чел. [8].

Большинство первых иммигрантов были крестьянами, но в конце 1870-х годов появились и рабочие. Они занимались строительством, портовой погрузкой и разгрузкой, а также добычей золота. Иммигранты из Азии активно участвовали в различных сферах экономики и сыграли значительную роль в развитии местной экономики на российском Дальнем Востоке. В 1890-х годах местные власти высоко оценили трудовые усилия азиатских иммигрантов и проводили положительную миграционную политику.

С ростом числа азиатских иммигрантов на Дальнем Востоке изменилась позиция российского правительства. По мере увеличения числа русских переселенцев и стабилизации демографической и экономической ситуации на Дальнем Востоке, дальневосточное правительство начало ограничивать приток иностранных. Поражение в русско-японской войне 1904–1905 годов также вызвало негативное отношение к иностранным иммигрантам, особенно к представителям жёлтой расы.

Библиографический список:

- [1] № 36928. Полное собрание законов Российской империи СОБР.1. отделение 1-е. 1861.
- [2] Ларин В.Л. Посланцы Поднебесной на Дальнем Востоке: ответ алармистам // Диаспоры. № 2-3.
- [3] Ващук А.С. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке / А.С. Ващук, Е.Н. Чернолуцкая, В.А. Королева [и др.]. – Владивосток: ДВО РАН, 2002 (ООО «Информ.-издат. агентство «Комсомолка ДВ»). 225 с.
- [4] Пан Бёнгрыль. История переселения корейцев в Россию // Korean History Citizen Lecture. 2001. № 28. С. 65-89.
- [5] Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 года. // URL: <https://bashstat.gks.ru/storage/mediabank/Первая+Всеобщая+перепись+населения+Российской+Империи+1897.pdf>. (Дата обращения: 7.12.2012).
- [6] Перепись населения Российской империи (1897) // URL: [url:https://ru.wikipedia.org/wiki/Перепись_населения_Российской_империи_\(1897\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Перепись_населения_Российской_империи_(1897)). (Дата обращения: 10.05.2023).
- [7] Пространство, число наличного населения и плотность - Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. (Губернские итоги). Т.Т.1-89. СПб.: 1903–1905. // URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=0> (Дата обращения: 22.03.2014).
- [8] Распределение населения по родному языку и уездам Российской Империи кроме губерний Европейской России - Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. (Губернские итоги). Т.Т.1-89. СПб.: 1903–1905. // URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=0> (Дата обращения: 22.03.2014).
- [9] Распределение населения по родному языку, губерниям и областям - Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. (Губернские итоги). Т.Т.1-89. СПб.: 1903–1905. // URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=0> (Дата обращения: 22 марта 2014).
- [10] Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. – М.: Наука, 1990. 138 с.
- [11] Сон Ж.Г. Миграция корейцев на русский дальний восток: российско-корейские отношения 1820–1918. Документальная история. М.: 2017. 726 с.

Reference

- [1] No. 36928. Complete collection of laws of the Russian Empire SOBR.1. branch 1st. 1861.
- [2] Larin V.L. Messengers of the Celestial Empire in the Far East: a response to the alarmists // Diaspora. № 2-3.
- [3] Vashchuk A.S. Ethnomigration processes in Primorye in the XX century / A.S. Vashchuk, E.N. Chernoluts-kaya, V.A. Queen [and others]. - Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, 2002 (Information-publishing agency "Komsomolka DV" LLC). 225 p.
- [4] Ban Byongryul. The history of the resettlement of Koreans in Russia // Korean History Citizen Lecture. 2001. № 28. P. 65-89.
- [5] The first general census of the population of the Russian Empire in 1897. // URL: <https://bashstat.gks.ru/storage/mediabank/First+General+census+of+Russian+Empire+1897.pdf>. (7.12.2012).
- [6] Census of the Russian Empire (1897) // URL: [url: https://ru.wikipedia.org/wiki/Census_of_the_Russian_Empire_\(1897\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Census_of_the_Russian_Empire_(1897)). (05.10.2023).
- [7] Space, actual population and density - First General Census of the Russian Empire in 1897. (Provincial results). Vol. 1-89. St. Petersburg: 1903–1905. // URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=0> (03.22.2014).
- [8] Distribution of the population by native language and counties of the Russian Empire, except for the provinces of European Russia - the First General Census of the Russian Empire in 1897. (Provincial results). Vol. 1-89. St. Petersburg: 1903–1905. // URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=0> (03.22.2014).
- [9] Distribution of the population by native language, provinces and regions - the First General Census of the Russian Empire in 1897. (Provincial results). Vol. 1-89. St. Petersburg: 1903–1905. // URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=0> (March 22, 2014).
- [10] Rybakovsky L.L. Population of the Far East for 150 years. – M.: Nauka, 1990. 138 p.
- [11] Son Zh.G. Migration of Koreans to the Russian Far East: Russian-Korean Relations 1820–1918. Documentary history. M.: 2017. 726 p.

Чжин Сил

Аспирантка Центра «Историческая наука России»,
Институт российской истории Российской академии наук.

**Азиатские иммигранты Дальнего Востока в материалах первой
переписи населения Российской Империи 1897 г.**

Аннотация. В 1860 году был заключен Пекинский договор, в результате которого Приморская провинция, примыкающая к рекам Амур и Усури, перешла под владение России. Однако на Дальний Восток иммигрировало лишь незначительное количество русских. В конце XIX – в начале XX века азиатские иммигранты, такие как китайцы, корейцы и японцы, сыграли важную роль в освоении и развитии Дальневосточного региона. Однако миграция азиатов на Дальний Восток не всегда приветствовалась российским правительством. Она была тесно связана с экономической и демографической ситуацией на Дальнем Востоке того времени, отношением местных властей к мигрантам, и внутренней политикой. В этой статье представлено научное исследование на основе статистики российской переписи населения 1897 года, было проанализировано изменение динамики населения региона, а также положение азиатских мигрантов.

Ключевые слова: Миграция, Азиатские иммигранты, Корейцы, Китайцы, Японцы, Дальний Восток.

Sil Jin

*Ph.D student, Center «Historical Science of Russia»
The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.*

**Asian immigrants of the Far East in the materials
of the first census of population of the Russian Empire in 1897**

Abstract. In 1860, the Peking Treaty was concluded, as a result of which the Primorsky province, adjacent to the Amur and Ussuri rivers, came under the control of Russia. However, only a small number of Russians immigrated to the Far East. In the late 19th and early 20th centuries, Asian immigrants such as the Chinese and Koreans played an important role in the settlement and development of the Far East region. However, the migration of Asians to the Russian Far East was not always welcomed by the Russian government. This migration is closely related to the economic and demographic situation in the Far East at that time, the attitude of local authorities towards migrants, and the internal politics. This report considers the population status of Asian immigrants based on the statistics of the Russian census of 1897.

Key words: migration, Asian immigrants, Koreans, Chinese, Japanese, Far East.

Аннотации

Богословская В.Р.

Долгенко А.Н.

Мурашко С.Ф.

Рудакова С.В.

Диалектика развития русской лингвокультуры в начале XXI века

Статья посвящена анализу процессов, влияющих на динамику и специфику развития русской лингвокультуры в начале XXI в. Выявляются особенности развития культурных стереотипов, определяющих особенности современной лингвокультурной ситуации в контексте противодействия глобализационных и деглобализационных тенденций.

Ключевые слова: современная русская лингвокультура, стереотипы лингвокультуры, глобализация и деглобализация.

Власов А.Е.

Штепа А.В.

Проблема выплаты пенсий и предоставления медицинской помощи нижним чинам общей полиции и железнодорожной жандармерии Калужской губернии в начале XX века (на примере биографии старшего городского С.А. Гречишникова и унтер-офицера Е.П. Козлова)

В статье уделяется внимание трудностям, с которыми сталкиваются рядовые служащие железнодорожной жандармерии в Калужской губернии и общей полиции города Калуги в начале XX века: а именно с выплатой пенсии в случае частичной или полной утраты трудоспособности, а также с предоставлением медицинских услуг. Сделан вывод о недостаточном финансовом обеспечении низшего звена полицейского аппарата Российской империи.

Ключевые слова: городской, медицинское обеспечение, пенсия, полицейский.

Шляхов А.В.

Историческая память о первой мировой войне на страницах журнала «вопросы истории» (на примере 1951 года)

В настоящей статье представлены отдельные результаты исследования, посвященного трансформации исторической памяти о Первой мировой войне в России. Объект исследования – Первая мировая война в России; предмет – публикации о Первой мировой войне на страницах 12 номеров журнала «Вопросы истории» за 1951 год; цель – рассмотрение взглядов на Первую мировую войну на страницах журнала в указанный период. Делается вывод о том, что в 1951 году сюжеты, связанные с Первой мировой войной, были представлены на страницах журнала «Вопросы истории» на постоян-

ной основе. Рассматривается, как данные сюжеты были отражены с точки зрения используемой терминологии, содержания и политических аспектов.

Ключевые слова: историческая память, историография Первой мировой войны, трансформация исторической памяти.

Ахметова А.Р.

Галимзянова Л.Р.

Особенности национального образования в культурно-историческом поле российской провинции (конец XIX - первая четверть XX вв.)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с реализацией государственной политики в области национального образования российской провинции в конце XIX - первой четверти XX вв. Выделены проблемы инкорпорации учительского корпуса в государственную образовательную систему, социальной адаптации учительства, культурной социализации учащихся в рамках классово-политизированной системы советского образования в Татарстане. Раскрываются идеологические и практические проблемы, связанные с переходным периодом от дореволюционной школы к советской. Привлечены новые архивные материалы из фондов республиканских, городских и кантональных отделов народного образования Республики Татарстан, которые позволяют показать действия татарстанского руководства в процессе формирования новых учительских кадров.

Ключевые слова: образование, политика, реформы, обновление, советская власть, реформирование, просвещение, религия, учитель, педагог, школа, учащиеся.

Белоглазов Р.Н.

Рац А.Г.

Неопубликованные мемуары В.И. Осокина как источник по истории деятельности подпольных организаций Севастополя в годы Великой Отечественной Войны

В статье рассматривается текст неопубликованных воспоминаний В.И. Осокина о подполье Севастополя в годы Великой Отечественной войны. Установлено, что данный источник имеет большое информационное значение для изучения истории движения сопротивления в городе в период оккупации.

Ключевые слова: Севастополь, оккупационный режим, подпольные организации, движение сопротивления, В.Д. Ревякин.

Синицын О.В.

Характер и особенности среднешкольного и университетского преподавания истории в России

В статье характеризуется тесная связь и отличие среднешкольного и университетского преподавания истории в России со стороны построения дисциплины, сообщения материала, содержания предмета, приспособления курсов истории к возрастным особенностям понимания учащихся. Различие между названными системами исторического образования существует и должно существовать, исходя из характера и особенностей целей и задач этих уровней образования и методическим приемам педагогического воздействия. Это также обусловлено требованиями федеральных государственных образовательных стандартов основного общего, среднего общего и высшего образования к результатам освоения основных образовательных программ и приобретения соответствующих ключевых компетенций школьниками и студентами в координатах обеспечения единства образовательного пространства Российской Федерации. При выявленных отличиях в построении и содержании среднешкольных и университетских курсов истории, между ними должно быть полное единство в освещении и трактовке всех основных вопросов истории на основе Историко-культурного стандарта и Концепции преподавания истории России в образовательных организациях высшего образования.

Ключевые слова: история, средняя школа, высшая школа, образование, методология, методика истории, содержание, объем, учебная программа.

Кубанова А.К.

Кравцов О.В.

Эмоции в процессе их управления

Эмоциями называют процессы, которые отражают личную значимость и оценку внешних и внутренних ситуаций для жизнедеятельности человека в форме переживаний. Они могут влиять на наше поведение, мышление, межличностные отношения, профессиональную деятельность, наше общее состояние здоровья и восприятие мира в целом. Управление эмоциями понимается, как способность не только определять свои и чужие эмоции, но и справляться с ними, принимать ответственность за действия и ошибки.

Ключевые слова: эмоции, эмоциональная регуляция, управление эмоциями.

Серенко М.Н.

Первые шаги по восстановлению учреждений образования города Сталинграда в 1943 году

Представленная работа посвящена изучению вопросов, связанных с восстановлением разрушенного в ходе Великой Отечественной войны, народного хозяйства, в частности, учреждений образования. Проблема раскрывается на примере города Сталинграда. Названный город был почти до

основания разрушен в ходе ожесточенных боев и восстановлен заново.

Ключевые слова: Сталинград, восстановительный период, учреждения образования, материально-техническая база учреждений, кадры.

Шляхов А.В.

Историческая память о первой мировой войне на страницах журнала «Историк-марксист» в «юбилейные» годы (на примере 1928 и 1938 годов)

В настоящей статье представлены отдельные результаты исследования, посвященного трансформации исторической памяти о Первой мировой войне в России на страницах отечественных исторических журналов в период с 1926 по 1953 годы. Объект исследования – Первая мировая война в России; предмет – публикации о Первой мировой войне на страницах 10 номеров журнала «Историк-марксист» за 1928 и 1938 годы; цель – рассмотрение взглядов на Первую мировую войну на страницах журнала в «юбилейные» годы окончания Первой мировой войны. Делается вывод о том, что сюжеты, связанные с Первой мировой войной, были весьма востребованы и имели общие характеристики с точки зрения содержания и методологии.

Ключевые слова: историческая память, историография Первой мировой войны, методология, трансформация исторической памяти.

Щупленков Н.О.

Щупленков О.В.

Историографический обзор исторических исследований на страницах журнала «Власть истории и История власти»

В статье дается комплексный обзор теоретических исторических исследований по отечественной истории в журнале «Власть истории и История власти». Предлагается рассмотреть проблему освещения исторических фактов в научном ракурсе, изначально не ставя своей задачей оспаривать существующие концепции истории, а лишь пытается структурировать их в системе научного знания. Если говорить более предметно, то используется системно-коммуникационный метод, который относится к числу формирующихся и работает преимущественно в парадигме социально-исторических систем.

Ключевые слова: историография, научный анализ, религия, отечественная история, регионоведение проблема.

Зияев А.А.

Особенности военного обучения личного состава в узбекских национальных соединениях на территории Узбекской ССР в годы Великой Отечественной войны

В данной статье рассмотрены вопросы подготовки личного состава

формирования, обучения и сколачивания частей и соединений на территории Узбекской ССР в период Великой Отечественной войны, а также мероприятия проведенные Совнаркомом, ЦК КП(б) Узбекистана и всех органов власти в его обучении, подготовке и отправке на фронт.

Боевая и политическая подготовка в войсках Среднеазиатского военного округа и в Узбекской ССР организовалась и проводилась в соответствии с политикой Коммунистической партии и Советского правительства и опыта Великой Отечественной войны. Она была направлена на обеспечение постоянной боевой готовности частей и соединений к отправке на фронт.

С первых дней вооруженной борьбы Военный совет страны принял энергичные меры по перестройке боевой и политической подготовке войск в соответствии с требованиями войны. Руководство республики уделяло самое серьезное внимание совершенствованию стиля своей деятельности и органов управления войсками. При этом большое значение придавалось изысканию наиболее эффективных форм и методов обучения личного состава в предельно сжатые сроки, подготовке частей и соединений по сокращённой программе, укреплению партийных организаций и воспитанию у воинов высоких морально-боевых качеств.

Ключевые слова: Военный совет, формирование, обучение, подготовка, занятие, Коммунистическая партия, комсомольская организация, соединение, подразделение.

Чжин Сил

Азиатские иммигранты Дальнего Востока в материалах первой переписи населения Российской Империи 1897 г.

В 1860 году был заключен Пекинский договор, в результате которого Приморская провинция, примыкающая к рекам Амур и Уссури, перешла под владение России. Однако на Дальний Восток иммигрировало лишь незначительное количество русских. В конце XIX – в начале XX века азиатские иммигранты, такие как китайцы, корейцы и японцы, сыграли важную роль в освоении и развитии Дальневосточного региона. Однако миграция азиатов на Дальний Восток не всегда приветствовалась российским правительством. Она была тесно связана с экономической и демографической ситуацией на Дальнем Востоке того времени, отношением местных властей к мигрантам, и внутренней политикой. В этой статье представлено научное исследование на основе статистики российской переписи населения 1897 года, было проанализировано изменение динамики населения региона, а также положение азиатских мигрантов.

Ключевые слова: Миграция, Азиатские иммигранты, Корейцы, Китайцы, Японцы, Дальний Восток.

Abstracts

Bogoslovskaya V.R.

Dolgenko A.N.

Murashko S.F.

Rudakova S.V.

Dialectics of the development of Russian linguoculture at the beginning of the XXI century

The article is devoted to the analysis of the processes influencing the dynamics and specificity of the development of Russian linguoculture at the beginning of the 21st century. The authors reveal the peculiarities of the development of cultural stereotypes which determine the specifics of modern linguocultural situation in the context of counteraction of globalization and deglobalization tendencies.

Key words: modern Russian linguoculture, linguocultural stereotypes, globalization and deglobalization.

Vlasov A.E.

Shtepa A.V.

The problem of paying pensions and providing medical care to the lower ranks of the general police and the railway gendarmerie of Kaluga province at the beginning of the twentieth century (on the example of the biography of the senior policeman S.A. Grechishnikov and the non-commissioned officer E.P. Kozlov)

The article focuses on the difficulties faced by ordinary employees of the railway gendarmerie in the Kaluga province and the general police of the city of Kaluga at the beginning of the twentieth century: namely, with the payment of pensions in case of partial or complete disability, as well as with the provision of medical services. The conclusion is made about the insufficient financial support of the lower level of the police apparatus of the Russian Empire.

Key words: policeman, medical support, pension, policeman.

Shlyakhov A.V.

Historical memory of the First World War on the pages of "Questions of History" journal (based on the example of 1951)

This article presents some results of a study on the transformation of the historical memory of the First World War in Russia. The object of research is the First World War in Russia; subject - publications about the First World War on the pages of 12 issues of the journal "Questions of History" for 1951; the purpose is to consider the views on the First World War on the pages of the magazine during the specified period. It is concluded that in 1951, stories related to the First World War were presented on the pages of the journal "Questions of History" on an ongoing basis. It is considered how these stories were reflected in terms of the terminology used, content and political aspects.

Key words: historical memory, historiography of the First World War, transformation of the historical memory.

Akhmetova A.R.

Galimzyanova L.R.

Features of national education in the cultural and historical field of the Russian province (late XIX - first quarter of XX centuries)

The article deals with issues related to the implementation of state policy in the field of national education of the Russian province at the end of the XIX - first quarter of the XX centuries. The problems of incorporation of the teaching staff into the state educational system, social adaptation of teaching, cultural socialization of students within the class-politicized system of Soviet education in Tatarstan are highlighted. Ideological and practical problems related to the transition period from the pre-revolutionary school to the Soviet one are revealed. New archival materials from the funds of the republican, city and cantonal departments of public education of the Republic of Tatarstan have been attracted, which allow us to show the actions of the Tatarstan leadership in the process of forming new teaching staff.

Key words: education, politics, reforms, renewal, Soviet power, reformation, enlightenment, religion, teacher, teacher, school, students.

Beloglazov R.N.

Rats A.G.

Unpublished memoirs of V.I. Osokin as a source on the history of activities of underground organizations in Sevastopol during the Great Patriotic War

The article deals with the text of unpublished memoirs of the participant of the Sevastopol underground V.I. Osokin during the Great Patriotic War. It has been established that this source is of great informational value for studying the history of the resistance movement in the city during the occupation period.

Key words: Sevastopol, occupation regime, underground organizations, resistance movement, V.D. Revyakin.

Sinitzyn O.V.

Character and features of secondary school and university teaching of history in Russia

The article characterizes the close relationship and difference between the secondary school and university teaching of history in Russia in terms of the construction of the discipline, the presentation of the material, the content of the subject, the adaptation of history courses to the age-related characteristics of students' understanding. The difference between these systems of historical education exists and should exist, based on the nature and characteristics of the goals and objectives of these levels of education and methodological methods of pedagogical influence. This is also due to the requirements of federal state educational standards for basic general, secondary general and higher education to the results of mastering basic educational programs and acquiring relevant key competencies by schoolchildren and students in the coordinates of ensuring the unity of the educational space of the Russian Federation. With the revealed differences in the construction and content of secondary school and university history courses, there should be complete unity between them in covering and interpreting all the main issues of history on the basis of the Historical and Cultural Standard and the Concept of Teaching Russian

History in Educational Institutions of Higher Education.

Key words: history, secondary school, higher school, education, methodology, history methodology, content, volume, curriculum.

Kubanova A.K.

Kravtsov O.V.

Emotions in the process of their management

Emotions are processes that reflect the personal significance and assessment of external and internal situations for a person's life in the form of experiences. They can influence our behavior, thinking, interpersonal relationships, professional activities, our general health and perception of the world as a whole. Emotion management is understood as the ability not only to identify your own and others' emotions, but also to cope with them, take responsibility for actions and mistakes.

Key words: emotions, emotional regulation, emotion management.

Serenko M.N.

The first steps to restore the educational institutions of the city of Stalingrad in 1943

The presented work is devoted to the study of issues related to the restoration of the national economy destroyed during the Great Patriotic War, in particular, educational institutions. The problem is revealed by the example of the city of Stalingrad. The named city was almost completely destroyed during fierce battles and rebuilt.

Key words: Stalingrad, the reconstruction period, educational institutions, material and technical base of institutions, personnel.

Shlyakhov A.V.

Historical memory of the first world war on the pages of "Marxist historian" journal in the "jubilee" years (based on the example of 1928 and 1938)

This article presents some results of a study on the transformation of the historical memory of the First World War in Russia on the pages of domestic historical journals in the period from 1926 to 1953. The object of research is the First World War in Russia; subject - publications about the First World War on the pages of 10 issues of the journal "Istoriik-Marxist" for 1928 and 1938; the goal is to consider views on the First World War on the pages of the magazine in the "anniversary" years of the end of the First World War. It is concluded that the stories related to the First World War were in high demand and had common characteristics in terms of content and methodology.

Key words: historical memory, historiography of the First World War, methodology, transformation of the historical memory.

Shuplenkov O.V.

Shuplenkov N.O.

Historiographical review of historical research on the pages of the journal "The Power of History and the History of Power"

The article provides a comprehensive review of theoretical historical research on Russian history in the journal "The Power of History and the History of Power". It is proposed to consider the problem of highlighting historical facts from a scientific perspective, in-

tially not setting out to challenge existing concepts of history, but only trying to structure them in the system of scientific knowledge. Speaking more specifically, the system-communication method is used, which is among the emerging ones and works mainly in the paradigm of socio-historical systems.

Key words: historiography, scientific analysis, religion, national history, regional studies problem.

Ziyaev A.A.

Features of military training of personnel in the Uzbek national formations on the territory of the Uzbek SSR during the Great Patriotic War

This article discusses the issues of training the personnel of the formation, training and cohesion of units and formations on the territory of the Uzbek SSR during the Great Patriotic War, as well as the activities carried out by the Council of People's Commissars, the Central Committee of the Communist Party (b) of Uzbekistan and all authorities in its training, preparation and sending to front.

Combat and political training in the troops of the Central Asian Military District and in the Uzbek SSR was organized and carried out in accordance with the policy of the Communist Party and the Soviet government and the experience of the Great Patriotic War. It was aimed at ensuring the constant combat readiness of units and formations to be sent to the front.

From the first days of the armed struggle, the Military Council of the country took energetic measures to restructure the combat and political training of the troops in accordance with the requirements of the war. The leadership of the republic paid the most serious attention to improving the style of its activities and command and control bodies. At the same time, great importance was attached to finding the most effective forms and methods of training personnel in the shortest possible time, training units and formations according to a reduced program, strengthening party organizations and instilling high moral and combat qualities in soldiers.

Key words: Military council, formation, training, training, occupation, Communist Party, Komsomol organization, unit, division.

Sil Jin

Asian immigrants of the Far East in the materials of the first census of population of the Russian Empire in 1897

In 1860, the Peking Treaty was concluded, as a result of which the Primorsky province, adjacent to the Amur and Ussuri rivers, came under the control of Russia. However, only a small number of Russians immigrated to the Far East. In the late 19th and early 20th centuries, Asian immigrants such as the Chinese and Koreans played an important role in the settlement and development of the Far East region. However, the migration of Asians to the Russian Far East was not always welcomed by the Russian government. This migration is closely related to the economic and demographic situation in the Far East at that time, the attitude of local authorities towards migrants, and the internal politics. This report considers the population status of Asian immigrants based on the statistics of the Russian census of 1897.

Key words: migration, Asian immigrants, Koreans, Chinese, Japanese, Far East.

Авторы

Ахметова А.Р. - кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирного культурного наследия Отделения Высшей школы международных отношений и мировой истории Института международных отношений, Казанский федеральный университет.

Белоглазов Р.Н. - кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всеобщая история и мировая культура» Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет.

Богословская В.Р. - доцент кафедры общественных связей и медиаполитики, кандидат филологических наук, доцент. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Власов А.Е. - аспирант 3 курса кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского.

Галимзянова Л.Р. - кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирного культурного наследия Отделения Высшей школы международных отношений и мировой истории Института международных отношений, Казанский федеральный университет.

Долгенко А.Н. - заведующий кафедрой русского и иностранных языков, доктор филологических наук, доцент. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Зияев А.А. - адъюнкт, Научно-исследовательского института (военной истории), Военная академия Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации.

Кравцов О.В. - обучающийся 1 курса. Северо-Кавказская государственная академия.

Кубанова А.К. - кандидат психологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин. Северо-Кавказская государственная академия.

Мурашко С.Ф. - профессор кафедры русского и иностранных языков, кандидат психологических наук, доцент. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Рац А.Г. - студентка 4 курса кафедры «Всеобщая история и мировая культура» Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет.

Рудакова С.В. - доцент кафедры русского и иностранных языков, кандидат психологических наук, доцент. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Серенко М.Н. - преподаватель. Российский экономический универ-

ситет имени Г.В. Плеханова (Волгоградский филиал).

Синицын О.В. - доктор исторических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань).

Чжин Сил - аспирантка Центра «Историческая наука России», Институт российской истории Российской академии наук.

Шляхов А.В. - соискатель. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева».

Штепа А.В. - кандидат исторических наук. Доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского.

Щупленков Н.О. - доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин, Ставропольский государственный педагогический институт.

Щупленков О.В. - доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин, Ставропольский государственный педагогический институт.

Authors

Akhmetova A.R., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World Cultural Heritage of the Department of the Higher School of International Relations and World History of the Institute of International Relations of Kazan Federal University.

Beloglazov R.N., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General History and World Culture, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University.

Bogoslovskaya V.R., Associate Professor of the Department of Public Relations and Media Policy, Candidate of Philology, Associate Professor. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Dolgenko A.N., Head of the Department of Russian and Foreign Languages, Doctor of Philology, Associate Professor. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Galimzyanova L.R., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World Cultural Heritage of the Department of the Higher School of International Relations and World History of the Institute of International Relations of Kazan Federal University.

Kravtsov O.V., 1st year student. North Caucasus State Academy.

Kubanova A.K., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities, North Caucasus State Academy.

Murashko S.F., Professor of the Department of the Russian and Foreign Languages, Candidate of Psychological Sciences. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Rats A.G., 4th year student, Department of General History and World Culture, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University.

Rudakova S.V., Associate Professor of the Department of the Russian and Foreign Languages, Candidate of Psychological Sciences. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Serenko M.N., Lecturer, Volgograd Branch of the Russian University of Economics.

Shtepa A.V., Candidate of Historical Sciences. Associate Professor of the Department of History of the Institute of History and Law, Kaluga State University.

Shlyakhov A.V., Applicant. Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev.

Shuplenkov O.V., Associate Professor of the Department of history, law and

social Sciences of the Stavropol state pedagogical Institute.

Shuplenkov N.O., Associate Professor of the Department of history, law and social Sciences of the Stavropol state pedagogical Institute.

Sil Jin, Ph.D student, Center “Historical Science of Russia” The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

Sinitzyn O.V., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan).

Vlasov A.E., 3-st year postgraduate student of the Department of History of the Institute of the History and Law, Kaluga State University.

Ziyaev A.A., Researcher of Research Institute (military history) of the Military Academy of the General Staff.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЭТНОСОЦИУМ»**

Журнал «ЭТНОСОЦИУМ и межнациональная культура»
входит в Перечень ВАК РФ

В составе редакционного совета ведущие государственные, общественные деятели, выдающиеся российские и зарубежные ученые. В работе журнала участвуют все регионы России, страны Латинской Америки, Китая, Европы. Журнал распространяется во всех органах государственной власти России (во всех регионах), в посольствах зарубежных стран и за рубежом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОСУЩЕСТВЛЯЕТ:

создание, регистрацию, издание и продвижение журналов и альманахов; помощь во всех вопросах, в том числе в юридических, бухгалтерских, арендных, кадровых.

Редакционная подготовка

(литературное и техническое редактирование), дизайн.

Рецензенты и оппоненты, доктора наук и профессора.

Издаем книги, монографии, авторефераты, учебные пособия и др. на высоком уровне, нужным тиражом!

В процесс выпуска книги входит:

- * допечатная доработка (по желанию автора);
- * редактирование;
- * корректура;
- * подготовка электронного макета;
- * присвоение ISBN;
- * присвоение кодов УДК, ББК и авторского знака;
- * разработка дизайна обложки;
- * печать тиража (различными способами: офсет, цифра);
- * передача 16 экземпляров в Книжную палату;
- * рассылка готового тиража по территории РФ.

Все изданные нами книги проходят рецензирование и квалифицированную предпечатную подготовку.

www.etnosocium.ru
тел: +7 (495) 772-19-99
e-mail: etnosocium@mail.ru